

ХАСАН АППАЕВ

ЧЕРНЫЙ

СУЖУК

ХАСАН АППАЕВ

ЧЕРНЫЙ

СУНГУК

РОМАН

Перевод с карачаевского
Вл. Архангельского

«СОВРЕМЕННОСТЬ»

МОСКВА

1977

Аппаев Х. А.

А76 Черный сундук. Роман. Пер. с карачаев. Вл. Архангельского. М., «Современник», 1977.

269 с.

Хасан Аппаев — один из зачинателей карачаевской прозы. Его роман — «Черный сундук» рассказывает о жизни карачаевского народа под гнетом царизма и местных богатеев, о зарождении революционной борьбы на Северном Кавказе. В нем изображаются яркие картины быта дореволюционного горного аула. Судьбы героев романа полны драматизма, действие его развивается динамично и увлекательно.

Λ 70303—242
M106(03)—77

183—77

С(Кав)

РОЖДЕНИЕ АБРЕКА

Ибрахим прибежал домой из медресе, подтягивая на пороге спадающие залатанные штаны и утирая рукавом озябший нос. Он бросил потрепанную книжку на пыльную полку и спросил:

— Отец еще не вернулся?

Мёলেখан ответила не сразу: она мяла на лавке овечьи кожи для богатого соседа Кыямата.

— Нынче приходила Шабалдаевна, гадала на камешках. Вышло хорошо, сказала, что отец придет скоро. И как ты в школу ушел, петух во все горло пел четыре раза. А это тоже к добру!

— Не пойму я, почему ты никогда не произносишь имя отца? Что с тобой будет, если ты назовешь его Темуркой? Или — Темурканом?

— Хоть тебе и тринадцать лет, а ты еще глупый мальчишка! Называть мужа по имени, когда он в отъезде, не положено. Я иной раз скажу про себя «Темурка», так у меня зубы болят. Вот так! И ты не болтай лишнего, как старик, возьми вон чашку с печеной кукурузой, поешь на здоровье. Пока отец не вернется, ничего другого в доме не будет. Да про уроки не забудь! — и она снова загремела деревянной мялкой.

Ибрахим мигом достал деревянную чашку, набил рот зернами, испеченными в золе, и уселся на пороге.

Желтый петух — с багровой бородой белыми сережками и пунцовым гребнем — важно приблизился к нему, подзывая трех кур. И все они жадно поглядывали, как мальчишка бросал в рот зерно за зерном. Но Ибрахиму было не до птиц. Послышались голоса ребят на задворках, и он, поставив чашку на пол, стремглав побежал к товарищам.

Петух отряхнулся, вспрыгнул на бревно и трижды прокукарекал, поглядывая на дверь дома.

— Ах ты мой хороший! — засуетилась Мёлехан. Она вышла во двор, посмотрела на дорогу — не идет ли долгожданный Темурка — и бросила из кожаного мешка, что стоял у двери, полную жменю кукурузных зерен под ноги петуху. — Ну, спой, хоть еще раз!

Но петух, подозвав кур, вместе с ними быстро справился с зернами и пошел копаться в мусорной куче, раскидывая жилистыми ногами пыль, солому и щепки.

Только сейчас Мёлехан спохватилась — а где же Ибрахим? Про уроки забыл; небось снова озорует с ребятами. Ну, погоди, вернется отец, он тебе вправит мозги!

Далеко перевалило за полдень. А Темурка все не шел, хотя и камешки нагадали, и петух кричал голосисто.

Вот уже год и два месяца, как Темурка нанялся к Кыямату батрачить на дальней кошаре в горах с весны до весны. За это время только дважды побывал он дома. В первый раз привез бурдюк айрана, во второй — бараний бок, просоленный и высушенный на солнце. Сроки все вышли, а мужа нет и нет. И приходится Мёлехан крутиться как колесу ар-

бы. Поденно берет она работу у соседей: кому бурку сошьет, кому шерсть спрядет, кому мнет кожи — для седла или для чувяков. Вот и бывает так: Ибрахима и дочку Бадимат покормит вечером, а сама ложится спать голодной. Где же ты, Темурка?!

Размышляя о горькой своей судьбине, не вдруг она поняла, что где-то за домом скулит мальчишка, как побитый щенок. Прислушалась — точно! Выбежала в огород. Ибрахим, прислонившись к сараю, плакал негромко, но из его глаз катились крупные слезы, как росинки на траве.

— Что с тобой? Кто обидел? — она обхватила сына за плечи и повела его в дом. У мальчишки, да еще такого упрямого, не очень-то дознаешься, почему у него слезы на глазах. И чем милее ласкаешь, тем он больше супится и молчит. — Ну, ладно, отведешь душу, сам расскажешь, — решила Мёлехан и снова громко застучала мялкой.

Так оно и получилось. Ибрахим успокоился, вытер глаза и стал рассказывать.

На задворках ребята затеяли возню, затем гонялись друг за другом, и побеждал тот, кто ловко свалит с ног товарища. Потом вспомнили, что в карманах у них громяхают альчики, и поставили кон. У Ибрахима косточек не оказалось. Он попросил ребят одолжить ему, но в ответ они дружно рассмеялись. И он просидел всю игру на заборе. Когда же игра в альчики наскучила, все расселись возле Ибрахима. И внук богача Кыямата — Далхат — сказал:

— Я игру придумал! Пусть каждый скажет, у кого сколько скота? У кого его мало,

тот потащит нас на спине до картофельных грядок!

У Ибрахима в семье были только коза и осел, меньше, чем у других. Далхат вскочил и крикнул:

— Меня потащит Ибрахим! На моего деда батрачит его отец. А я прокачусь на спине его сына!

Ибрахим ответил дерзко:

— Хватит и того, что мой отец гнет спину на вас!

Началась свалка. И внук Кыямата — постарше и посильней — подмял Ибрахима под себя и надавал ему тумачков. И не так уж больно, а обидно: в любом деле верх у богача!

К счастью, мимо проходил сосед Канамат — парень молодой и сильный — вечный батрак в ауле. Он оттащил Далхата за шиворот и дал ему подзатыльник, а Ибрахима приласкал и отправил домой.

Мёлехан повздохала, погладила по голове сына, но ничего не сказала.

— Мама, сходи к матери Далхата. Скажи, чтоб ее змееныш не цеплялся ко мне, — попросил Ибрахим. — А то ему еще хуже достанется!

— Хоть ты и Коран читаешь, а в голове у тебя мякина! Где это видано, чтоб бедняк искал правду у богача? Недаром люди говорят: «Если богатый ухватит тебя за полу черкески, оторви полу и убегай!» Так-то, добрый малый! Ты уж лучше не связывайся с детьми богачей, мало ли ребят из бедных домов, вот и играй с ними: они тебя не тронут.

Слова матери не понравились Ибрахиму.

«Все-то она боится богачей, — подумал он. — А их вон сколько в ауле, значит, и на улицу не выходи!» Но он вспомнил, как Канамат поддал Далхату, и решил, что есть правда на свете.

Раскрыл книжку, но прочитал мало. Потом сказал матери:

— Брось ты мять эту кожу! Зашей рубашку, а то она завтра свалится с меня в мед-ресе...

Аул — в высоком горном ущелье. От снежной шапки Эльбруса частенько докатываются до него холодные ветры. От всего остального мира аул отгорожен скалами, и только в одном месте есть узкий проход Аман-Ныхыт, где с трудом могут разминуться два ослы с поклажей.

Тот, кто приезжает сюда впервые, чувствует себя, как в каменном сундуке: небольшая равнина, где расположен аул, стеснена огромными скалами. А местные жители очень любят свой «каменный сундук». И когда им приходится ненадолго покинуть аул, их беспокоит мысль, что они забрались в такую даль, откуда и не доберешься до родного дома. Поэтому многие и состарились здесь, никогда не выезжая из этого ущелья.

Вокруг аула — десятки глубоких расселин, и почти в каждой из них сладко журчит ручеек, а то и беснуются потоки, когда начинают таять снега вокруг Эльбруса. Все ручейки и речки торопятся к Кубани. И когдаходишь в аул, прежде всего слышен шум, а иногда и грохот этой большой реки в каменистом

русле. А в ветреный день — и мягкий шелест сосновых вершин на ее берегах.

Как помнил себя Ибрахим, никаких особых событий в ауле не случилось. Изредка убегали в абреки аульчане, кому нечем было платить долги Кыямату или вносить подати в царскую казну. Абреки скрывались в потайных пещерах, а ленивые стражники не могли их поймать. Изредка появлялись на свет в семьях аульчан мальчишка или девчонка. И местные кумушки долго об этом судачили.

Кто-то из правоверных отдавал душу аллаху. И это был повод для разговоров у колодца. О покойниках из богатых семей чаще говорили так: «Не был он человеком из лучших, на том свете получит по заслугам!»

Но как только муэдзин, выглядывая то в одно, то в другое из всех шести отверстий в минарете, кричал «салах (тартады)» — молитву за упокой — среди матерей начинался переполох. Все они искали подкову и заставляли детей брать ее хоть на секунду в зубы. По старому поверью это надежно охраняло детвору от болезней и смерти. Мёлехан держала для этой цели подкову, которая хранилась на полке в чистой тряпке.

И чем реже бывали новости, тем разносились они по аулу быстрее. Каждая кумушка спешила передать новую весть соседке. Та, подхватив подол юбки или придерживая платок на голове, мчалась дальше. А когда спадали с пог чувяки, подхватывала их в руки и бежала босиком.

Ежедневное маленькое событие — вечерний намаз в мечети. Сегодня он был краток: в аул

прибыл пристав, которого горцы называли «прустоп». Конечно, он не был на вечерней мусульманской молитве, но назначил сразу же после намаза сходку в местном правлении у старшины. И все торопились послушать, что там скажут. Мечеть стояла на взгорке, оттуда народ валил в нижнюю часть аула, где помещалось правление.

Впереди шел мулла Мухаммат-Амин: в ярко-голубом одеянии, с янтарными четками в руках. Как и полагалось лицу духовному, он двигался с достоинством, опустив глаза долу. Но все знали, что у него взор острый, как у орла, и никому от него не укрыться. Когда от толпы отделилась и завернула к дому стройная молодая женщина с ребенком, он непристойно уставился ей вслед.

Это заметил старшина Биймурза и, махнув рукой в сторону молодухи, что-то сказал служителю аллаха. Старшину всяк мог признать с первого взгляда: и по осанке, и по короткой ухоженной бороде. И только у него была высокая шапка из черного блестящего каракуля, шашка, кинжал и пояс, украшенные золотой вязью, револьвер в кожаной кобуре, золоченые газыри и блестящие погоны. А на груди — набор медалей, позвякивающих при ходьбе.

Новый в ауле человек наверняка бы подумал: зачем этот тщеславный старик носит на себе столько дорогих и тяжелых вещей? И, словно в ответ на такую мысль, Биймурза отстегнул большую шашку и передал своему помощнику Мыртазу, идущему позади. Тот взял ее двумя руками, как драгоценную вазу, и засеменял ногами, боясь споткнуться.

Следом за старшиной шествовал самый богатый человек в ауле — старый, кряжистый Кыямат, опираясь на палку с набалдашником из слоновой кости. Все, кто замыкал шествие, так или иначе были его должниками и не скрывали своей неприязни к нему.

— Новый прустоп должен прижать Кыямата, из-за него уже четверо убежали с весны в абреки.

— Держи карман шире, не было и не будет прустопа, который бы поднял руку на нашего пузана!

— Хорошо быть богатым, — вздохнул кто-то.

— Не дури, бедолага, нищим был, нищим и помрешь!

Большой двор правления скоро заполнился народом. И все поглядывали на широкий и длинный стол с зеленым сукном. Там на подносе лежал белый каравай, а на нем серебряный стаканчик, до краев наполненный солью.

Два стражника лениво прохаживались вокруг стола. А как только началось движение в сенях, образовали широкий проход от крыльца и встали шеренгой.

Ибрахим с ребятами сидел на глиняной крыше соседнего дома. Оттуда хорошо было видно, как протиснулся в проем двери невысокий грузный прустоп в синем мундире, в суконном картузе с красным околышем, с черными усами, похожими на крылья ласточки. На левой стороне груди висели у него белый крестик, медали.

Ибрахим понял не все, что говорил пристав. Но уловил, что речь шла о податях, ко-

торые в ауле платят плохо. И до него дошла угроза прустопа: «Если завтра абреки не вернутся в аул, он расправится с их семьями!» И сейчас же послышался приглушенный голос Канамата:

— Начальник новый, а порядки старые. До него был мироед, и этот не лучше. Да, видеть, и обжора: у него в животе поместится годовалый бычок!

Старшина Биймурза строго глянул на Канамата, тот поспешно спрятался за спинами мужчин.

Пристав Федор Иванович, которого аульчане почему-то прозвали Апанасом, быстро закончил свою краткую речь, сел со старшиной в фаэтон¹ и поехал на праздничный вечер к Кыямату.

Так уж повелось исстари: всякий большой гость непременно отправлялся в дом богача, где его ожидало обильное угощение, музыка и танцы. Когда Ибрахим смешался с толпой, которая потянулась к дому Кыямата, там уже слышались хлопки в ладоши.

Собрались люди со всего аула: и древние старики, и молодые женщины с детьми на руках, и девушки в красивых платьях, и парни — в черкесках поверх белых бешметов. Они прихорашивались: подтягивали пояса, встряхивали папахи, обнажая бритые затылки, молодежато покручивали усы.

Той пропустить никак нельзя: это веселый праздник. Да и здесь можно присмотреть невест, которые в обычные дни сидят дома затворницами. Но выбор невесты — дело не

¹ Фаэтон — легкая коляска с откидным верхом.

простое. Мало приглядеть девушку, надо чтоб она поправилась родителям. У парней в голове ветер, — им нужна стройная красавица с мягким характером. А у отца с матерью своя мерка: какого она рода, крепка ли здоровьем, работающа ли и сколько за ней приданого? Только в одном они согласны с сыном — нужна жена покладистая.

Что будет, как будет? А пока парни слетелись на той, как пчелы к медоносному цветку.

Ибрахим жил рядом и нередко бывал в доме Кыямата как свой человек. Жена богача, Джантемировна, как ее все называли, изредка давала ему поручения: сбегать в лавку, пригнать домой кур с огорода, помочь ей просушить на солнце ковры. Расплачивалась скупко. Но и свежая кукурузная лепешка была ему в радость.

Правда, Ибрахим знал только кухню, сени и большую комнату, где бывал той в зимнюю стужу. И всегда удивлялся: есть хозяйка, трое слуг, но в комнате грязновато. И только ковры на стенах, волчьи шкуры, меховые шубы и стеклянная посуда на полках скрывали обшарпанные стены в янтнах и трещинах от пола до потолка.

Но была у Кыямата заветная комната, куда аульчан не пускали. Эта небольшая комната (хозяин называл ее отоу) — предназначена для приема высоких гостей. А когда их нет, закрыта на замок, ключ от него Кыямат подвешивал к четкам, с которыми никогда не расставался.

Гостям, при входе в эту нежилую комнату, становится не по себе от затхлого запаха

сырости. И пристав Апанас, переступив через порог, прислонил к усам надушенный бело-снежный платок.

Помощник пристава Иннокентий Петрович — худощавый, кривой и лысый — так и впился глазами в стены. На одной из них были развешаны красивые кинжалы, большие ножи, старинные горские ружья с витыми стволами и инкрустациями на ложах из серебра и слоновой кости, олени рога для пороха. И—шубы, шубы! На другой—шелковые платья, золоченые нагрудники, женские пояса, расшитые золотой нитью, стеганные полукафтаны из белого шелка. У третьей стены— кровать. На ее спинках навалено старое и новое белье. А над кроватью—портрет Николая Второго во весь рост, обрамленный по багету шелковым платком. У четвертой стены — стол, над ним большая фотография турецкого султана с многочисленным семейством.

Кыямат не стеснялся выставлять напоказ гостям свое богатство: они — люди его круга, и о копейке не думают, как его бедняки соседи. До Биймурзы он прослужил старшиной в ауле больше десяти лет, открыто брал взятки, которые назывались подношением за услугу, за бесценок отбирал у должников имущество, и все обращал в деньги и дорогие вещи. Деньги он не пускал в оборот, как купцы или ростовщики, а хранил в железном черном сундуке, к которому не имела доступа даже скупая Жантемировна. Но главным его богатством был скот: огромные отары овец, тучные стада коров, табуны резвых лошадей. За батраками зорко следил сын Кыямата — Кандаур: молчаливый, грубый, желчный и беспощадный. Он

замечал каждый их шаг. А его папаша так ловко вел дела с батраками, что, прослужив год или два на его кошарах, они уходили домой ни с чем. Заболевала овца, и они прирезывали ее, — Кыямат записывал за ними долг. Съедали за сезон десять мешков муки, хозяин отмечал «пятнадцать». А тем, с которыми договаривался расплатиться шерстью, выдавал свалевшиеся отбросы, а цену ставил высококую.

Батраки не сводили концы с концами. А между собой поговаривали:

— На всех горах скот Кыямата. Да только сам он хуже всякой скотины: ему бы только жрать мясо, ворованное у других.

Иногда они поднимали крик при хозяине, требуя правды. Кыямат грозно стучал палкой оземь, давая понять, что разговор окончен. И попробуй пожаловаться старшине, — он друг богача и нагонит такого страху, что позабудешь дорогу к кошаре. И только тех, кто заведомо был нужен и никогда ему не перечил, он иногда одаривал недорогими подарками.

Но с гостями Кыямат был щедр: все, что есть в печи, все на стол мечи!

Усадив пристава с помощником, он вышел из комнаты. Иннокентий Петрович передернулся:

— Меня, Федор Иванович, просто мутит от этих азиатских запахов. Я не прожил бы с такими ослами, как Кыямат, и одной недели. Да и пристойно ли нам находиться здесь? Я усматриваю непочтительное отношение к императору: его портрет висит над подштанниками, а турецкий султан красуется над столом!

— Полно тебе, Иннокентий Петрович! Старый Кыямат повесил портрет царя на самое

почетное место. Оно называется кыбыл и обращено в сторону священной для мусульман Мекки. Над портретом — дорогое покрывало. А султан лишен этих почестей. Я лично в Кыямате не сомневаюсь: он без лишних слов отдаст жизнь за царя. Подожди, нам сейчас подадут барашка, да с капусткой и с приправой. Не забудут и о доброй чарке.

Разговор оборвался: в дверях показался слуга с подносом, на котором жареный барашек исходил паром. Потом появились на столе бутылки с вином и с водкой, хычыны — круглые пироги с мясной и картофельной начинкой, испеченные в кипящем масле, зеленый лук, кинза, укроп. Вошли Кыямат с Биймурзой. И пиршество началось.

Ибрахим крутился на кухне, помогая Жантемировне. И плохо слышал, о чем говорили гости с хозяином. Да и понимал не все, потому что знал по-русски не больше сотни слов. Когда Кыямат решил поднести стакан водки стражнику, стоявшему у двери, и тот жадно ухватил его одной рукой, Биймурза крикнул:

— Остолоп! Когда тебя угощает старший, принимай стакан обеими руками!

Апанас стал что-то шептать на ухо Кыямату, показывая большим пальцем через плечо на захмелевшего Иннокентия Петровича, хозяин вскочил и встал по струнке:

— Мой отец, упокой аллах его душу, служил русскому царю верой и правдой, и я всю жизнь буду свято чтить следы его ног!

Он забрался на кровать, поцеловал ноги царя на портрете и прослезился.

Когда Ибрахим услышал, как хозяин в

разговоре упоминает имя Канамата, он наво-стрил уши. Кыямат стал жаловаться прустопу. Этот молодой батрак мутит воду. При встрече не здоровается с ним почтительно двумя руками, никогда не осведомляется о здоровье. Кандаур как-то — подумаешь! — не доплатил ему при расчете десяти рублей, так КанаMAT бросился на него с вилами, а потом угнал бычка. На этой неделе побил его внука Далхата из-за сына батрака Темурки.

За КанаMATом есть и другие дела, посерьезней. Недавно он непочтительно говорил о государе. Он водится с босяками, работающими на руднике.

— Преклоняю перед тобой голову — убери его отсюда, при нем не будет покоя в ауле. Если мне не веришь, спроси Биймурзу, он тебе то же скажет.

— Верно, Федор Иванович, пора прибрать к рукам этого Канамата.

Иннокентий Петрович изрядно упился и его уложили спать под портретом самодержца всея Руси. Пристав с Биймурзой и Кыяматом, пошатываясь, вышли во двор и уселись в мягкие стулья неподалеку от крыльца.

Танцы были в разгаре. Молодежь располагалась по кругу, выпуская пары для лезгинки. Всем хотелось видеть, как легко и бесшумно перебирают ногами девушка и парень. Круг смыкался, оставляя маленький пяточок. Тогда распорядитель брал длинную палку и, стоя в центре круга, проводил ее концом по земле, стараясь задеть ноги зевак. До кого он дотрагивался, тот, подпрыгивая на одной ноге, пятился, и площадка ненадолго становилась шире.

Двор не мог вместить всех желающих. Возле западной стены на поленнице расселись древние старики аула. Они мирно беседовали, согласно замечая, что не та пошла молодежь, нет в ней того бесшабашного азарта, который, мол, знавали деды в своей юности.

Над стариками, на крыше дома Кыямата, сарая и на крышах соседних домов, кучками сидели на корточках женщины, так закрыв плафками лица, что виднелись только глаза.

Ибрахим, не найдя хорошего места в кругу, забрался на дерево. Оттуда он заметил Канамата, спустился вниз и подбежал к нему. Шепотом стал взволнованно рассказывать, о чем говорили Кыямат, Апанас и Биймурза. Канамат похлопал Ибрахима по плечу, успокоил:

— Не бойся, так просто я себя в обиду не дам. А с пузаном, прустопом и со старшиной мы еще посчитаемся. Гляди, как Апанас жадно разглядывает наших девушек. А у самого пузо отвисло до колен. Вот бы зарезать такого жирного барана, до весны было бы на чем жарить кукурузные лепешки!

Подошедший к ним Бийнегер добавил:

— Живет припеваючи! И ты был бы такой жирный, угошаясь в кажлом ауле. А покосил бы он со мной (в артели) сено хоть одну неделю, ничего бы от этого живота и не осталось!

Музыка звучала непрерывно. На гармошке играла девушка, ее сменял джигит. Доброхоты хлопали в ладоши, кто-то в такт гармонистам колотил узкой дощечкой по табурету. Распорядителю танцев это нравилось, и он обещал им в конце пыненишего тоя по куску хычына.

Словно бы не различали на танцах бедных и богатых — любой мог выйти на круг. Но так казалось только тем, кто никогда не бывал на празднике. Вот нахлопался в ладони парень в старенькой черкеске и стоптанных сапогах. Разлетелся к девушке в шелковом платье. Да не вышло: богатая красавица скривила губы и отмахнулась. Парень покраснел, попятился и снова стал хлопать. А рядом оказалась девушка в простеньком ситцевом платье. Она украдкой дотронулась до его руки, приглашая в круг. Парня — не узнать! Он мигом развернулся перед ней, выкинул левую руку, правую согнул в локте и зачастил ногами так, что завихрилась пыль. Девушка приняла вызов, и — пошло! Чарк, чарк. Шире круг!

Не успела эта пара закончить танец, как в круг выскочил джигит: новенькая черкеска из серого сукна, каракулевая шапка, мягкие сапожки, золоченый кинжал. Он расшаркался перед гармонисткой. А она красива, слов нет, и платье завидное, и на голове дорогая шапочка с серебряным шитьем.

Танцевали они не лучше других. Но распорядитель старательно расширил круг, при топявая ногой и крича в голос. Потом выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил бумажной пулей, она разлетелась над танцующими снежными хлопьями.

У распорядителя верный нюх, как у овчарки. Он взял девушку за руку и крикнул богатому парню:

— Азамат, вот твоя затворница! Давай выкуп!

Парень достал из кармана пухлый ко-

с. 19
1970/01/01
шель, вынул бумажку с портретом царицы
(Екатерины Второй.) Распорядитель помчался
с бумажкой по кругу:

— Смотрите, люди, Азамат дал сто руб-
лей!

Но все это была игра на потеху богатым. Сторублевка обойдет весь той и вернется в пухлый кошель хозяина. Распорядителю достанется всего двугривенный.

Дошла очередь и до пристава. Распорядитель, пританцовывая, прошелся мимо Апанаса, у которого горели глаза, когда он глядел на девушек. Выбрал в толпе скромно одетую девушку и подвел ее к гостю:

— Вот и ваша затворница, наш высокий гость. Не отдадим без выкупа!

Широким жестом Апанас протянул распорядителю серебряный рубль.

Девушка поклонилась и молча отошла к подругам. Федор Иванович, польщенный вниманием, заулыбался и что-то шепнул Биймурзе. Тот кивнул, словно говоря: хорошо, хорошо!..

Той продолжался три дня. В последний день праздника Ибрахиму не надо было идти в медресе, но Мёлехан разбудила его:

— Вставай, славный парень! Пока не за-
тух огонь в очаге, подкинь два-три полена. Бадимат надо помыть голову, — она вечером пойдет на той.

— Пусть сама и подкладывает дрова, — пробурчал Ибрахим, протирая глаза со сна.

— Ну кто так относится к любимой сестре? Нам надо помочь ей.

Вставать не хотелось. Но чего не сделаешь

ради ласковой сестренки? Ее подружки уже два дня гуляли на тос, а она еще не была. Верно говорит мать, — надо помочь. Он принес со двора охапку дров и поморщился от боли.

— Что с тобой? — тревожно спросила мать. Ибрахим промолчал. При ярком свете очага Мёলেখан увидела на дровах следы крови. Велела показать ладони: на правой — расплылся синяк, на левой — кровоточили две ранки. — Почему молчал? Опять подрался? Дай перевяжу, — она достала чистую тряпочку.

Рассказывать не хотелось. Но и скрыть от матери нельзя: Мухаммат-Амин избил палкой.

Мёলেখан только вздохнула: случилось это не без ее вины. Мулла, которого почтительно называли эфенди, уже раза два говорил, что сынок ее закончил чтение молитвенника и перешел к Корану. Надо бы сделать подношение аллаху, иначе у мальчика учение дальше не пойдет.

Аллах аллахом, а подносить надо Мухаммат-Амину. И хорошо бы барашка с хычынами и с сахарными пряниками, как заведено. А где его взять?

Вот эфенди и затаил зло против сына Те-мурки. И позавчера, когда перед мечетью дети читали Коран, жужжа как пчелы в улье, эфенди стал их проверять. Ибрахим читал Коран старательно, держа его на коленях и водя пальцем по буквам справа налево.

— Сколько раз говорил тебе: читая священную книгу, надо держать ее выше пояса. Глядя на тебя, и другие держат Коран на ко-

ленях. Встать, негодники! Руки держать ладонями вверх!

Эфенди шел вдоль выстроившегося ряда мальчишек и ловко, привычно наносил по ладоням два-три удара тростниковой палкой. Поднялся рев. Но вряд ли надо было плакать всем: Мухаммат-Амин бил с выбором, и не у каждого из них показалась кровь. А Ибрахи-ма ударил с такой силой, что кровь брызнула на белый кафтан эфенди.

Ибрахим не заревел. Он уткнулся носом в стену мечети и просил аллаха жестоко нака-зать Мухаммат-Амина.

А тот прошел в мечеть и громко стал чи-тать строки о великой силе аллаха. Когда святой Даут остановился перед морем, не зная, как перейти его, аллах велел ему бро-сить в воду свой посох. Море расступилось, и Даут прошел по сушу со своим войском.

— Там был посох по воле аллаха. А у ме-ня тростниковая палка в его честь. Помилуй, аллах, меня грешного, если я перестарался.

— Перестарался, эфенди, — неслышно подошел к нему муэдзин Мустафа, — дети плачут так, что может сбежаться весь аул. А у тебя кровь на кафтане.

— Оставь меня, беспокойный человек! Се-годня шла кровь носом, вот и следы.

— Зачем говорить такое старику? Я не подсматривал, эфенди, но случайно все видел. А коль так получилось, молитву все же не на-до воздавать без омовения.

Мухаммат-Амин грозно глянул на своего помощника и старательно стал ковырять ног-тем засохшие пятна, но они не сходили с оде-жды...

Апанас в этот час только проснулся и, лежа в постели, почесывал волосатую грудь. У порога он увидел Биймурзу, поманил его пальцем:

— Сегодня кончается той, старшина, а мне так и не привели в гости девушку. Увижу старание, будет на твоей груди новая медаль.

— Какой же старшина не мечтает о медали, Федор Иванович? Только из-за девушки меня могут убить. Сами знаете: народ дикий, раз-два, вылетит пуля из-за угла, и — нет старшины!

— Сделай это, братец, с умом. Пусть все думают, что она по своей воле пришла ко мне. Да не обязательно в постель: просто хоть споет мне и спляшет.

— Смотри, Федор Иванович, надо ли в твои годы играть с огнем? — вмешался кривой Иннокентий. — Что ж это получается: седина — в бороду, а бес — в ребро?

— Будет сделано! — перебил его Биймурза: он уже видел новую медаль, покачивающуюся на груди.

Старшина был человеком жестоким, но и в меру трусливым. Он понимал, что прихоть Апанаса выполнить нелегко. Конечно, подставить приставу можно вдовушку или солдатку, — за них некому заступиться. А уж если девушку, то только дочь батрака Темурки — черноокую Бадимат. Заодно сделать зло и Канамату, который не сводит с нее глаз. Но с Канаматом шутки плохи: он на расправу скор и сможет крепко постоять за свою невесту. Вот дела! Из-за этого проклятого тоя все нет времени притащить его в правление. А пока он на свободе — жди чего хочешь. При-

дется посвятить в план Кыямата, только от него задаром помощи не дождешься!

Кыямат оказался легок на помине:

— Что ты нос повесил, старшина? Или господу недовольны моим гостеприимством?

— Апанас — на седьмом небе. Но такое задание дал, что у меня голова трещит. А исполнить надо — обещал дать медаль.

Кыямат едва устоял на ногах:

— Нет у тебя совести, Биймурза! Апанас у меня в гостях, так за что ж тебе медаль? Прежде надо было обо мне вспомнить, а ты, как дикий кабан, думаешь только о себе. Какое тебе поручение?

Биймурза решил вывернуться:

— Апанас сказал, что нет у него людей, которым он бы доверял больше, чем мне. И — тебе. И надеется, что мы приведем ему нынче хорошенькую девушку — спеть и сплясать — и получим по медали.

Кыямат не очень-то поверил словам старшины. А потом решил, что про вторую медаль тот выдумать не мог. Он молодецвато сдвинул шапку на затылок и похлопал Биймурзу по спине:

— Аллах не выдаст, а уж я поломаю старые кости и прустопу угожу. Канамат лопнет от злости. Джантемировна это нам устроит мигом. Эй, жена!

Старая, обрюзгшая Джантемировна показала на пороге, пряча за спиной руки, перепачканные тестом.

— Бадимат будет сегодня на тое? Что-то я не видел ее пока. Не послать ли за ней, пусть девушка повеселится хоть в последний день праздника.

— Мёлахан сказала, что дочка снаряжается, будет непременно.

— Ты ее по хозяйствупусти, она поможет подать угощение гостям. Иди, старая! — А старшине сказал: — Девушка будет, а остальное — наша забота! Подадим Апанасу вместо сладкого плова! Только не потащил бы он ее в постель, — тогда нам несдобровать!

Канамат родился в бедной семье. Учился самую малость, — всего два года. Отец и мать умерли рано, он остался один и жил тем, что батрачил.

Ткни пальцем в любой богатый дом, в каждом он побывал батраком. Когда был мальчишкой, не платили ему ни копейки: кормят, и — ладно. Или дадут к празднику обноски.

Чуть повзрослел, стал получать крохи, и почти всегда — с боем. Богачи не любили строптивых и выгоняли его раньше срока. Но в работе он был дорог. И если один мироед обходился без него, тотчас же брал его другой. Лет пять назад батрачил он у Кыямата. А когда Кандаур недодал ему десятку, Канамат так огрел его деревянными вилами, что тот долго валялся возле овчарни. После этого он затаил зло против ненавистной ему семьи Кыяматовых и глядел на всех домохладцев богача как на змей.

Мать его считалась красавицей в ауле, и он выдался в нее. Высокий белый лоб, тонкие черные брови полудужьями, темного печальные черные глаза, волевой подбородок

с коротким пушком, как у неоперившегося галчонка. Если бы не плохая одежда, на любом тое был бы он самый завидный джигит.

Тяжелая батрацкая работа закалила Канамата так, что не было сильнее его на любых состязаниях молодежи, особенно в борьбе: он укладывал соперников как баранов. Вспыльчивый, горячий, отличался парень добрым сердцем. И не бывало такого, чтобы он не приходил на помощь бедному аульчанину. А уж у стариков и детей доброе имя его не сходило с уст.

Канамат был самым близким другом семьи Темурки. Родители Ибрахима и Бадимат почитали его за старшего сына. И Мёлехан, готовя гурджины — кукурузные лепешки — не находила себе места, если не могла угостить Канамата. Ибрахим в нем души не чаял. А Бадимат, как только заневестилась в свои шестнадцать лет, очень скучала, когда Канамат батрачил на альпийских лугах. Да и он не мог пробыть без нее даже одной недели. Прискакивал в аул верхом близко к полуночи, виделся с Бадимат час-другой: они сидели возле плетня на длинном плоском камне и чаще молчали, чем разговаривали. А задолго до рассвета, он, не понукая коня, уезжал по горной тропе в кошару. Родители делали вид, что не замечают их любви. Но стоило Мёлехан или Ибрахиму завести разговор о Канамате, как у Бадимат краснели уши. И чем грустнее была девушка без своего суженого, тем крепче строила планы ее мать: вернется Темурка, надо играть свадьбу. Только дочери об этом не говорила.

Зная, что в семье у невесты хоть шаром покати, КанаMAT старался помочь, чем мог: то немного муки привезет, то баранью лопатку, то орехов или кизила.

— Слава аллаху, не будь КанаMата, протянули бы мы ноги. Он любит нас, — не раз говорила со значением Мёлехан и испытующе поглядывала на дочь. Бадимат старалась не показать, что слова матери волнуют ее. Она опускала голову, до боли стискивала зубы или украдкой щипала себя за руку.

И сегодня на пороге у Темуркановых появился перед вечером КанаMAT.

— Войди, войди, дорогой, — засуетилась Мёлехан. — Пусть твоя болезнь перейдет ко мне! Здоровья желаю. И Бадимат с Ибрахимом дома.

— Водил коня на водопой, зашел узнать, как вы тут? А Темуркана уж не привязали ли к стойбищу Кыямата? Пора бы ему быть дома.

— Я уж ослепла, выглядывая на дорогу. Проходи на почетное место, Бадимат сейчас выйдет: она переодевается.

— К чему это? Мы же свои люди.

— Она идет на той к Кыяматовым. Приходила сама Джантемировна, хочет, чтоб наша девочка помогла угощать русских гостей. Ей отказать нельзя.

Вскоре вышла из своей комнаты раздетая Бадимат. Она подошла к КанаMату, поздоровалась. Тот ничего не сказал, но вздохнул и опустил голову, — очень ему не понравилось, что Бадимат будет на тое среди людей, которые хотят выжить его из аула.

— Ибрахим, собирайся! Проводи сестру, будь возле нее неотлучно. А как кончится той, возвращайтесь вместе, — приказала мать.

Канамат хотел сам проводить невесту, не очень полагаясь на мальчишку. Но тот с таким видом взял сестру за руку, словно сказал: не сомневайтесь, ни один волос не упадет с головы Бадимат! И Канамат остался у очага, глубоко задумавшись, тяжелые мысли давили его, как черные тучи. Мёলেখан пыталась завести разговор, но Канамат отвечал скупое: не лежало сердце его к беседе.

— А когда Мёলেখан вышла во двор, он снял со стены Темуркии книжал, засунул его за пояс:

— Мама Мёলেখан, я засиделся у вас, а уже время (выгонять коня в ночное). Будьте здоровы!

Не прошел он и полсотни шагов, как повстречались ему любимые дружки, направлявшиеся на той: Батал, Бийнегер, Касым и Токал.

Все они разнились даже по виду. Батал — невысокий, но очень стройный: с осиной талией и тонким красивым лицом; Бийнегер — круглолицый и коренастый, как молодой дубок, выросший на поляне, где его не затеняли другие деревья; Касым — высокий, с густыми курчавыми волосами, черными, как сажа, — и на этих кудрях шапка еле держалась на макушке; Токал — самый тщедушный, с кривыми ногами. Плечи у него узкие, девичьи, но живот выпуклый, будто его всю жизнь кормили одной мамалыгой, от которой, как и от картошки, только живот растет.

— Эй, алан¹, хочешь улизнуть от нас? — к нему приблизился круглолицый, веселый Бийнегер и крепко схватил за руку. — Пойдем смотреть на той.

— Не могу. Устал я нынче, весь день дрова рубил и не знаю, как добраться до постели...

— Ей, право, темнишь, КанаMAT! — басовито засмеялся Касым. — Еще ни разу тебя никто не видел уставшим.

— Да нет, друзья, я не шучу.

— Ну, как знаешь!

Когда КанаMAT заскрипел калиткой своего дома, Бийнегер сказал:

— Не понравился мне голос КанаMата. Не заболел ли он? Я, пожалуй, вернусь, да переночую у него: ведь он все один и один.

— Уж лучше я: нет у меня большой охоты идти на той, — Батал хотел пойти за КанаMатом.

— Не девчонка, отоспится и без нас, — решил за всех Токал...

Друзья подошли к дому Кыямата и уже во дворе начали хлопать в ладоши, проталкиваясь в большую комнату богача, забитую людьми до отказа.

Ибрахим стоял на кухне и услышал, как Кыямат приглушенно приказал жене:

— Не тьяни, старая! Дай Бадимат блюдо и отирайся с ней к гостям. Я буду там.

Грузная, не в меру растолстевшая Джантемировна, в черном платке, в просторном платье с широченным подолом, чем-то напоминала плохо уложенную копну сена. Она сли-

¹ Алан — друг. — *сочинитель*

сьей улыбкой подошла к Бадимат, обнажив желтые лошадиные зубы:

— Помоги мне, доченька, управиться с угощением. Гости не осудят меня, если отнесешь им жаркое, ты ведь свой человек. И поглядишь, не надо ли еще чего-нибудь? А я присмотрю, чтоб не подгорела пшенная каша.

Бадимат не стала отказываться. Ей неудобно было не уважить старую женщину. Она засучила рукава, взяла блюдо и пошла к гостям. Ибрахим направился следом. Кыямат вытолкнул его за порог:

— Нечего тебе делать среди взрослых. Иди, иди, Ибрахим! Поглядел на танцы и — отправляйся домой. — А стражнику шепнул: — Никого сюда не пускай. Завтра получишь награду, — и ушел в комнату гостей, плотно прикрыв дверь за собой...

Канамат не смог оставаться дома: его мучили недобрые предчувствия. Он уже вывел коня из сарая, собираясь попасть своего любимца за аулом. Но раздумал: одернул черкеску и быстро зашагал к дому Кыямата. Войдя, он не увидел Бадимат в кругу девушек, оглянулся с тревогой. К нему подбежал Ибрахим.

— Где Бадимат? — спросил Канамат с дрожью в голосе.

— Там, — указал Ибрахим на дверь. — Кыямат меня не пустил. Бадимат осталась с Апанасом. С ними — Кыямат и Биймурза. Сестра плачет, я слышал!

Канамат шагнул к двери, стражник оттолкнул его. Ему бы посторониться и не прикладывать рук: перед ним был разъяренный джигит, для которого нет запрета, когда пося-

гают на честь возлюбленной. От чудовищного удара в подбородок стражник отлетел в угол и повалился на пол без памяти. Винтовка упала к ногам Ибрахима, он поднял ее и побежал во двор. КанаMAT навалился плечом на дверь, сорвал крючок. Апанас замер в кресле, Биймурза выронил бокал с вином, Кыямат держал на трясущейся ладони кучку золотых монет. Бадимат, с растрепанными волосами и опухшими от слез глазами, съежилась в углу.

Что было дальше, КанаMAT почти не помнил: он выхватил кинжал. Кинжал послушно воткнулся во что-то мягкое. И — раз, и — два. Крик ужаса огласил комнату. Апанас захрипел, Биймурза упал на пол. Бадимат схватила своего суженого за руку. Вместе с ним домчалась до дома. Впервые КанаMAT прижал невесту к груди и, громко дыша, сказал:

— Одним абреком стало в ауле больше. Ухожу в горы, жди весточки.

Подбежал Ибрахим.

— Ой, ой, ой! И прустоп в крови, и старшина! — Только и мог сказать он, прижимаясь к плечу Бадимат.

Из ворот дома КанаMата на рысях выскочил конь и зацокал подковами на берегу Кубани...

Стойбище Кыямата располагалось далеко от аула, за Кубанью и двумя увалами, у самой границы ярко зеленеющих альпийских лугов.

Темурка вставал до рассвета, наскоро съедал затируху, миску айрана и уводил отару высоко в горы. Овцы щипали сочную тра-

ву, а он, опершись подбородком на шапку, надетую на посох, поглядывал на долину, где, как спичечные коробки, лепились друг к другу домики аула.

Это были самые приятные минуты: он уже бодрствовал, а вокруг все лишь просыпалось. Багрянились и желтели восточные склоны гор, напоминая раскаленное железо. Затем из-за щербатой скалы показывалось солнце, словно половина начищенного до блеска медного таза. И тотчас же начинался птичий перезвон.

Если поднимался ветер, раскачивались вершины сосен над Кубанью. И почему-то всегда казалось Темурке, что это движется войско, как в те далекие годы детства, когда царские конники шли на покорение Кабарды.

На самой близкой одинокой сосне, у которой ударом молнии была опалена макушка, каждое утро пировал старый могучий орел. Темурке он напоминал алчного, жадного Кыямата. А на соседних деревьях и на земле располагались птицы поменьше: сороки, сойки, вороны и даже воробьи, ожидая, не перепадет ли им чего-нибудь от пиршества царя пернатых.

Когда орел видел на камне змею, он стремглав падал на нее, и начиналась борьба, птицы слетались к тому месту, где только что пировал орел, и успевали унести крохи. Но как только затихала на земле убитая змея и орел — с грозным клетотом — возвращался на обгорелую сосну, все разлетались в разные стороны.

«Даже воробей счастливее батрака!» — горько думал тогда Темурка. И снова перево-

дил взгляд на аул, где заждались его Мёле-хап, Бадимат и Ибрахим.

Там оживали очаги, черными струйками поднимался дымок к небу. Хозяйки выгоняли скот, и над аулом нависала пелена пыли, словно все — по уговору — чесали шерсть деревянными гребнями. И только горные речки и ручьи, бегущие к Кубани, в утренних лучах солнца блестели как серебряные.

Но куда бы Темурка не обращал свой взгляд, одна думка не оставляла его: вот придет Кандаур — сын Кыямата, приставленный отцом следить за батраками, — он потребует расчет и немедленно отправится домой.

Правда, два дня назад такой разговор с Кандауром уже состоялся. Но хозяйский сын отмахнулся:

— Сезон еще не кончился, Темурка, надо погодить. Да и заработал ты мало, что пове-зешь семье?

После такого разговора Темурка спал две ночи беспокойно. Сейчас его клонило ко сну. И он лег на пригретую землю, положив шапку на камень. Но и в тревожной дреме его все не оставляли думы о прожитой жизни. С самого раннего детства гнул он спину на богачей, а становился все беднее. Попытался вспомнить хоть один яркий, радостный день, но не получалось. Молодые, сильные его годы прошли по колено в грязи, в голоде, в холоде. Черная борода давно стала седеть, а в доме — хоть шаром покати. Как прожить старость? Где найти силы, чтобы дальше нести ослабевшие ноги?.. И почему так резанула боль выше правой ступни?

Он привстал и заметил, как змея мелькнула возле его ног и скрылась в ямке.

— Опять не к добру! — плюнул он и пошел к отаре, которая добралась почти до подступавших к лугам снегов, где было прохладно в этот душный день.

По дороге ослабла у него веревка, заменявшая пояс на черкеске, и выпал на траву кусок телячьей кожи. Кандаур задумал новую сбрую для коня, зарезал бычка и раздал батракам по сыромятному ремню хорошенько размять его. Темурка спохватился, что забыл про эту кожу. И до самого вечера давил, тянул и мял ее, пока не подошло время гнать отару к стойбищу.

После ужина, при свете костра, Темурка занялся починкой: сильно обтрепались полы черкески, в правом чувяке образовалась дырка и большой палец вылез наружу. Но и в эти минуты не было покоя: прискакал Кандаур и прохаживался перед жилищем батраков с сигаркой в зубах, постукивая плеткой по голенищу.

К Темурке подсел молодой батрак Хамит и заговорил приглушенно:

— Боюсь, что Кандаур сейчас врежет мне. Нынче камнем пришибло овцу насмерть, я притащил ее и положил у плетня. Прямо ума не приложу: сказать ему или промолчать?

— С овцой — дело обычное. И не ты виноват, что эта дура полезла под обвал. А кривить душой нечего: пойди и скажи, как было. Ведь если кто донесет ему, беды не миновать.

— Я не хочу обманывать, просто спрашиваю: как быть? Есть у меня три барана, на крайний случай отдам одного. Только он все

равно будет ругаться. Не оставляй меня, я боюсь Кандаура хуже дикого зверя.

— Ладно. Пока аллах не вздумает взять твою душу, Кандаур не убьет тебя.

Кандаур появился неожиданно. Бросил в костер сигарку, плеткой ткнул Хамита в бок:

— Из чьей отары та дохлая овца?

— Из моей. Случился обвал, и овцу пришибло.

— Лучше бы камень в тебя попал, дурак! — плетка свистнула и огрела Хамита по спине.

— За что бьешь парня? — вмешался Темурка. — Он не виноват и сейчас хотел сказать тебе об овце.

— Не лезь не в свое дело, старый осел! — Кандаур толкнул Темурку носком сапога в бок. — Что за люди, только и думают, как разорить меня! Спать, ложитесь спать!

Темурка не хотел видеть лишний раз хозяйского сына и попросил пастухов вынести к костру две бурки. И улегся на земле рядом с Хамитом.

— В прошлом месяце пошел пятый год, как я батрачу у Кыямата, работаю на совесть, стараюсь, а каждую неделю меня бьют. Сбегу, нет больше моих сил, — зашептал Хамит.

— Куда ни пойдешь, везде собака на собаке. Я у всех перебивал, наконец нанялся к Кыямату: думал — сосед он мне, сделает хоть какую поблажку. Да только в первый месяц не уследил, что телята высасывали молоко у коров. Кыямат, скотина, сбил меня с ног у костра, я нечаянно попал рукой в горячую золу. Смотри, как одеревенели пальцы, с тех пор я не могу косить, — Темурка высунул из рукава

одубевшие пальцы. — А кому подашь жалобу? Только и успокаиваю себя, что на том свете будет легче.

— Я тоже думаю об аллахе. Все мы его слуги. Но одного не понимаю: мы ищачим от зари до зари, а аллах не видит наших стараний. И все достается тем, кто не притрагивается к холодной воде, сытно ест, хорошо одевается и ездит на коне в богатом седле. И почему у Кандаура не отнялась рука, когда он меня ударил?

— Спрашиваешь ты просто, да я не могу ответить. Говорят, на руднике есть люди, они знают правду лучше нас. Но как к ним поступишься: они почти все — русские, и по нашей вере — гяуры. Общаться с ними — большой грех.

Так проговорили они до той предрассветной поры, когда шапá разжег огонь в очаге и стал варить кулеш. Поспали самую малость и с первым бляением ягненка свернули бурки.

Темурка почувствовал очень острую боль в ноге, сел к костру, снял чабыры и носки, сшитые Мёлехан из грубого сукна. Ниже щиколотки чернело пятно в кровавом кольце.

— Не укусила ли тебя змея? — забеспокоился Хамит. Подошли и другие пастухи и глядели на ранку, покачивая головами, вздыхая и отплевываясь.

— Что стоите без дела, не выгоняете скот? — сердито крикнул Кандаур.

Старый Таулан, издавна работавший батраком у Кыямата, а этой весной нанявшийся к Джуммаку, ответил:

— Темурку укусила змея, думаем, как помочь ему.

— Вот невидаль! И вас кусала, да все вы живы, бездельники! И с Темуркой обойдется. А помрет, — похороним! Ну, живо по своим местам!

— Хамит, поставь возле меня миску с айраном, буду делать примочки. Мою отару отгони на большое взгорье, овцы далеко не разбредутся. А дня через два я поправлюсь. Хорошо бы заклинание на серебре сделать, да нет вблизи знающего человека.

— Ты не распоряжайся тут, а отправляйся домой. Даром кормить тебя не стану, — пробурчал Кандаур.

— Не гони, как собаку! Давай расчет, я и сам уйду. Умру по дороге, так хоть семья будет знать, что работал не даром.

— Не болтай: с расчетом успеется. Дома подсчитаем все, как положено. А сейчас возьми овцу, что придавило камнем. И чтоб к вечеру здесь тебя не было!

Гордый бедняк не взял в подачку дохлую овцу. Волоча вспухшую ногу, взвалил на своего беломордого серого ишака скудные пожитки и поплелся вслед за ним вниз по ущелью. А по дороге говорил себе в сердцах:

— Вампиры, сосущие кровь! Душа моя порадуетесь теперь только мезтью. Найду путь на рудник. Там научат меня люди, как разделаться с вами!

Нога горела как в огне. Но еще сильнее была боль в сердце: почему не накинулся на Кандаура как КанаMAT? И как показаться дома даже без куска мяса?

У каждого родника он останавливал ишака и смачивал ранку ледяной водой. Затем свалился без силы и впал в забытье. Ишак

ушел вперед, вернулся, ткнул мордой в грудь хозяина. Потом заревел, заревел и бросился к аулу по знакомой дороге.

Шел Темурка, еле переставляя ноги. Перечитал все знакомые молитвы и все еще наивно верил, что всемогущий аллах, видя его мучения, подбросит ему под ноги кошелек с золотыми монетами.

Под вечер доплелся он до окраины аула. Но заветного кошелька так и не нашел...

У Мёлехан опухли глаза от плача: бедную ее девочку увели сегодня утром в правление и посадили в каталажку.

А тут еще прибежал испуганный Ибрахим:

— Мама, мама! Наш беломордый ишак стоит во дворе!

— Ай, ай! — взяла в голос Мёлехан. — Почему он вернулся без Темурки? Ай-ай, не свалилось ли на меня еще какое несчастье?

Мёлехан выбежала во двор, глянула на ишака. Снова ахнула и выскочила за ворота. Темуркан еле плелся, припадая на правую ногу.

— Отец моего мальчика! — закричала она, схватила мужа за руку и повела его к дому. — Что случилось, о несчастная я?

Но у Темурки не было сил говорить с женой. И он молча, послушно пошел рядом с нею, боясь, что упадет на улице на глазах у соседей и семьи Кьяматовых. Из головы не выходила старинная пословица: «Не показывай врагу, что у тебя рот полон крови!»

Дома он повалился на лежанку, прикры-

тую старой кошмой. Мёлехан и Ибрахим что-то старались сделать для него, еле сдерживая слезы: грели воду на очаге, готовили ужин.

Темурка выпил чаю, съел кусок сыра с чуреком.

— А где Бадимат? — спросил он, немного отдышавшись.

Мёлехан зарыдала, бросилась из комнаты во двор и долго стояла там, закрыв лицо руками, пытаюсь успокоиться.

Вернулась и припала к груди мужа:

— Потух мой очаг! Девочку хотели обидеть Кыямат и его русский гость — прустоп Апанас. Канамат встал на ее защиту, ранил кинжалом прустопа и старшину и убежал в горы. А нынче Бадимат арестовали и увели в правление.

Темурка вскочил с лежанки:

— Гяуры, кровопийцы! Я не сойду в могилу, пока не отомщу им! Проклятый Кыямат: он держал меня в кошаре, чтобы сделать зло! И почему это аллах поворачивается спиной к нам, а не к богачам? Почему?

— Ты что? Наелся огня? Не говори так, побойся аллаха.

— Ну и пусть! Наплевать в плохой глаз его отца, если он все несчастья свалил на нашу семью!

Темурка, хромая, вышел на крыльцо, Ибрахим — следом за ним:

— Я могу узнать, где прячется Канамат, без него нам не освободить Бадимат.

— Не кричи как кукушка. Позови Батала и Бийнегера.

Ибрахим убежал, во двор неожиданно вошли Касым и Токал.

Рядом с тщедушным Токалом, плоское лицо которого с бегающими глазами ничего не выражало, Касым казался очень высоким, а по глазам его было видно, что ему не по себе. Он и сказал участливо:

— Здравствуй, бедняга Темурка! Знаем про твою горе, но не дадим врагам растоптать тебя. В стороне не останемся.

Вскоре подошли с Ибрахимом Батал и Бийнегер.

— Разговор во дворе слышится далеко, — Темурка встал. — Пойдемте в дом.

Уселись кто на чем, лицом к очагу.

— А что с ногой? — тревожно спросил Бийнегер.

— Укусила змея. Но сейчас о ноге думать некогда. Над моей дочкой посмеялись, да еще и посадили в подвал. Кандаур тянул из меня жилы год и три месяца, а за труды хотел сунуть дохлую овцу. КанаMAT — он мне как сын родной — стал абреком. Вот мои дела, они как на ладони. Вы друзья КанаMATа, такие же бедные, как и он. Что посоветуете? На других у меня надежды нет.

Бийнегер до хруста сжал пальцы.

— Нам бы сподручнее вместе с КанаMATом. Надо его найти. И скорее освободить Бадимат.

— Это правильно! Если не найдем его и не вызволим из рук гяура Апанаса Бадимат, я сниму папаху и повяжу голову старым фартуком сестры! — дал клятву Касым.

— В ауле всею голова КыMAT, — вставил Токал. — Если мы сделаем налет на тюрьму, КыMAT не даст нам напиться воды из Кубани.

— Иди ты! — вспыхнул Батал. — Я давно вижу, как ты лижешь зад этому пузану. Не крутись у нас под ногами, иди в погреб, закрой крышку покрепче и — помалкивай! Надо будет, мы поднимем всех бедняков аула, а не допустим, чтобы нас сжарили и сожрали богачи!

— Батал прав, — сказал Бийнегер. — Токал нам в таком деле помеха, — он лизоблюд и трус. А я хоть и моложе вас, пойду на любое дело, только Бадимат в беде не оставлю. Но обязательно надо найти Канамата.

Ибрахим поманил его во двор:

— Я примерно догадываюсь, где скрывается Канамат. Если поручите мне, найду его. Но чтоб Токал про это не пронюхал: он может проболтаться.

— А ты — молодец! — Бийнегер крепко прижал к груди Ибрахима. — Ищи! Только чтоб никто об этом пока не знал, кроме твоего отца. А он скажет мне, Баталу и Касыму. Понятно?

— Сделаю, как ты сказал!

Касым тем временем говорил Темуркану и Мёлехан:

— Родители позже других узнают о любви сына или дочери. А мы-то верно знаем, что аллах пророчит Бадимат в жены Канамату. Он парень смелый, честный и сумеет ее содержать хоть на верхушке дерева. В ауле Бадимат оставлять нельзя: у Кыямата сто ушей, боюсь, что два из них у Токала. А он проболтается за кусок хыджына, и тогда наше дело станет посмешищем для всего аула.

— Я пригляжу за ним, — вставил Бийнегер. — Он знает, что рука у меня тяжелая.

Ну, о главном договорились. Теперь дадим при Темуркане клятву, что о нашем плане будем молчать. Но без дела не сидеть!

— Тейри, тейри! — в один голос сказали Касым и Батал.

— Тейри! — наконец выдал из себя Токал. На него все посмотрели с осуждением.

— Спасибо, друзья, что не оставляете меня в беде, — сказал Темурка. — Всем вам здравствовать много лет! Эх, вина нет по такому случаю. Мёлехан, дай нам хоть по кружке чая!..

Пили чай как вино, — в знак клятвы...

С тех пор, как свалилось на семью несчастье, словно на голову упала из трубы сажа в ветреный день, Мёлехан стали попадаться в разных углах остроотточенные ножи и кинжалы. Одно было ясно, что этим занимался не Темурка: тот почти все время лежал и стонал в постели.

Догадывалась мать, что это дело рук Ибрахима. И — не ошиблась. Как-то раз вынесла она таз с грязной водой на задний двор, Ибрахим старательно крутил точило, затачивая старый ржавый кинжал.

— Ты что это? В абреки задумал? Мал еще!

— Кыямату и эфенди в спорю животы! Им не досталось от Канамата, так это сделаю я!

— Не дури, мальчик! Лучше побудь возле отца, пока я отнесу кожи Джуммаковым, — она взвалила мешок на спину и вышла на улицу.

Ибрахим дождался, пока заснул стец. И

снова стал точить кинжал. Из головы не выходила мысль, как бы навредить ненавистному Кыямату и злому эфенди Мухаммат-Амину. И он рисовал себе одну картину страшней другой. Он убьет их!

Однако чего не придумаешь, когда не дает покоя жажда мести? Только как исполнить такой замысел? Кыямат встречался ему реже, чем эфенди. Да и как всадить кинжал в толстое брюхо, похожее на большой бурдюк с айраном? Мухаммат-Амина видел он каждый день в медресе. Но зарезать его тоже не так-то просто. Надо пока придумать что-то иное.

Выход подсказали двое ребяташек, которые бросались камнями из засады: один прятался за изгородью, другой скрывался за одинокой трубой, торчавшей на месте сгоревшего дома.

За трубой и решил укрыться Ибрахим, когда разогнал драчунов по домам. Он собрал в кучу камни и стал ждать, когда из мечети мимо пройдет эфенди.

Вскоре послышалось покашливание Мухаммат-Амина, и показался он сам. Шел он медленно, придерживая одной рукой полы зеленого чолпана, а другой — толстую палку, нацепленную изогнутой ручкой на плечо.

Ибрахим шепнул в восторге:

— Слава аллаху, первый зверь вышел на охотника! — и запустил самый большой камень в голову эфенди. Но попал в руку, что придерживала палку. Та со звоном полетела в бурьян.

Эфенди хотел подбежать к трубе и наказать прячущегося озорника. Но камни летели

в него один за другим и далеко не все мимо. Посылая проклятья, он побежал, грозя кулаком своему невидимому врагу. А затем перемахнул через колючую изгородь, оторвав кусок полы от чолпана, и огородами помчался как молодой козел.

Даже выздоровление отца и освобождение Бадимат не доставили бы Ибрахиму радости больше. Давясь от хохота, он ползал вокруг трубы, собирая камни в кучу.

— Теперь прочу пузатого Кыямата! Вряд ли он побежит быстрее эфенди!

Но больше часа просидел напрасно: Кыямат так и не появился на дороге...

Когда утром Ибрахим добежал до медресе, Мухаммат-Амин сидел возле мечети со стариками в белых чалмах — эти паломники только что вернулись из Мекки. Они рассказывали, с каким почтением встречали их на родине основателя ислама, величайшего и последнего порока Мухаммеда, и как приблизились они душой к аллаху, побывав в Каабе — священном храме мусульман.

— Повидали нашу святыню, теперь и помирать можно с чистым сердцем, — сказал самый старый из паломников, подозрительно поглядывая на повязку эфенди: она спадала на глаза, когда тот начинал говорить.

— Понадеялся на память, полез в погреб, не зажигая свечи, и крепко ушибся, — как бы извинялся эфенди за свой вид. Старики кивали в знак сочувствия и медленно проводили ладонями по волосатым щекам и бородам, словно выжимая из них воду.

Разговаривая со стариками, эфенди изредка бросал взгляд на учеников, особенно на

Ибрахима. Но тот ничем себя не выдавал — с прилежанием читал страницу в Коране, водя указкой по строкам справа налево. Больше того, он подошел к учителю, ткнул пальцем в замысловатую вязь текста и попросил объяснить ему непонятное место.

Мухаммат-Амин очень пристально поглядел в глаза Ибрахима, но не увидел в них ни злобы, ни затаенной вражды. Объяснил текст и приказал сесть на место. Но в голову все же лезла мысль: «Мальчишку я здорово поил. Наверняка это его собачье дело!»

Ничего подозрительного не заметив в поведении Ибрахима, эфенди поколебался в своей уверенности, хотя и не успокоился окончательно. «Меня бы побил так учитель, разве я не схватился бы за камни?»

Один из паломников прервал размышления Мухаммат-Амина. Он встал, долгим взглядом окинул горы, почесал спину изогнутым концом палки:

— Прошел уже месяц, а ни капли дождя не выпало. Каждый день гляжу на горы — нет ни облачка. Если так и дальше пойдет, останемся без сена. Может, воздадим молитву аллаху всем аулом?

— Я подумаю... Конечно, откуда быть дождю, если половина правоверных не ходит на молитву, забыла делать приношения в честь аллаха и жертвования мечети. Я даже удивляюсь, как это аллах не наслал на нас кровавый дождь. Даю вам неделю: расшевелите народ. Потом всем аулом поднимемся на высокий пригорок и хорошо помолимся. Да не забудьте сказать, чтоб к молению зарезали молодого жирного барашка.

— Неделю ждать нельзя. Вся трава выгорит. Это — первая беда. Вторая — мост. Снега тают в горах, Кубань взбесилась, несет дрова, коренья, пни, камни. Мост еле держится. Молись, эфенди, скорее, а то мы и на луг не попадем...

Ибрахим уже два дня бегал к мосту, где часто собирался народ. И все ахали, видя, как из последних сил борется мост с бешеным течением. Кто-то пытался длинными жердями разбить завал у серединной опоры. Но ничего не получалось: жердь либо ломалась, либо ее выбивало из рук и стремительно уносило высокой и быстрой волной.

Но зрелище возле моста было лишь поводом убежать из дому после обеда. Ибрахим думал, как же найти Канамата. Опасался, что мост рухнет, тогда ему не перебраться на правый берег Кубани, где он уже побывал не раз, ходил по кустам в пойме, поднимался в горы, все выглядывал, где же пристанище его старшего друга?

И один раз ему показалось, что из пещеры, где высилась скала «Раскопанная голова», метнулся дымок, хотя пастухам там делать нечего и охотникам еще не время тропить зверя. Хотел было подняться туда, но уже надвигались сумерки, когда по горам лазить опасно.

На третий день, когда не было занятий в медресе, он решил перебежать по мосту в утренних сумерках, когда Кубань не была такой бешеной, как в жаркий полдень и к вечеру.

Долго кружил по лесу, изредка подавая голос, но ответа не получил. Стал подниматься к «Раскопанной голове» и неожиданно увидел Канамата: тот отвязывал коня от дерева.

Усевшись под ветвистым буком, Ибрахим залпом выпалил все новости: Бадимат в каталажке, друзья хотят освободить ее, только им нужна помощь Канамата.

КанаMAT побледнел, на лбу и под глазами выступили капли пота, под щеками задвигались желваки. Он схватился за кинжал.

Ибрахим тронул его за рукав:

— Только доберутся ли они до тебя, мост трещит, того и гляди рухнет.

— Пусть приходят к пещере у «Раскопанной головы». Ты приведешь их вот к этой тропе. По ней дойдете до просеки. Потом — налево, еще — под углом вправо. А там и рукой подать: по козьей тропе вверх, никуда не сворачивая.

— Я их потороплю.

КанаMAT вскочил и прислушался: тревожные крики толпы доносились от моста сквозь рев Кубани.

— Что-то случилось. Бежим, Ибрахим!

Они не видели, что произошло на мосту. А там случилось такое, что у людей захватило дух. Парень, верховой, сын старухи Джуммаковой, вдруг погнал коня по мосту, молотя пятками по гнедым бокам: конь храпел и упирался.

Все закричали:

— Назад! Назад! Береги голову!

Но парень уже добрался до середины моста. А в этот миг огромное бревно, ныряя и

разворачиваясь, могучим тараном ударило в опору. Мост в середине резко накренился, и парень с конем упали в Кубань. В бешеной воде мелькнуло туловище коня, всплыла на волне папаха парня. И все скрылось из глаз в коричневой водоверти.

Люди кинулись вниз по течению, крича и размахивая руками. Они остановились лишь против отмели, где выкинуло труп на островок шагах в двадцати от них.

— Жалко человека, только не пойму, кто это? — спросил Канагат.

Ибрахим ладонью, как козырьком, прикрыл глаза от солнца.

— Магомед, сын Джуммаковой... Ну, беги! А то увидят люди! Да и мне надо перебраться через мост, пока он совсем не обрушился.

Когда Ибрахим, прося помощи у аллаха, кое-как миновал мост и добежал до отмели, мать Магомеда била себя по бедрам, рвала волосы, царапала в кровь лицо. Голова ее сына была придавлена бревном, левая нога торчала из воды, дрожа и покачиваясь.

— Он жив! Он жив! — кричала обезумевшая от горя Джуммакова.

Ибрахим подошел к ней, взял за руку:

— Не плачь! Сейчас люди вытащат твоего Магомеда.

Старая женщина поглядела на него с благодарностью:

— Спасибо тебе.

Кто-то из стариков сказал:

— Скорей зовите свирельщика, без него русалка ни за что не отдаст тело.

Седобородый, горбатый и слепой свирель-

щик подошел, держась за руку внучки — поводыря. Он достал из-за пазухи деревянную дудку и заиграл: уныло, жалобно. Заплакала внучка, уцепилась рукой за полу его черкески. За ней в голос подхватили старухи.

Прибежал с веревкой Бийнегер. Ибрахим отвел его в сторону и сказал, что Канамат ждет друзей.

— Хорошо, хорошо! — буркнул Бийнегер. — Поговорим потом, сейчас мне надо не промахнуться.

Он смотал веревку кольцами, со второго заброса накинул петлю на ногу утопленника. Двое парней помогли ему вытащить труп на берег.

Под крики и плач женщин понесли тело Магомед в аул. Мать глухо стонала и все припадала и припадала к мокрой одежде сына. Когда процессия скрылась за первыми домами в узком проулке, Бийнегер остановил Ибрахима и подробнее разузнал от него о Канамате.

— Ловкий ты и умный парень! Будет из тебя хороший джигит, Ибрахим! Если мост выдержит, вечером пойдем к Канамату.

Бийнегер побежал к Джуммаковым, а Ибрахим еще постоял на берегу и доброй, и злой Кубани. Она редко бывала доброй, в какой-то краткий промежуток перед концом весны и первыми днями лета. Тогда можно было купаться на отмелях и отыскивать под камнями маленьких, но сильных и вертких усачей. А сейчас она, ударяя камнем о камни, бушевала: гремела и пенилась, напоминая людям, какая страшная сила живет в ней...

Когда Канамат так поспешно расстался со

своей любимой, он проскакал до альпийских лугов. Там привязал взмыленного коня длинной веревкой к одинокому дереву, поодаль от тропы.

— Отдохни, друг, мы скоро увидимся, — поцеловал коня в потную морду, накинул на плечо седло и уздечку и полез на крутой взлобок. Он взмок, и сердце его стучало, как бурдюк, в котором сбивали масло. Присев, КанаMAT поглядел на аул, на тени домов, высвеченных лунным светом.

Отдыхался, держась рукой за сердце, и скупно улыбнулся: теперь он вспомнил, что Кыямат уполз под кровать, пристава и старшину он хватил кинжалом. Навлек он на себя большую беду. А что было делать? Как говорится: «Вымок в воде, росы не бойся!» А хочется поглядеть, чем все это кончилось? Ведь гяуры могут навредить Бадимат, да и Мёлахан не сладко придется...

Потом рассудил: ну, появлюсь я в ауле, ничего и сделать не успею, наденут на меня кандалы. И — прощай свобода! У меня теперь одна судьба — бежать и скрываться!

Когда КанаMAT ходил еще в медресе, мать, задавленная нуждой, говаривала не раз:

— Голова моя придавлена заботой, как сыр в бочке тяжелым камнем!

И КанаMAT теперь хорошо понимал ее слова: у него тоже тяжкий груз на плечах. Абреку нужна пещера. Спрятаться там на время, подать знак друзьям, где он, а уж потом думать, как устроить жизнь дальше. Друзья надежные, не оставят его в беде. Только эта мысль была радостна, словно южный ветер в холодный зимний день...

Ночь кончалась. В ауле показался дымок из труб. КанаMAT стал подниматься все выше и выше, пока не встала перед ним тупоголовая скала, давно прозванная «Раскопанной головой».

До аула, по самому краткому пути — напрямик, как летают птицы, версты три, но домики видны хорошо, будто маленькие кубики для игры «в кости». Это — у бедноты. А у Кыямата и других богачей — побольше. На дороге еле-еле видны люди, погоняющие ишаков. Ослики маленькие, словно мухи, ползущие по оконному стеклу.

Одиноко и тоскливо КанаMATу. Привычного рева Кубани не слышно. Дров поблизости нет, всюду только мелкие кустики горной черники, которые не годятся для костра. И не струятся поблизости ручьи с холодной и прозрачной водой.

Но никогда не теряет надежду в своей скитальческой судьбе кабардинский абрек! Вот перед ним тропинка, протоптанная дикими козами. Куда-то она ведет? То ли к воде, то ли к надежному укрытию от дождя и снега? Надо проверить.

И — верно: тропа неожиданно привела к пещере. Когда он приблизился к ней, из этой черной ямы в каменной груди скалы вылетели орлы. Признак добрый: значит, тут никто не бывает.

Вход в пещеру находился высоко: в два роста КанаMATа.

Абрек снял чабыры и попытался взобраться босиком. Острые камни больно впивались в ноги, ступни скользили.

Он решил найти жердь, которая послу-

жила бы ему лестницей, и прошел по тропе с полверсты. Увидал небольшую сосну, срубил ее кинжалом, обрубив сучки близко к стволу. Жердь получилась хлипкая, но он все же забрался по ней в пещеру.

Орлы, которые успели вернуться к гнездам, пока он отсутствовал, с громким клекотом вылетели из пещеры, едва не сбив шапку с его головы. Они расселись по ближайшим скалам и глядели, что задумал этот непрошенный гость?

Пещера была большая: в ней мог свободно укрыться целый отряд. «Года два назад я пас недалеко отсюда Кыяматову отару, но об этой пещере ничего не знал. Это же — крепость! Только дрова далеко и нет воды», — пронеслось в голове у Канамата.

Он связал пучком сухую траву, что росла при входе, кресалом высек огонь из кремня и с факелом обошел свою «крепость». В дальнем углу сочилась вода — маленькой струйкой. Но этого было достаточно, чтобы умыться и утолить жажду.

Обрадовавшись, что не надо ходить по воде к далеким ручьям, он спустился вниз; у границы альпийского луга собрал три вязанки хвороста. Перетащил их в пещеру. А чтоб никто не обнаружил, что он тут, втащил свою лесенку. И прилег на хворост, думая, что делать дальше? Но бессонная ночь и волнения свалили Канамата: под пение птиц перед пещерой он незаметно задремал.

Спал он весь день. А перед вечером проснулся от холода. По пещере загулял ветерок. Он вскочил, начал ходить, бегать, танцевать лезгинку. Но не согрелся.

— Одурил я, что ли? Ведь рядом хворост, почему я забыл о костре?

Слова его звучали под сводом глухо.

Вспыхнули сухие ветки, огонь осветил пространство перед входом, и сизый дымок потянулся наружу (его-то и заметил Ибрахим!), греясь, Канагат протянул к костру руки.

Костер горел недолго. Скоро остались в нем лишь раскаленные угли. И томительно защемило в желудке от голода: у чабанов почти всегда связано с костром представление о приготовлении пищи, — то кипит чайник, то жарится лепешка. А сейчас бы хорошо подвесить здесь бараний бок, чтоб из него капал жир на дотлевающие угли. Ну, не бараний бок, так хоть миску мамалыги!

Правда, Канагат вскоре отогнал мысли о голоде: он выпил три пригоршни обжигающе холодной воды. И отправился к Кубани, надеясь встретить доброго человека, у которого найдется хлеб. Но неожиданно встретил Ибрахима. Вернулся, даже забыв попросить мальчика сбегать в аул за лепешкой.

Но аллах был милостив: Канагат обнаружил яйца в орлином гнезде. Собрал их в шапку, снова раздул костер. И как делала мать, вымазал каждое яйцо углем, чтоб не полопалось в горячей золе.

Без соли и хлеба быстро он покончил с едой. И опять заснул.

Утром солнце пригрело ему ноги. Он проснулся. У входа сидели два орла, словно оберегая его сон. Он заговорил с ними ласково, но они разлетелись с громким треском крыльев. И больше в пещере не появлялись.

Никогда он не помышлял, что на досуге снова так быстро наступит голод. В ауле — за хлопотами и суматохой — он спокойно бы пробыл без пищи до полуденной поры.

Еще не зная, что предпринять в дальнейшем, он потянулся к жерди, чтоб спустить ее на землю и собрать хоть немного черники. Но услышал легкий шорох: прямо под скалой двигалось стадо диких коз. Серенькие козлята прыгали и бодались, взрослые — насторожив уши — изредка щипали листья или выискивали в россыпи камней сочные побеги травы.

— Есть на свете аллах! Второй раз порадел он бедному человеку! — КанаMAT неслышно, как барс, подкрался к большому камню. Поднял его над головой и двумя руками запустил в гущу стада. Спешно опустил свою лестницу: одна коза лежала на боку с перебитым хребтом, почти не шевелясь. Он прирезал ее, закинул за спину и вернулся в пещеру.

Теперь было у него все, чтобы не умереть от голода. И прочь отступили мысли о еде. Он уселся возле убитой козы, обхватил голову руками, задумался. Сам он — в абреках, невеста — под замком.

Что там, в доме у Темурки? Небось холопы Кыямата допытываются у Мёлехан и Темурки, где он? Был бы птицей, слетал бы в аул. А теперь что? Сиди в пещере, гляди на аул с высоты орлиного полета.

Немного развеселила его белогрудая птичка. Она уселась на острый камень, неподалеку от входа в пещеру, и, глядя на Канамата черными бусинками глаз, запела. Потом пе-

релетела на другой, продолжая петь звонко и ласково. И Канамату хотелось, чтоб это пение длилось долго, долго — до вечера, когда могут появиться его друзья.

Дом Темуркана хорошо виден от «Раскопанной головы». Он наклонен на левый бок, как старая женщина с больной поясницей, к огромному вязу, под ветвями которого — на лысом камне — сиживал Канамат со своей суженой.

Ремонтировали дом каждое лето. Но земляная крыша всегда сдавалась под натиском осенних ливней. Пока же не было Темурки, крыша совсем прохудилась: в одном из углов комнаты пробивался солнечный луч, и еще в двух-трех местах — длинные трещины в потолке.

Как только задождит, Темурка со своей больной ногой будет лежать в постели, — деревянной, скрипучей — как в худом шалаше. Забарабанят по нему капли. Он, конечно, накроется козлиной шкурой, на которой по вечерам совершает намаз. И будет долго считать капли, не дающие ему спать спокойно.

Под кроватью Темуркана широкий лаз, не прикрытый досками: там зимой хранится картошка. Перед сном, как всегда, хозяин поставит недалеко от лаза свои чабыры из кожи коровьей головы, высланные мягкой соломой.

Бывали с чабырами всякие случаи: утаскивал их котенок, Мёлехан, подметая пол, нечаянно сталкивала их в погреб.

Но Канамат не знал, что и сегодня приключилась с Темуркой беда. Встав поутру, он не нашел чабыры. Видно, кошка, играючи, сбросила их в яму. Темуркан зажег свет, уви-

дал обувь в погребу и полез за ней. Чабыры нашел, но выбраться в комнату не смог.

— Эй, женщина! — крикнул он Мёлехан. — Где ты, непутевая? — Но жены не было: она ушла по воду и заболталась с соседками.

Темуркан долго сидел в темной яме, пахнувшей сыростью, даже пытался задремать, пока не загремела чугунами жена, что-то бурча себе под нос. Потом услышала голос мужа.

— Откуда кричишь, отец мальчика? — Она подошла к постели и поняла, что муж в погребу. — Ой, несчастная я, зачем ты сюда попал? — Она отодвинула постель и глянула на мужа.

— Ты не допрос снимай, а дай мне руку! Полез за чабырами, и едва не отдал душу аллаху на радость нашим врагам, пока ты чесала языком! — Он выбрался из ямы и снова улегся на постель.

— И зачешешь, отец мальчика! Жаловалась на богачей: они мой труд не ценят. Думаешь получить рубль, а они суют то жменю проса, то позеленевший сыр. Не возьмешь, — помрешь с голоду!

— Так у нас с тобой это сорок лет. Не помню, чтобы сердце мое порадовал хоть один богач. Трудиться на них — все равно что смазывать свиной бок курдючным салом! Было бы куда уехать, и дня не просидел бы в этом ауле!

— Вот еще! Я лучше буду с голоду лизать камни в своем ауле, а с места не двинусь. И родные могилы тут. Люди говорят: того, кто покидает родной край, на чужбине задерут волки!

— Ну и карауль могилы отца и матери с пустым животом. Пока жив Кыямат, он скоро уготовит тебе место с ними рядом. Выпустят Бадимат, на рудник поедем, вот и весь сказ. Там люди другие, и заработок каждый день!..

Сколько времени шел бы такой разговор, никто не знает. В дверях показалась соседка. Увидав Темурку в постели, она застеснялась:

— Я уж в другой раз!

— Да будет тебе! — заворчала Мёлехан, размешивая мамалыгу возле очага. — Заходи в дом! — Она сняла котелок с цепи, стала доставать ложки, миски.

— Проходи, Тауджан, — Темурка подошел к столу. — Ты совсем к нам не заходишь. Не от гордости ли? Так ты такая же бедная, нам ровня. А ведь даже шелудивые кони чешут друг друга! — засмеялся он. — Садись к столу. Что нового в ауле?

— Люди шушукаются, вас жалеют. Только говорить вслух боятся. Выходит, Кыямат и Мыртаз не выпустят вашу девочку, пока не сядет в тюрьму Канамат. Думают, он постыдится, что Бадимат в тюрьме, и явится с повинной. Вместо Апанаса правит делами его кривой помощник. Говорят, он кричит на стражников, почему не поймали Канамата. И велел отбирать за долги в казну даже горшки, таганы, ведра, чайники. И нет на него у нас другого Канамата: все мужчины никак не уймут дрожь в коленях... Вот и все новости. А не заходила, дорогой соседка, потому что тоска грызет. Как мы поскандалили в прошлом году с Джантемиром и разошлись, нет охоты выходить из дому...

— Десять лет прожили, а теперь кто ку-

да?! Надо помириться, Тауджан! Два бедняка должны жить, уступая друг другу.

— Не знаю, как подступиться. Может, поговорите с ним? Он прислушается к вашему голосу. Я его люблю. Встречу ненароком, душа слезой обливается: рубаха грязная, черкеска прохудилась. И он без меня не может, а мимо идет, как надутый индюк.

— Не гожусь я в посредники, дорогая сестра, но Джантемира схвачу за воротник! И спрошу, почему он ведет себя так?! Жена, давай обедать.

За едой посидели молча, выбирая из мисок мамалыгу с айраном, разбавленным водой.

Мёлехан справилась за столом быстрее других, завернула в холотенце, расшитое пестухами, деревянную миску с мамалыгой, сверху положила маленький кусочек сахара, вчера обсосанный украдкой Ибрахимом.

— Девочка моя, как попала в руки кровопивцев, два дня голодная. Прихожу я, мы начинаем плакать, она ничего не ест. А стражники гонят меня, грозят штыками. Отнеси ей, милая сестра, из твоих-то рук она примет.

Тауджан взяла узелок и вышла. В сенях она столкнулась с Ибрахимом. Тот что-то шепнул ей, вынес из кладовки мешок, набитый соломой, и — скрылся. У Мёлехан снова появился повод для разговора с мужем:

— Что творит этот скверный мальчишка? Дома и минуты не посидит. Эфенди вчера жаловался мне: Ибрахим перестал ходить в медресе, старшим дерзит. Поговори с ним сурово, а то совсем пропадет мальчишка.

Темуркан приложил к больной ноге новый листок подорожника, помедлил с ответом:

— Мы с тобой терпим зло от богачей, Ибрахим — от эфенди. Убегает он из медресе, за что его винить? Я тоже не раз бегал, когда ладонь краснела от ударов тростью. Бедняга отец с побоями возвращал меня в класс, даже последнюю корову с теленком отдал учителю, чтоб тот помог мне закончить чтение Корана. А что толку? Лучше определить его в батраки. И разуму наберется, и заработает хоть копейку.

— Ой, я лучше умру! У меня вся надежда на Ибрахима: кончит школу, устроится куда-нибудь в мечеть, хоть служкой или муэдзином. Станет человеком, прокормит нас и себя. А в батраках, как ты, и сам сыт не будет.

— Не болтай, жена! У нас в роду такого никогда не бывало. Не получится слуга аллаха и из Ибрахима. Сходи лучше к Джуммаку, пусть он возьмет мальчишку пасти овец. Джуммак не такой вредный, как Кыямат, сам недавно был бедняком. А сейчас погляди, где носится Ибрахим, небось уж последние штаны изодрал, сидя на заборе.

Мёলেখан загремела ведрами, опять направляясь к колодцу, и пробурчала:

— Знаю я твоих Джуммаковых! Натерпелась от них. И не отдам сына в руки этих вредных людей.

Долго она пробыла у колодца, все выглядывала, не покажется ли Ибрахим? На улице его не было, и никому он не попадался на глаза.

Ибрахим был у Бийнегера, куда вскоре подшли Батал и Касым. Они дождались, пока стемнело, женщины раздули огонь в оча-

гах, загнали коров. Только у одной хозяйки не оказалось спичек, и она с горячей головешкой пробежала от соседки к своему дому. Вскоре и у нее запылал огонь в очаге.

Ночь стала хоть глаз коли. И начали перекличку собаки, словно сообщая друг другу: будьте осторожны, уже поздно!

Когда у тропы перед домом появились первые светлячки, Бийнегер подал команду:

— Пошли, друзья! Мост еще цел! — он хлопнул Ибрахима по плечу. — Ты у нас вестовой! Показывай дорогу. А Касыма не возьмем: он поранил ногу, когда рубил дрова, пусть остается в ауле. Но не без дела: надо узнать, где Токал? Боюсь, он где-то присосался к чарке с бозой. А этой поганой бозы больше всего у Кыямата. Иди, Касым, проверь и жди нас в полночь на дороге к мосту. Передай Токалу наше проклятье!

Касым заупрямился. Но друзья настояли. Осторожно перешли мост. И ушли в горы. Бийнегер все думал про Токада и вспомнил старую поговорку: «Плохая арба дорогу разрушает, плохой человек лишает друзей спокойствия!»

Примерно через час Батал стал пристально рассматривать тропу:

— Не тут ли надо поворачивать влево? Ибрахим, как ты думаешь?

— Верно! Канамат говорил мне, что отсюда надо сворачивать по следу, где аульчане спускают дрова с кручи. Подняться до первой скалы и повернуть влево до козьей тропы: а там — и рукой подать! — Он смело стал подниматься по крутому скату в лесистом ущелье. Под ногами хрустели сухие ветки.

— Пусть здравствует этот мальчик! — Батал остановился передохнуть. — Хорошо он управляется с дорогой, лучше нас. И пусть мне вырвут ноздри, если из него не получится славный джигит!

Бийнегер засмеялся и подтолкнул Батала в спину:

— Насчет ноздрей, брось! Даже я постесняюсь идти рядом с тобой, не говоря уже о Файрузе, по которой ты сходишь с ума!

Батал поскущел: хотел сказать хорошо, а Бийнегер повернул все в шутку. Какое-то время он шел молча, но со своего тона не сбился:

— А что сейчас думает бедная Бадимат? Чует ли ее сердце, что мы задумали вырвать ее из тюрьмы?

Но перебил его Ибрахим. Он обернулся и, горячо дыша, выпалил:

— Вон у той скалы дважды показался огонь! КанаMAT близко!..

КанаMAT в этот час чинил чабыры возле костра. И думал: огонь могут заметить изда-лека, не сделать ли у входа в пещеру каменную ограду.

Возле него суетились две мышки: они обнюхивали скорлупу от орлиных яиц и смело подходили к очагу, видно смирились с пребыванием человека в пещере.

В одиночестве, которое так удручало Канамата, он порадовался, что в этой мрачной каменной яме есть кроме него эти серые и шустрые живые существа. И какое-то мгновение сидел не двигаясь, чтоб не спугнуть их.

Чабыры починены, мышки скрылись, КанаMAT потушил огонь. А друзей все не было, и

он решил после полуночи отправиться в аул сам.

Он уже взялся за жердь, чтобы установить ее перед входом. Но отпрянул: как-то темные фигуры молча двигались по козьей тропе. КанаMAT вдруг решил, что это враги обнаружили его, и пожалел, что нет у него винтовки: не сдаваться же без боя! Вспомнил, как убил козу, и с большим камнем встал перед входом, чтобы проломить голову первому, кто сунется в пещеру. Но устыдился своего страха, когда услышал голос Ибраhима:

— КанаMAT, где ты? Это мы!

Он бросил камень, спустил вниз жердь. Каждый, кто поднимался, горячо обнимал его. А Ибраhим так обхватил КанаMата за шею, что чуть не задушил.

— Верю тебе, мальчик! — КанаMAT улыбнулся. — Отпусти меня, я должен подкинуть дров в костер. А то я вас и не увижу в темноте!

Слушая рассказы друзей, КанаMAT вскакивал с места и готов был сию же минуту бежать в аул.

— Не торопись, дай отдышаться! — осадил его Бийнегер. — Все хорошие люди в ауле уже говорят, что ты настоящий мужчина. Но вырвать Бадимат из тюрьмы не просто. И мы пришли к тебе, чтобы все обсудить спокойно.

Но КанаMAT уже выбирался из пещеры.

— Если даже горные речки потекут вспять и кровавый дождь наполнит это ущелье, я убегу сейчас же, сейчас же! И вырву Бадимат из тюрьмы!

— Ну, что ты за человек? Мы ведь при-

шли помочь тебе! — Бийнегер ухватил Канамата за полу черкески. — По горским обычаям надо посидеть у костра, все обдумать, чтоб каждый хорошо знал, что ему делать.

— Я прирежу Кыямата! Старый волк! Мало поиздевался над нами, так сажает девушку в тюрьму! Этого никогда не бывало в нашем ауле! — Канамат схватился за кинжал.

— Сядь! — повелительно сказал Бийнегер. — Нам всем дорога жизнь, и голову под пудю ставить не хочется. Мы кое-что придумали, идя сюда... И не плохо бы, по обычаям, угостить нас: мы здорово проголодались по дороге сюда.

Канамат взял себя в руки. Мигом подвесил козью лопатку над костром, принес воды в каком-то корытце из коры:

— Ибрахим, гляди, чтоб не подгорело мясо. А меня простите, друзья, — я вас слушаю.

Начал Бийнегер, сдвинув шапку на затылок и расправляя усы под крючковатым носом. Иногда вставлял слово пылкий Батал. На словах все было просто. Трое друзей снимают без шума двух каравльных. Ибрахим стоит в дозоре. Канамат сбивает замок с тюремной двери и выводит Бадимат. Потом они убегают сюда, в пещеру.

— Сыр, соль, хлеб и спички мы принесли. И живите, голубки, сам аллах выбрал вас друг для друга, — весело заключил Бийнегер. — Только бы не навредил нам трус и пьяница Токал. Но мы поручили следить за ним Касыму.

— Отлично, друзья! — Канамат снял мясо

с огня, отрезал каждому по большому куску. — И хорошо бы достать хоть одну винтовку: дело опасное, без оружия плохо.

Никто и не ожидал, что об этом уже подумал Ибрахим.

— Винтовка есть, — сказал он, старательно обгладывая кость.

— Откуда? — опешил Қанамат.

— Ты сбил часового у Қыямата, он обронил винтовку. Я ее подобрал, вынес во двор. А ночью спрятал. Дома держать не мог, мать сжила бы меня со света.

— Я же говорил: большой человек будет Ибрахим! — Батал ткнул мальчишку козлиной костью в грудь

— Ну, ладно, друзья. Подкрепились и — в путь, а то скоро взойдет луна, — Бийнегер опустил жердь. И все — один за другим — вступили на козью тропу. Қанамат спрятал всю лестницу в кустах черники и пошел впереди...

Проводив друзей, Қасым не сидел в ауле без дела. Он направился к дому Токала. Но его мать сказала недружелюбно:

— Ищи своего дружка, коли он тебе нужен, тут его нет. Ночью, когда все люди сидят дома, и тебе бы лучше не шататься по улице. А Токалу надо было дать по шее: с тех пор, как связался с вами, не принес в дом и полена дров! Бездельники! — она громко хлопнула дверью.

Прихрамывая, Қасым пошел вверх по улице, прикидывая в уме, кто сегодня женится, у кого родился сын, где мог найти приют любитель бозы.

Но сегодня ни у кого не было праздника.

И даже на скамейке возле лавки Ликола, где околачивались лоботрясы, никто ничего не знал о Токале.

Касым завернул в улицу, где были дома Канамата, Темурки и Кыямата. И услышал шаги: шли двое и разговаривали очень тихо. Один был грузный и постукивал палкой о сухую землю, другой поддерживал его под руку.

— Ты бедный человек, не надо тебе связываться с плохими людьми аула. Побереги себя, держись поближе ко мне.

Это был голос Кыямата. Другой молчал. Так они дошли до дома богача и скрылись за воротами.

— Ей, право, это Токал. Пузан повел его к себе и сейчас узнает от него о нашем плане! — Касым заскрипел зубами.

Очень хотелось ему разведать, как этот подлец станет продавать друзей. И он приостановился у ворот, наострил уши.

Кыямат не закрыл дверь в дом, и Касым увидел, как пузан уселся за стол, достал высокую и толстую бутылку из буфета, налил в деревянную чашу бозы и сунул в нее раскаленные щипцы, чтобы подогреть напиток.

— Пей, Токал, не сдувая пену, ты ведь мужчина. А выпьешь, поговорим о твоих друзьях. Я и отцу твоему помогал, и тебя в беде не оставлю.

Токал выпил одну чашу, жадно опорожнил вторую. И — осоловел. Хитрый Кыямат стал помаленьку наводить его на грех: где твои дружки и что они замышляют?

— Ничего не утаивай от меня. Приходи, когда захочешь: мой дом — твой дом!

Касыма передернуло. Он подумал, что только самое невероятное известие сможет оторвать Токала от болтовни и от чаши с бозой, и неожиданно для себя крикнул:

— Караул! Горит дом Токала!

Токал сорвался с места, как ворона с мусорной ямы, когда ей грозит опасность. Касым перехватил его у ворот и так дал по шее, что сбил с ног. Потом поднял и поволок в сторону.

— Ну, гад, вот где ты скрываешься от друзей! И еще спасибо скажи, что я не дал тебе раскрыть рот: быть бы тебе покойником...

— Да я... — начал было Токал. — Я хотел сказать о своей нужде, о вас я не говорил ни слова...

— Молчи! Ночной разговор слышен во всем ауле. Пойдем, проспишься у меня, пьяница...

Все четверо подошли к перекошенному мосту, склоненному над гудящей Кубанью. На восточной стороне неба показалась полная луна и осветила половину отвесной скалы на западной гряде высоких гор. Казалось, что по крутому отвесу скалы стекала разбушевавшаяся на вершине вода.

— Аланда! — забеспокоился Бийнегер. — Луна нам плохая помощница, надо поторавливаться. Молите аллаха, чтобы заслонила ее тучка.

Не стали коня переводить через мост: по нему опасно идти и людям. Привязали в кустах, недалеко от реки.

Они остановились возле старого сарая на

окраине аула. Ибрахим забежал за него и из сваленной там соломы вытащил винтовку, обтер ее рукой и подал Баталу. И все направились к правлению, рядом с которым темнела приземистая тюрьма с плоской крышей.

Бийнегер вышел вперед, осмотрелся:

— Тут не все так, как мы думали: караульный всего один. Это для нас лучше. Но сквозь ставни в окне видно, что стражники еще не спят: чай пьют. Начнем, когда в караулке погаснет свет. Так что время есть, и мы пока дадим клятву, что каждый из нас честно выполнит задание. Ибрахим, по старому обычаю, все мы пройдем под палкой, ты ее будешь держать на вытянутой руке. Клянусь, что мы освободим Бадимат! А если умрем под пыткой, товарищей не выдадим! Держи, друг! — он подал Ибрахиму палку из боярышника и, нагнувшись, прошел под нею. Следом за ним, молча, прошли Батал и КанаMAT. Потом постояли, послушали, как бушует Кубань. Поглядели, как луна затягивается облаком, и вздохнули с облегчением.

Ибрахим на какой-то миг затаил обиду на друзей: «И под палкой пройти не дали, не считают меня за человека!» Но когда подумал, что сегодня надо освободить любимую сестру, забыл обо всем.

— Пора, — шепнул КанаMAT, когда погас свет в караулке. — Бадимат ждет, а мы все толчемся на одном месте. Идите по своим углам, а я что-нибудь сделаю со стражником, что стоит у дверей тюрьмы. Только мне нужна черкеска Бийнегера.

— Что ты будешь с ней делать?

— Подберусь по крыше к стражнику и на-

кину ему на голову. Да и тебе будет удобнее без черкески.

Канамат забросил черкеску на плечо, друзья помогли ему залезть на забор. Оттуда он кошкой вылез на крышу тюрьмы.

Стражники, видимо, уснули. Но в угловой гостиной комнате правления, которая хорошо была видна с крыши тюрьмы, все еще ярко горела большая круглая лампа с белым абажуром.

Лампа хорошо освещала стол, покрытый льняной скатертью, на нем — бутылки и тарелки с едой. Во главе стола сидел помощник Апанаса — кривой Иннокентий Петрович с лысой головой. Справа от него — молодая женщина, видимо, его жена, в легком, открытом платье и с высоко уложенными русыми косами на голове. Поодаль, на краешке стула примостился Мыртаз. Он ел мало, но льстиво улыбался каждому слову начальника. Прислуживала знакомая Канамату кухарка Даша — в синем переднике в белый горох.

— Все пропало! — сказал себе Канамат. — Еды у них много, и сидеть они будут долго.

Но, словно угадав его мысли, кто-то, медленно передвигаясь тенью вдоль стены, еле слышно закрыл задвижку двери, ведущей в правление. Это был Ибрахим: он тоже заметил светящееся окно.

Канамат видел, как помощник пристава, размахивая руками, будто связывая кого-то веревкой, дал приказание Мыртазу.

Мыртаз вышел, толкнул наружную дверь, но она не поддавалась. Он прибежал в гостиную и что-то начал говорить. Иннокентий заорал на него.

Медлить было некогда. Канапат и так уже позволил караульному дважды пройти мимо тюремной двери. Он опасался, что черкеска упадет на штык винтовки. Когда же стражник в третий раз поравнялся с ним, приставил винтовку к двери и занялся трубкой, Канапат распахнул полы черкески и — как гигантская летучая мышь — упал на голову стражника.

Подбежали товарищи, помогая Канапату без грохота сорвать замок с тюремной двери. Все это произошло мгновенно.

Бадимат плакала во дворе от радости. Канапат подхватил ее на руки и понес к воротам. Затем друзья проводили их до моста. И разошлись по домам...

Конь шагал тяжело, неся в горы двух седоков. И доставил их к альпийским лугам, когда из ущелья подул холодный ветерок — предвестник близкого рассвета.

Канапат оставил коня пастись, а сам — крепко держа Бадимат за руку — повел ее к пещере. Они поднимались очень быстро и тяжело дышали, словно серны, за которыми гнался охотник.

Тихо было вокруг, точь-в-точь как в могильном склепе. И лишь когда менял направление ветерок, доносился приглушенный расстоянием мерный шум Кубани.

— Посидим, — сказала Бадимат. — После этой проклятой тюрьмы, меня ноги не держат.

Они уселись рядом на гладкий камень, чтоб отдышаться, и смотрели сверху на угадывающийся в темноте аул, который пришлось им оставить.

Ветерок мало-помалу разгулялся, дул теперь в спину, с низовьев реки, и доносил откуда-то запах горелой сосны, наверное, тлеющей в далеком костре уже спящих чабанов.

Продрогнув, они поднялись без уговора, словно по команде.

Луна вышла из облаков, но свет ее почему-то потускнел. Бадимат с тревогой увидела, что правый край луны совсем обгорел, покрылся копотью.

— Ой, несчастная я! — запричитала она. — Луна попала в плен к чудовищу. Сторожевые собаки, что охраняют луну, заснули. И чудовище съело часть луны. Не к добру это, милый! Надо бы постучать в таз и разбудить собак! — она прижалась к Канамату.

В ауле словно услышали Бадимат и начали громко стучать о железо. Но били недолго: луна вскоре посветлела и ровным светом снова залила окрестности.

— Это старое поверье о чудовище скоро уж все забудут, — сказал Канамат. — Видишь, никто не отгрыз кусок у луны, и она круглая, как прежде. Это что-то другое с луною. Если бы чудовище грызло ее, как овцу, от нее давно бы ничего не осталось...

Бадимат пригрелась под черкеской Канамата:

— Пойдем, милый! Это эфенди про луну так говорил, когда глядел в священную книгу... Привет тебе, луна! Я так рада, что ты не вредимая!

Рука об руку, они поднимались к пещере, оставляя тени на узкой, козьей тропе...

ЧУДЕСА В АУЛЕ

У Абдул-Кадыра отросла в тюрьме черная борода лопатой. Да и удивляться нечему: просидел он четыре года, осталось две недели до конца срока.

Было время подумать о жизни, которая шла как несмазанная арба по грязной и разбитой дороге: воровал, кутил с дружками и черноокими девками, в пьяном угаре садился в зловонную каталажку; били его несчетно; а случалось, и калечили. Голова вся в шрамах, самый большой из них тянулся на лбу от кромки волос до левой брови.

Вчера стукнуло ему сорок пять, а чего он добился? Ушла ловкость из рук, он чаще стал попадать в тюрьму, помятый, как шкура выдры, которую выделявал скорняк. Силенка еще есть, но уже нет той легкости во всем теле, что нужна для воровских дел. И по ночам хочется спать, а не красться с опаской к чужому добру. Да и очень нудно стало пережидать срок в очередной тюремной камере.

Человек вовсе не глупый, но ожесточенный, он и не помышлял раскаиваться во всем содеянном. Знал одно: деньги у богачей. Почему их не присвоить? А заодно не грех и прирезать какого-нибудь пузана, если он вершит на всю округу, когда у него берут то, что он награл? И даже приятно — найти верный способ, чтоб переложить деньги богача в свой карман, не подставляя при этом своей головы.

А теперь что-то новое задумал Абдул-Кадыр. И возлагал большие надежды на пышную бороду. Она заметно выделяла его в

кругу жуликов, которые сидели вместе с ним в этой вонючей дыре, куда только в полдень еле-еле пробивался узенький лучик солнца, неуловимый, как отблеск от коровьего глаза на ярко освещенном лугу.

В такие минуты Абдул-Кадыр доставал осколок зеркала из-под подушки и холил бороду, прикладывая волосок к волоску. Он подносил зеркало то справа, то слева, и солнечный зайчик перемещался по стене, а то и попадал в глаза тем дружкам, что сидели на нарах. Дружки отворачивались, но молчали.

Поглядывая в зеркало, Абдул-Кадыр бросал взгляд и на картежников. Те сидели на земляном полу вокруг грязного носового платка, где держали кон: гроши, копейки и — даже истертые медные пятаки. И, тесно сгрудившись, как в холодную ночь у костра, резались в карты до рассвета. Держали карты в одной руке, другой — закрывали их от соседа. И ловко подсматривали: у кого же туз или король? Игра всегда кончалась потасовкой, а в выигрыше оказывался Абдул-Кадыр, который никогда к картам не прикасался.

Сегодня потасовка началась из-за парня в грязной, разорванной рубаше, с бороденкой, в которой светилось четыре длинных рыжих волоса. Когда сдали карты, он не обнаружил у себя трефового туза, завертел головой, как перепуганный заяц, и зачем-то нагнулся к платку с коном. Сосед схватил его за шиворот, подмял под себя. Началась свалка. Кто-то нечаянно наподдал ногой платок с деньгами, и они отлетели к Абдул-Кадыру. Тот спокойно отложил зеркало, мигом сгреб их в кучу и сунул в нагрудный карман.

Когда картежники очухались, кто-то указал глазами, где надо искать деньги. Парень, из-за которого началась потасовка, подкрался к Абдул-Кадыру и толкнул его в спину:

— Эй, басурман, отдай деньги!

Но отскочил в сторону, когда Абдул-Кадыр обернулся и строго спросил:

— Кто это требует у меня деньги?

Он сморщил низкий лоб со шрамом. Брови насуплены, висят как лохматые куски бурки. Глаза — как у зверя.

Все пятеро сочли за благо не лезть к нему. Снова собрали колоду и принялись играть. Но уже без денег: на кон они могли поставить лишь обещание отдать проигрыш, когда украдут деньги, выйдя из тюрьмы.

Абдул-Кадыр поправил на себе одежду, старую нижнюю рубашку завязал на голове чалмой. Поглядел в зеркало и громко заикал, как осел, наевшийся кореньев:

— А ну-ка, гляньте, смогу я сойти за шейха, побывавшего в Мекке?

Парень с рассеченной губой не полез в карман за словом:

— Еще бы крылья на плечи, и был бы ты совсем похож на святого.

— Брось, брось! — улыбнулся Абдул-Кадыр. — Стал я часто терпеть неудачу в своих делах, надо хоть один раз побыть шейхом.

Под недоуменные взгляды обитателей камеры, стал он наклонять голову то вправо, то влево и громко произносить молитвы, когда-то вычитанные из Корана. Охранник приоткрыл дверь и крикнул:

— Не ори, скотина, тут тебе не мечеть!

— Видите, алапла, такому бандиту и во-

ру, как я, не дают стать святым! — Абдул-Кадыр захохотал и повалился на пары.

Засыпая, он вспомнил вдруг два-три случая, когда ему удавалось ладить с полицейским начальником, делясь с ним награбленным. Но это был недолговременный просвет между очередными тюрьмами. Куда лучше быть шейхом — в зеленом чолпане, с белой шелковой чалмой на голове. Вокруг будет толкаться народ, целуя ему руку, и серебряные монеты сами найдут дорогу к нему в карман...

Проснулся он от крика: картежники обвинили кого-то в том, что он вытащил из колоды бубнового туза. А у того был трефовый король. Абдул-Кадыр машинально глянул на карты и ему показалось, что король пристально смотрит с карты на него.

— Рожа как у меня. К такой хорошо подойдут и чолпан, и чалма. Как это я раньше не догадывался, — сказал он про себя, а картежникам крикнул: — Эй, вы, вшивые воры! Не пора ли и кончить, надоели со своей сварой. Лучше расскажите хоть по одному случаю из воровской жизни! — он спрыгнул с нар и выбил карты из рук парня с рыжими волосами в бороде. — Начинай ты!

— Ничего интересного, — покорно сказал тот. — Но расскажу, за что попал в этот раз.

Выходило так: он украл вещи, отсидел срок и решил жить честно. В своем ауле нанялся к богатому торговцу — таскать товары в лавку и ухаживать за лошадьми. Оплата — два рубля в месяц при хозяйских харчах. Деньги отдавал матери, самому бывало и голодно и холодно.

Однажды привезли муку в мешках на пяти подводах. Возчики торопились, хозяин поспешил нанять еще одного грузчика, пришлось быстро таскать одному. Занятие тяжелое и скучное. И вот на ступеньках он, как на грех, наступил на полу черкески, упал и сломал ребро. Замешкался, пока вылезал из-под мешков. А лавочник решил, что работник придуривается. Ударил его носком сапога и выгнал, не заплатив рубль за полмесяца. Мать кое-как выходила его травами. Хотел наняться к другому хозяину, да первый раззвонил, что такого слабака брать не стоит. Наголодался без работы и решил отомстить лавочнику. Вечером спрятался у него в лавке за тюками с ватой.

— Знал, где у хозяина шкатулка с деньгами. И все пересыпал за пазуху. Ну, думаю, теперь наемся халвы, — и потянулся к полке, где она лежала. А конец полки возьми да и сорвись, и пошел звон от битой посуды. Все, что потом было, помню, как в тумане. Появился хозяин с лампой, а с ним полицейский, что пил у него водку в тот вечер. Дали по сопатке, как быку кувалдой промеж рогов. Очнулся я вон в том углу, возле параши, весь в крови.

— Ну, я так и думал, — заметил Абдул-Кадыр, позевывая. — Увидал тебя впервой и решил: это цыпленок. Полная пазуха денег, так ему захотелось халвы. Купил бы бочку и жрал бы до заворота кишок. В другой раз не жадничай: взял куш да и побыстрее сматывайся!

Абдул-Кадыр велел рассказывать парню с рассеченной губой. Но тот заартачился:

— У меня все по мелочам. Хочу тебя послушать. Может, и подучусь чему-нибудь. Да и то сказать: скоро уходишь, а мы так и не знаем, что ты за человек?

Абдул-Кадыр не был охотником до пустых рассказов. Воровство давно стало его профессией. По его понятиям — это дело серьезное, болтать о нем нечего. Но не смог отказать на этот раз в просьбе друзьям, которые не один месяц провели вместе с ним в этой темной, вонючей дыре.

Он рассказал, что ограбил на большой дороге человек пятнадцать, а кражам и счет потерял. Не раз заставляли его на месте преступления, били чем попало: об этом говорят шрамы. Никогда не жадничал. Но в последний раз сгубила его ревность женщины. Да не простой бабы, а жены полицейского начальника, с которым он щедро делился добром.

Жена начальника сама его выбрала. Он бы на нее не польстился: толста — как винная бочка, и щеки обвисли — как говяжьи почки. Но он терпел ее ласки, ему не хотелось подаваться в другой город: не везде найдешь начальника, который не торопится сорвать тебя с теплого места и засунуть в каталажку.

— Появлялись деньги, хотелось мне погулять и на стороне: не все же ласкаться с винной бочкой. Но она зорко следила за мной. Только — пока передвигалась, как черепаха, я улепетывал быстрее зайца, замечая следы. Однажды я удачно раздобыл серебряную и золотую посуду, был при хороших деньгах и полеживал в своей квартире, положив голову на колени черной девицы. Вдруг с

шумом открывается дверь, и на пороге — моя винная бочка! Крика не подняла, просто плюнула в рожу, как верблюд, и ушла. Ну, думаю, надо смываться. А бежать неохота: и в летах я, да и начальник два года сытно кормился от моих нечестных трудов. Неужто все это побоку? Решил: как-нибудь обойдется! И заснул блаженно. А рано утром кто-то прикоснулся к моей щеке железом. Открыл глаза: человек в синем мундире с медными пуговицами держит перед моим носом револьвер. Хотел бежать, да поздно: четверо уже обыскивают квартиру. Потом — суд.

Абдул-Кадыр махнул рукой:

— Все! Нет совести у начальников, нет ее и у богачей. И мне она не нужна: надену чолпан с чалмой и пойду дурачить простаков, — они обожают шейхов!..

Даже старые люди давно не помнили такого жаркого, сухого лета. Спорый дождь не выпадал с весны. Со стороны солнцепека, глинобитные крыши аула, на которых обычно зеленела трава, похожая на озимь, потрескались и пожелтели. Жара не спадала, и мух развелось столько, что нельзя открывать двери. Когда Ибрахим побежал купаться в Кубани, беломордый осел Темурки жалобно крикнул ему вслед: мухи его одолели. Он отгонял их тощим хвостом, непрерывно дергал головой. А когда они ползали по брюху, вздрагивал и бил ногами землю.

Мёলেখан стирала белье в сенях, тоже не зная покоя от мух. Наконец она быстро выплеснула во двор грязную воду из помятого корыта и укрылась в доме.

Темурка выдалбливал стамеской миску из дерева, зашедший его проведать Таулан точил об камень свой старый чабанский нож. Беседа текла негромко о делах в ауле, и Мёлехан не прислушивалась. Но она наострила уши, когда речь пошла об Ибрахиме.

— Ты мой дальний родственник, мудрый Таулан, и такой же бедный человек, как я, — сказал Темурка, явно рассчитывая на внимание жены. — Рассуди меня с Мёлехан: что нам делать с мальчиком? Она вбила себе в голову, что из него получится слуга аллаха или — хотя бы его помощник. А сейчас пусть мается по аулу и бегаёт купаться, раз не идут занятия в медресе. А у нас нет даже фунта муки, чтобы испечь лепешки. Вот я и говорю ей: отдадим мальчика батраком на кош к Джуммаковым. Хотя бы до зимы. И сам себя прокормит, и заработает хоть пару баранов. Глядишь, пристрастится к делу и перестанет зубрить Коран.

Конечно, Мёлехан взорвалась:

— Не отдам мальчика в чужие руки! Выучится, так не будет терпеть голод и холод. Вся Темуркина жизнь прошла в батраках, а какая от этого польза? В доме — хоть шаром покати, на плечах рваный бешмет, в животе пусто! Нет, не пущу Ибрахима в батраки!

Но Темуркан уже знал, что будет его верх. И сказал сердито:

— Хватит! Не с твоего ли одобрения наша девочка пошла на той, а попала в тюрьму и оказалась в бегах?!

Это был удар прямо в сердце. И Мёлехан не нашла слов, чтоб ответить мужу при постороннем человеке.

— Ты, Таулан, пришел к нам на счастье. Возьми завтра Ибрахима с собой. А мне один путь — на рудник.

Таулан долго молчал, обдумывая ответ. Затем обернулся к Мёлехан:

— Что делать, сестра? Мальчика надо пристраивать к отаре, другой дороги у вас нет! — Он достал из кармана тряпочку и вытер слезы в больном глазу. — Слов нет, дело не легкое. Я уже и счет годам потерял, пока растил тучные стада для богачей, буран выжег мне глаз. А — не голодал: кормлюсь, и домой кое-что доставляю.

— Решено. Таулан: возьмешь Ибрахима завтра же. А я сейчас поеду на рудник. Сорок лет батрачил на мусульманских богачей, теперь хочу испытать гяуров, неверных! — Темуркан строго зыркнул на жену и вышел из комнаты, волоча за собой седло для осла.

Мёлехан заплакала:

— Не могу сломить упрямого старика! Бедный, бедный мальчик, никогда не будешь ты муллой, не прочитаешь молитву над могилой матери!.. Именем умерших твоих и живых, прошу тебя, Таулан: присмотри за мальчиком, как за родным. Отец его без сердца — единственного сына бросает в руки кровожадных, как лягушку змее. Пожалей хоть меня: остаюсь я совсем одна!

Темурка постеснялся при Таулане попроситься с женой, крикнул с порога:

— Таулан рано утром уйдет на кош, не трать времени зря, собирай мальчика! — Он стеганул осла палочкой и выехал со двора.

— Я пригляжу за Ибрахимом. Не убивай-

ся, сестра, не на войну провожаешь джигита, — Таулан отвесил поклон и вышел...

На другой день он появился чуть свет. Но Ибрахим еще не был готов: он неумело завязывал кожаные шнурки на шерстяных гетрах. В дверь дома Темурки нельзя было войти не пригнувшись. Но батрацкий труд так согнул Таулана, что он свободно шагнул через порог, не наклонив головы:

— Счастья вам в дом! — И глянул на чугунок с дымящейся мамалыгой. — А ты, джигит молодой, еще не готов? Я-то в твои годы об эту пору поднимался к «Богатырской поляне», а потом — до обеда — переделывал всю работу по дому. Эх, годы, годы! — он погладил окладистую белую бороду.

— Садись, Таулан, перекуси, — засуетилась Мёлехан, доставая ложки.

Таулан сел к столу. Ибрахим вымыл руки и подсел рядом:

— С вечера не заправил шнурки, вот и завозился. Но впереди день, Таулан, и я постараюсь тебя обрадовать!

Мёлехан укладывала мешок с вещами Ибрахима и каждую вещь прижимала к щеке, словно прощалась с сыном навеки. Таулан знал, что по горским обычаям мать постесняется при нем прижать к груди сына. А ей так хочется окропить его своими слезами! Старик, даже не доев мамалыгу, взял палку:

— Я пойду помалу, ты меня быстро догонишь. — Он взял мешок Ибрахима, приторочил его рядом со своим, перекинул палку поперек поясицы и легонько толкнул ногой осла: ни кнутом, ни палкой он не стегал своего помощника никогда.

Обняв Ибрахима и не жалея слез, Мёлехан проводила его до ворот.

— Не горюй! Будет плохо, так я и сам убегу с коша! — Ибрахим махнул шапкой и устремился за Тауланом.

К восходу солнца два путника — старый и малый — отмахали путь до подъема к альпийским лугам. Сняли груз с осла и расположились на зеленой полянке.

— На первом привале надо переобуться: нас ноги кормят. — Таулан расшнуровал завязки на чувяках, пошевелил пальцами ног. — С этого, джигит молодой, начинаются заповеди чабана.

Солнце выкатилось из-за громады гор, отбрасывая черные тени от утесов на лесистую зелень западного склона, далеко за Кубанью.

— Ассалам алейкум! — радостно сказал Таулан и погладил рукой бороду.

— С кем здороваешься? Я никого не вижу, — с удивлением спросил Ибрахим.

— Это еще одна заповедь. Можешь не здороваться с плохим человеком, а солнышко приветствуй. Главное чабанское благо — от него. Непогода — беда для нас.

И Таулан вспомнил, как он лет семь назад пережил ночью грозу с ливнем и со страшным ветром. Молнии раскалывали черное небо почти без передышки, и словно вспыхивала от них снеговая вершина Эльбруса. Гром бил так, что Таулан не слышал своего голоса, когда скликал овец. Ветер все раскидал на кошаре. В одежде — от головы до пят — ни одной сухой нитки.

— Не помню, как направил отару вниз по ущелью. Наверно, стучал палкой о камни

и кричал во весь голос, отпугивая волков. Спустился в долину, а там дождь еще сильнее, — будто льет из большого сосуда без дна. Притулился к большому камню: будь что будет! Потом о костре подумал, да нет ни одной сухой веточки. Холод пробрал до селезенки, хоть домой уходи. Да разве бросишь отару? «Конец пришел тебе, Таулан», — горько сказал я себе. И — задремал... Сколько прошло времени, не знаю. Открыл глаза. Туман такой густой, что рук своих не вижу. А на месте не стоит — медленно лезет к вершинам. И над ними — лучик солнца, как золотой кинжал. Не будь его, мы бы с тобой нынче не ехали... И уж с того дня я ни одной ясной зари не пропускаю, всегда шлю привет солнцу!..

Ибрахим лежал на спине, надвинув шапку до глаз, и глядел в лазурное небо, где не было ни облачка. Рядом щипал траву осел, отгоняя хвостом мух. Но еще один переход, и мух не станет: холодно им в поднебесье.

Ибрахим спросил Таулана, не видит ли он орла, что кружит над одним местом, раскинув черные крылья, как бурку? Вот таким орлом быть, больше ничего и не надо!

— Орла я не вижу. И куда тебе до него! Нет крыльев, нет свободы!.. А если кружит над одним местом, значит, нашел пищу. И нам надо погрызть хоть по кусочку гырджына. — Старик взял мякоть себе, корочку подал Ибрахиму. — Подкрепись, а то унесет ветер.

Не успели они подобрать крошки, как осел насторожился: поднял уши и уставился на дорогу. Вскоре показался серый жеребец,

на нем старший сын Джуммаковых, у которых этим летом батрачил Таулан. На коне парень держался гордо, красиво: правая рука на поясе, стремяна в хорошем подборе. На груди поблескивали золоченые газыри.

Джуммаков не сошел с коня, не поздоровался:

— Чего это вы греетесь на солнце? А на кош кто пойдет?

Таулан, не успев надеть шапку, с непокрытой белой головой поднялся, взял коня за уздечку:

— Остановились на перепутье, ослу надо отдохнуть. Малость закусили, скоро пойдем. Присаживайся к нам, коню тоже нужен отдых.

Джуммаков не ответил, тронул коня коленями, оттолкнув старика с дороги. И — уехал.

Ибрахим, не сдерживая обиды, подошел к Таулану:

— Почему он так обошелся с тобою?

— Откуда мне знать, джигит молодой. Наши богачи батраков за людей не считают. У них и власть, и скот, и деньги. И, как говорят в народе, у них каждый день в бараньих мослах мозг жирный. Так-то Ибрахим! В медресе Мухаммат-Амин наказывает тростниковой палочкой, а тут вот такой ханский сын и убить может, если потеряешь его баранов!..

К вечеру перевалили через вершину, добрались до коша. Навстречу бросились лохматые собаки, оглашая ущелье громким лаем.

— Что ж вы делаете, псы неправовые? — ласково сказал Таулан и протянул руку. Собаки умолкли, завертели хвостами,

стали радуясь прыгать на грудь хозяину. — Они остались маленькими щенками, когда волк задрал их мать. Я их вырастил, и они мне платят добром. — Он погладил собак, дал им по кусочку гырджына. — Встречают куда ласковее, чем ханский сын. Поэтому и говорят бывалые чабаны, что собака — друг, а хозяин — враг...

Переночевали спокойно. Ибрахим прижимался в шалаше к Таулану, потому что веяло холодом от снега, который начинался в сотне шагов от коша. И, просыпаясь, недоумевал, как это почти в снегу весело покачивают головами синие и белые цветы?

Ближе к полудню овцы лежали тесной кучей и тяжело дышали. Спасаясь от жаркого солнца, они поодиночке, или маленькими кучками, вскакивали, тряся курдюками, как подушками, прыгали в снег. И, постояв недолго, возвращались к отаре.

С самой весны не видел Ибрахим такого травяного раздолья. И в свободные минуты, когда овцы не разбредались, он ложился грудью на землю и глядел, как трава, растущая прямо из-под снега, колыхалась зелеными волнами, словно волосы русалки.

Эльбрус — почти рядом. Вековые его льды блестели на изломе как отточенное лезвие кинжала. Иногда они обламывались с грохотом, будто над головой ударял гром, и могучее эхо отдавалось в каждой складке гор. Овцы шарахались в стороны. Но, не видя опасности, опять спокойно паслись.

Ибрахим провел почти весь день один. Перед вечером перегнал отару ближе к кошаре, подошел к Таулану.

— Как твои дела, джигит молодой? Не бросал ли в овец палку, когда они не слушались твоей команды?

— Еще не бросал. Я поглядывал, как ты ходишь впереди отары, и старался делать так же, — Ибрахим ковырнул палкой муравьиную кучу.

— Не надо! — встрепенулся Таулан. — Будет дождь, если встревожишь муравьев. Он нужен в ауле, а нам ни к чему... Садись рядом и послушай, что скажу. Я не протяну долго, жизнь моя прошла. И боюсь, что не успею научить тебя ходить со стадом. Так ты приглядывайся к Хамиту. Видишь, как он ходит по косогору, и овцы следуют за ним цепочкой. Он молодой и перенял у меня все, что знал я сам. Покричи ему, пусть придет и сыграет нам на свирели. Твой отец очень любил его слушать и дружил с ним.

Хамит заметил их раньше, чем крикнул Ибрахим, и вскоре подошел сам. Он улыбнулся приветливо и встал рядом с Тауланом, опершись подбородком о конец палки.

— Темурка прислал смену, — сказал Таулан. — Это его сын Ибрахим. Он тоже слышан о тебе и хочет, чтоб ты сыграл нам.

Настроенне у Хамита было отличное. И он заиграл мелодию веселую, танцевальную. И, перебирая пальцами по дыркам в дудке, сам притоптывал в такт.

— Что такой веселый? Уж не зарезали ли барана из отары Кыямата? — весело спросил Таулан.

— Какой там баран! Капдаур скорее нас зарежет, а барана не даст! Просто кончилось мое батрачество. Пять лет гнул спину на Кыя-

мата, через три дня получу за труды скотину, продам ее и вернусь к матери с подарком.

— Значит, много заработал? — полюбопытствовал старик.

— Можно и свадьбу сыграть! Как ты научил меня, я все считал, что заработано. Видишь зарубки на палке: двадцать баранов и две коровы. По договору, конечно. Да все ли отдаст Кандаур? Он третий день сидит насунувшись, как Эльбрус в непогоду.

Ибрахим слушал Хамита и любовался им: молодой, сильный, блестящие черные глаза, ровные, белые зубы. И мягкий пушок над губами, как у Канамата.

И Таулан не сводил с него глаз:

— Хорошо, ох, как хорошо, Хамит! Не спускай Кандауру, все получи с живоглота... А у нас с Ибрахимом нет пока радости, сыграй нам что-нибудь грустное.

Хамит взял свирель, дунул в нее и заиграл. Старый чабан низко опустил голову, лицо его покрылось морщинами, как паутиной. Он вспомнил невзгоды и страдания, которые пережил с малолетства — когда еще был в подпасках и учился, как Ибрахим, завязывать шнурки на гетрах. Из большого глаза его выкатилась крупная слеза, сбежала по щеке и скрылась в седой бороде.

— Боюсь, что слышу тебя в последний раз. Ты уходишь в аул, а мои силы на исходе, аллах заждался: когда же отдам ему свою душу.

И от грустных мелодий Хамита, и от печальных слов Таулана беспокойно стало и Ибрахиму. Он отошел в сторону и стал искать в нагромождении скал «Раскопанную го-

лову», где скрывались КанаMAT и Бадимат. Долго водил глазами, и вдруг словно иглой кольнуло его в бок: он увидел чуть заметный сизый дымок у входа в пещеру.

— Что увидел хорошего, джигит малый? — обратился к нему Таулан.

— Ничего. Просто смотрю на горы.

— А овцы твои где-то скрылись. Пойдем, а то ханский сын сдерет шкуру с твоей спины... Спасибо, добрый Хамит, я до последних дней не забуду твою свирель. Вроде и простая дудочка из бузины, а в твоих руках она хватает за сердце!..

Темуркан добирался до рудника не так уж долго: по горским понятиям рукой бы подать до него, не будь длинного и узкого ущелья Аман-Ныхыт, которое отделяло аул от всего мира. И оно всегда отличалось камнепадами, особенно с левой стороны, где на скале темнело мокрое пятно от маленького источника.

За ущельем дорога сильно петляла. Но за одним из крутых поворотов показались строения из камня и дерева, и вскоре послышался шум работающей машины. Камнедробилка, тяжело дыша, как утомившийся бык после длинного подъема, выпускала клубы черного дыма, который, в безветрии, висел над поселком огромной шапкой. Шум иногда притихал: это очередной рабочий запаздывал подкатить вагонетку по деревянному настилу. Когда же он сыпал породу в железную пасть машины, снова шла работа с натужным хрипом и грохотом.

После дробления порода сваливалась в ост-

ровершие кучи. Возле них стояли рабочие, тщательно осматривая каждый камень. И если находили серебристые блески в нем, бросали его на носилки.

Возле работающих прохаживался пожилой и грузный надсмотрщик в очках, с тросточкой и с блестящими медными пуговицами. Иногда он поднимался по ступенькам на маленькую площадку, стараясь не сводить глаз с работающих. И время от времени покрикивал.

Какой-то светловолосый старик в рваной одежде, видно, почувствовал себя плохо: охая, он схватился за поясницу и присел на корточках отдохнуть. Надсмотрщик подкрался к нему, толкнул сзади ногой и свалил на кучу камней.

— Я тебя проучу, старая собачья шкура! — гневно сказал очкастый, достал из кармана пальто бумагу и что-то записал.

Старик на коленях пополз к надсмотрщику:

— Не записывай штраф, господин! У меня же десять ртов в семье! Уморишь их голодом! — и хотел поклониться в ноги. Но тот, ругаясь, отошел к площадке, чтобы следить за работой других.

Толкая вагонетку, к старику подошел рабочий средних лет с прилипшими ко лбу потными светлыми волосами. Он поднял старика на ноги и сказал:

— Видите, товарищи, что делает эта бешеная собака хозяйки? Мало, что ругает последними словами, так начал нас пинать сапогом! Где только взяли такого на нашу голову? И тебе не стыдно, старик, ползать по земле перед таким гадом? Надо кричать, требовать его увольнения!

— У меня и голоса нет для крика. И куда мне заводить бузу: жена больна больше месяца, дети совсем голодные.

Он снова стал перебирать камни. Но все люди — а их было до полусотни — столпились неподалеку от него и сурово молчали. Из машинного отделения вышел к ним пожилой рабочий с большими рыжими усами, вытирая тряпкой обмасленные руки:

— Семен правильно сказал: всякому терпению — мера! Дай сейчас поблажку этому гаду, он завтра еще круче возьмет! Мой совет: к работе не приступать. Сейчас пойти к хозяйке, — если она не прогонит этого пса, на работу завтра не выходить!

Рабочие заговорили наперебой, похватили кирки и лопаты и двинулись к высокому дому с голубой крышей и просторными окнами, что стоял в полверсте от рудника.

Семен остановил их:

— Нас мало, товарищи, надо поднять всех рабочих. И сказать все, что надо, — жалованье увеличить, рабочий день сократить хоть на один час. Мы вкалываем от зари до зари, а на пропитание не хватает. А надсмотрщика привязать к вагонетке и взять с собой!

Семена дружно поддержали и те рабочие, которые бежали с шахты. Они кричали:

— Правильно! Натерпелись! Хватайте пса очкастого!

Молодые рабочие — человек шесть — схватили надсмотрщика и понесли его с трясущимися ногами к пустой вагонетке. Гудок камнедробилки, созывая рабочих, прохрипел трижды и поперхнулся.

— Ну и дела! — прошептал Темуркан,

взял беломорского осла за уздечку и пошел следом за гудящей толпой. — Вот это люди! Начальника кинули в ящик как мешок с кукурузой!

Хозяйку выкликали много раз, но она не выходила, видимо, не слышала их криков за толстыми стенами своих покоев. А если бы и слышала, то вряд ли желала бы встретиться с рабочими.

Шесть лет назад она купила землю у одного из горских князей по совету геолога, который обнаружил серебро в скальной россыпи. И порекомендовал открыть рудник.

Рано овдовев и причисляя себя — не без основания — к дворянскому сословию, а не к жадному клану промышленников, она не утруждала себя рудничными делами, интересуясь лишь доходами. А в каких условиях находятся рабочие, сколько получают за одиннадцать часов изнурительного труда, где живут и чем питаются — этого она не знала, перепоручив все дела по руднику своему управляющему.

Приезжала она сюда редко — один раз в два года, обычно когда выдавалось в горах сухое, но не жаркое лето. И даже те рабочие, что трудились здесь с основания рудника, видели ее раз или два, да и то в те вечерние часы, когда выезжала она прокатиться вдоль Кубани.

Лишь позавчера приехала она из Владикавказа, устала после тряски в дороге и хотела отдохнуть сегодня безмятежно. Но испортила ей настроение горничная: она нечаянно придавила лапку хозяйской любимице — белой кудрявой болонке. Собачонка скулила,

хозяйка ласкала ее, лежа на диване и ругая горничную.

Был вызван доктор. Он осмотрел собачонку, выслушал ее и сказал, что она вполне здорова, только на правой лапке немного поврежден коготок.

— Сейчас наложим повязку, и через три дня собака будет резвиться, как и прежде.

Хозяйка успокоилась. И тут в ее комнату быстро вошел встревоженный управляющий, комкая в руках шляпу.

— Что случилось, Иван Степанович?

— Надумали бунтовать рабочие, Вера Сергеевна; они стоят перед домом и хотят говорить с вами.

— Я не желаю!

— Надо, Вера Сергеевна! Рабочие очень возбуждены.

Хозяйка накинула на плечи легкое пальто и вышла на балкон с собачкой на руках.

Семен прокричал ей снизу те требования, о которых недавно говорил рабочим. Все стали его поддерживать. Крик во дворе поднялся такой, что и слов не разобрать!

Рядом с хозяйкой показался управляющий — полный коротышка с узенькой рыжей бородкой. Хозяйка бросила ему в сердцах:

— Позор какой, Иван Степанович! Вы же заверили меня, что на руднике спокойно! Иначе бы я не приехала. Надо разогнать этих оборванцев! Я же не раз советовала вам держать на постое стражников! — она повернулась спиной к рабочим и хлопнула дверью.

Управляющий скомандовал громким голосом:

— Разойдись!

В него полетел камень. Он пригнулся и заливисто засвистел в костяной свисток. В воротах показалась охрана: три дюжих отставных унтера на гнедых конях. Разгорелась несутная драка, которую Темурка видел впервой. В ход пошли камни, палки. Стража, судорожно работая шенкелями, разъярила коней. И они, кружась и храпя, наваливались на толпу то грудью, то боком, то задом. Рабочие, крича и ругаясь, медленно отступали к воротам. Один из них, едва не задев Темурку, пробежал мимо него, вытирая на ходу кровь на лице, и крикнул:

— Голыми руками против нагайки не попрешь! Хорошо хоть казаков еще нет!

Вскоре двор опустел...

Когда часа через два все затихло возле хозяйкиного дома и снова затарахтела камнедробилка, Темурка привязал беломордого к тополю и степенно пошел искать контору рудника. Мимо него промчался фаэтон, в котором сидела полная белолицая женщина, еще не старая, с маленькой белой собачкой на коленях. На скамье — спиной к кучеру — сидели два унтера, опершись на сабли.

Темурка засмотрелся на господский выезд, споткнулся о камень и остановился в растерянности, не зная, куда идти.

Мимо проходил один из тех парней, что привязывал надсмотрщика к вагонетке. Только рука у него была теперь забинтована. Он остановился и спросил Темурку, что ему надо?

— Хочу наняться на работу, да не знаю, к кому обратиться? — Слова Темурка произносил больше по-карачаевски, чем по-рус-

ски. Но рабочий понял его, довел до конторы и попрощался.

Темурка открыл дверь и переступил порог. Но какой-то старик с медными пуговицами, уставившись на грязные чабыры пришельца и презрительно наморщив нос, не пустил его.

— Да я тебе! — пригрозил ему Темурка: он явно осмелел, потому что видел, как рабочие на руднике отстаивают свои права. И пошел напролом. Тот — с медными пуговицами — свистнул. Из другой комнаты появились двое, тоже в форме. Один из них указал тросточкой на солому, торчащую из чабыров Темурки, давая понять, что надо снять обувь.

— Да пусть в ваш дом придет черный день, паршивцы! — пробурчал Темурка. — Был бы я в скрипучих сапогах, не пришел к вам наниматься! — Только карачаевских его слов никто не понял.

Но чабыры он оставил во дворе, в контору вошел босиком. Его быстро оформили в шахту, дали в руки какой-то жестяной кружочек. Велели беречь его. Он вышел во двор, но чабыров не оказалось.

— Хоть домой беги за чабырами! — сказал он в сердцах. Но они не пропали, просто двое молодых озорников из конторы, надавая по ним носками сапог, закинули их вначале в угол двора, а потом, громко хохоча, выбросили в овраг.

Темурка стал искать камень, чтоб запустить в паршивцев, которые так насмеялись над ним. Но подошел Семен с караваем черного хлеба, с белой повязкой на лбу и крикнул служащим:

— А почему старик стоит босиком?

Толкая друг друга и смеясь, те показали на овраг:

— Там его чувяки! И так воняют, что даже свиньи от них отворачиваются!

Больше всего боялся Темурка, что этот русский рабочий станет смеяться вместе с господами. Но тот дал ему подержать каравай, спрыгнул в овраг и принес чабыры. А когда Темурка обулся, повел его в шахту, где добывали породу.

По понятиям Темурки это была большая, холодная, черная пещера, куда не проникал луч солнца. А над головой висели глыбы, готовые свалиться ему на плечи.

— Не бойся, крепление надежное! — Семен вел его все дальше и дальше, до того места, где горела лампа, и рабочие, едва остывшие от драки перед домом хозяйки, кайлом выбивали породу. Там он познакомил Темурку с товарищами и пожелал ему успехов...

Пока Темурка не знал этих рабочих, он всех русских считал за недругов. А когда его приняли как равного, поставили рядом с собою и показали, как выбирать породу, стал мучительно искать ответа: «Все ли гяуры недруги? Ведь есть и друзья?» В шахте он как-то сразу вошел в дружную рабочую семью, люди добры к нему. А в конторе тоже русские. Но те с медными пуговицами и смотрят на него, как на собаку.

— Ну и дела! — твердил он, орудуя кайлом, с которым свикся в ауле с юных лет.

Поселили Темурку в длинном саманном бараке, где все спали вповалку, на плоских соломенных матрасах. Молодые иногда реза-

лись в карты при тусклом свете керосиновой лампы или пели под балалайку протяжные грустные песни. Люди пожилые вели разговоры о доме, семье, скудном заработке и тяжелом рабочем дне от зари до зари.

Темурка попросил Семена дать ему место рядом с ним, — к этому рабочему он с первого же дня стал относиться как к старшему сыну. И перед сном они разговаривали на разных языках, пытаясь постичь незнакомые слова. Темурка с горечью говорил о Бадимат, которой пришлось убежать в горы с абреком; о Кыямате и других недругах бедноты. Привыкший стойко переносить трудности, он не жаловался на тяжкие условия в шахте и даже похвалялся, что может откладывать по копейке в день на подарок для Мёлехан.

Семен изредка вспоминал кое-что из своей бродячей жизни: о забастовке в Ростове-на-Дону, где он угодил в тюрьму, но сумел скрыться; о Донбассе, откуда тоже пришлось бежать. С удовольствием он заводил разговор о своей родной Полтавщине, где осталась одиухонькой старая мать, которой он посылает из получки два-три рубля. О веселых скворцах, что каждый год приносили ему в детстве весну и пели прекрасные песни на рябине, раскинувшей ветви на берегу маленького ставка.

— У нас, Темуркан, ни одной горы нет. Зато от края до края сады, огороды, поля. А земля черная и жирная, она так и просит кинуть в нее зерно. Хлеб у нас! Ни разу такого не едал на чужбине: ноздреватый, пахучий. Сдавишь каравай ладонями, а он снова такой же: распрямляется, будто пружина в

нем. А какие песни поют девчата на вечерней заре, — просто слов нет! Слушаешь, — обо всем забываешь! И — всё про любовь. Вот, к примеру: «Тече ричка невеличка з вишневого саду, кличе парень девчиночку, соби на пораду!» Все бы отдал, чтоб вернуться домой, да не положено: там меня пристав давно ждет.

— Значит, насолил ты ему?

— Еще как! Придет время, — расскажу.

В воскресные дни Семен забирал с собой Темурку туда, где собирались небольшой группой рабочие: то на лужайке в кустах возле речки, то в ближайшем лесочке. Слушая их разговоры, он стал понимать русскую речь свободнее. И иногда пытался говорить, но это вызывало улыбку у многих: карачаевские слова часто невпопад перемежались с русскими. Однако Семен никогда не смеялся над его речью, и сам вскоре перенял от него добрую сотню карачаевских слов.

Как-то новые друзья сидели на берегу речки, которая журчала тихо и ласково, не как могучая Кубань, и сердечно разговорились. Темурка спросил Семена:

— Скажи мне, почему у русских такая разница в людях? Одно дело ты и твои товарищи, другое — те, что сидят в конторе?

— Вопрос трудный, дорогой Темуркан. Но ответ и на него найти можно. Ты вдумайся: ведь это все, как и у вас. Есть в ауле ты и другие такие же бедняки. А есть — баи, торговцы, князья, богачи, эфенди. Они тебе не пара, хоть вы люди и одной веры. Ты был хоть раз в гостях у Кыямата?

Темурка молча отмахнулся.

— Так и у нас: одни забрались наверх, си-

дят у народа на шее и жиреют, как ваш Кыямат. Другие коношатся внизу: это мы — рабочие — и вся беднота. Давно так устроена жизнь: те, что наверху, живут нашим трудом. А чтоб мы их не спихнули, держат стражников, полицейских, казаков. И чиновников с медными пуговицами. И ведь вот что интересно: управляющий рудником на нас — русских рабочих — даже не смотрит. А когда ваш мусульманин Кыямат пригоняет скот на рудник, так этот православный Иван Степанович — ему первый друг. Наш пузан берет вашего пузана под ручку, ведет его к себе домой, и там они вместе жрут водку и закусывают жирной бараниной. Не по закону? Я говорю про ваш шарит.

— Да! Ой, темный я еще, темный! — вздохнул Темуркан. — Но с тобой я скоро увижу свет. Все у нас в ауле под Кыяматом ходят. Он соки выжимает, а эфенди поет под его дудку...

Подступил вечер. Солнце, разбросав по небу последние оранжевые и красные отблески, скатилось за вершины гор. Над речкой растянулись редкие космы тумана, белые, как борода у Таулана.

Друзья встали и пошли через мост к поселку. Темуркан долго молчал, а при входе в барак предложил:

— Может, сходим вместе в аул? Поглядишь, как живу. И с людьми поговоришь: они тебе будут рады. В субботу и двинемся: у меня ведь первая получка!

— Давай, давай! — согласился Семен...

В субботу вечером они и отправились: впереди ходко шел к дому беломордый осел,

позади Семен и Темуркан с маленьким узелком на поясе бешмета. В узелке был фунт мятных пряников для Мёлехан...

Эфенди так и не успел собрать правоверных на молитву за аулом, о чем просили его старики. Ему хотелось обставить моление о дожде с той торжественностью, которую может придать только шейх, побывавший в святых местах мусульман. Но каждый раз, когда он собирался отправиться за святым, что-либо ему мешало.

Мысленно он торопился, понимая, что больше тянуть нельзя: от долгой засухи появилась угроза, что аул останется на зиму без корма для скота. Беднота, еще с весны, арендовала участки луга у богачей, отдав за них все, что имелось в хозяйстве. А теперь мучительно думала: все траты пошли прахом, травостой такой плохой — негде разгуляться косарю. Эти заботы так угнетали людей, что им было не до торжественного моления, требующего больших расходов на угощение.

Сдерживало порыв эфенди и еще одно тягостное обстоятельство. От невиданного доселе обилия мух начался в ауле брюшной тиф. Ни врача, ни даже фельдшера не бывало тут отродясь, и болезнь стала косить людей: до трех покойников сносили на кладбище почти каждый день. Как уедешь в такое время?

В ауле — горе и слезы. Но уж так устроена жизнь, что не внакладе один эфенди. Хоть и жаль ему своих прихожан, особенно тех, кого он знал почти с детских лет, но от

каждого покойника идет ему доход. Сходит он на кладбище, проводит с молитвой души правверных в «царство теней», а домой возвращается с сумкой, где тяжело позвякивают серебряные монеты.

Но беспокойно у эфенди на сердце: люди в мечеть не ходят, хоть и наступила предосенняя пора ора́зы — месячного поста накануне уборки позднего, второго урожая. И по пятницам — обычно вечером — мало кто присылает ему хычыны — пироги с сыром и румяной корочкой от кукурузных отрубей.

Раньше, во все годы до этого, он безошибочно узнавал по петухам, вышитым на полотенце, от кого доставлено приношение. А теперь — пусто. И даже бывали дни, когда ему приходилось выглядывать в окошко, не несет ли кто подарок, завернутый в полотенце? Но на улице было безлюдно. Раздосадованный Мухаммат-Амин, позабыв сделать омовение перед молитвой, иногда начинал службу при двух-трех старухах.

Кыямат тоже редко ходил в мечеть: он не пропускал только те дни, когда собиралось много народа. И можно было покрасоваться перед людьми в новой черкеске. А сегодня он появился, хотя молящихся было не больше десятка. И очень пристально глядел на эфенди. Тот понял, что пришел богач неспроста, побыстрее закончил вечерний намаз и пригласил его к кафедре. Она возвышалась с правой стороны ниши-михраба, обращенной в сторону священной Мекки, и называлась минбаром.

Люди разошлись. Но Кыямат, прикрыв рот рукавом, заговорил глухо:

— В чем-то мы ведем себя неправильно, дорогой эфенди. А от такого нашего поведения может наступить печальный конец. Как говорят люди: «На голову лежащей коровы и теленок может помочиться». Скажу яснее: пока мы бездействуем, некоторые людишки, не имеющие хорошего угла, нацеливаются на наше добро!

— Не темни, Кыямат! Говори прямо — я пойму лучше и буду знать, что нам делать.

— наших бедняков начал будоражить какой-то русский, по имени Семен. Работает на руднике и был дважды у Темурки, который снюхался с гяурами. По ночам ведут разговоры. И после этих разговоров стали задирать нос такие люди, которые раньше не могли и пикнуть при нас.

— Говори, говори! — прошептал Мухамат-Амин, ясно понимая, что Кыямат беспокоится не зря.

И Кыямат поведал эфенди все, что услышал от своей работницы. Та проходила мимо дома Темурки и подслушала речи Семена и непутевых людей из аула.

— Кто они? — живо спросил эфенди.

— Твой сосед Бийнегер, еще — Касым и Батал — дружки абрека Канамата, сам водяной змей Темурка и мой сосед — рваношубный Токал. Наша непутевая работница не все разобрала: Семен говорил по-русски, Темуркан толмачил через пень-колоду. Запомнила только, что грозились всем зажиточным аульчанам, начиная с меня и с тебя.

— А я-то при чем? Я лишь охраняю дом аллаха. Скота у меня мало, и должников — тоже! — эфенди нервно перебирал четки.

— Не юли! Они говорили: богатые дерут шкуру с бедных, а ты приходишь с Кораном и нам помогаешь.

— Кто это так посмел сказать про меня?

— Семен.

— От гяура и не такое можно услышать. А наши, кто совершает намаз при мне, никогда не скажут.

— Эх, какую ты взял манеру: я не я и лошадь не моя. Нет, ты не виляй, а соображай, как избавиться от беды.

Однако эфенди все еще витал в облаках. Он показал на кипу Коранов, сложенную у правой стены мечети:

— В посланиях аллаха говорится, что шайтан бывает очень хитрый, изворотливый...

— Да не дури ты, эфенди, — перебил его Кыямат. — Мне-то хоть не читай проповеди. Оставь аллаха в покое, говори дело, мне уходить пора, — Кыямат подобрал полы черкески, стукнул палкой об пол.

— Пойми меня, — уставился на него эфенди. — Я двадцать лет храню дом аллаха, каждую пятницу произношу проповедь и не могу вдруг отказаться от привычных мыслей и слов!.. А по делу так: договорись с Биймурзой, чтоб Семен пропал. Для этого нужен свидетель, который слышал их разговоры и может дать показания. Самый подходящий для этого человек — Токал. За хорошую чарку бозы он на все пойдет. /А мое дело — укреплять веру. Я давно хочу найти шейха, святого человека, умного богослова, он поможет привести к аллаху даже самых непокорных.

— Ну, ну? — оживился Кыямат. — Я согласен. В чем нужна тебе моя помощь?

— Ты дашь хорошего коня, я поеду далеко за рудник, в одном ауле там, говорят, объявился святой.

— А хорош ли он? Думаю, такой окажется шейх, какого ты в своей жизни и не видывал. Подготовь тут для первого разговора по душам все, как у тебя заведено. Я еду, завтра же!

И Мухаммат-Амин с Кыяматом — голова к голове — вышли из мечети в отличном расположении духа.

Только Абдул-Кадыр еще не знал, что к нему направляется богатый вестник...

На коше у Таулана сегодня пасмурнее, чем в другие дни. На западной стороне, далеко за Кубанью, затянуто небо белыми облаками, как слоями ваты. На востоке насупил брови Эльбрус. Не сверкает его снежная вершина, за нее зацепились дождевые облака, похожие на мохнатую папаху из серой овчины.

По соседству, за невысоким увалом, на границе альпийских лугов, стойбище Кандаура. Там все, как всегда: хозяин то молчалив, то груб. Но погода берет свое: петухи кричат к дождю, и не в меру расшалились ягнята: они носятся по кособору, бодаясь и взбрыкивая. А когда налетит порыв ветра, останавливаются как вкопанные и ошалело глядят на Эльбрус, посылающий им предвестье непогоды.

Кандаур, почти всегда угрюмый, в последние дни редко открывал рот, и то в тех случаях, когда покрикивал на чабанов. Покрикивал

грубо, дерзко, словно вонзал топор в дубовый пенёк. Невысокий лоб его был часто собран в морщины, как старый засохший бурдюк. Черные его глаза словно полиняли и наполовину были закрыты красными веками.

В это хмурое утро он снял с веревки свежую еще черкеску чабана, вытер ею свои сапоги и стоял подбоченясь, глядя, как седлали ему коня...

Хамит не скрывал радости, что окончился срок его батрачества. Но, не желая лишний раз попадаться на глаза Кандауру, зашел за кош, уселся и стал переобуваться, что-то напевая себе под нос.

Все годы, что он ходил за отарами Кыямата, надевал он белый, им самим не раз стиранный бешмет, с пожелтевшим от пота воротником. А сегодня надел черную черкеску из добротной шерсти, с газырями, которые он сделал из ореховых палочек. Любимую свирель завернул в ворот рваной рубашки и положил перед кошем на камень, чтоб не забыть в суматохе сборов.

Вспомнил, что скоро увидит мать, которая его заждалась, ласково распрощался с чабанами, погладил собак, не забыл и про полосатую кошку, дремавшую на чабанской шубе. И стал целовать ягнят, прыгавших возле его ног.

— Эй ты, плохой татарин! — крикнул Кандаур, ударя по луке седла рукояткой плети. Он уже сидел на коне и торопил Хамита: — Перестань лизать ягнят! Коль собрался домой, давай быстрее! — И так резко подобрал удила, что конь раскрыл рот и взял с места в аллюр.

— Конный пешему не товарищ, — решил Хамит. — Я и сам знаю дорогу в аул, — он подоткнул полы черкески за пояс, взял свирель и начал спускаться с пригорка в лес.

Хамит с детских лет любил лесное раздолье. Перелетали с ветки на ветку птицы, изредка подавая голос.

Это — свиристели, они недавно прилетели с севера и серебристыми трелями созывают сородичей в заросли черемухи и бузины. А вот это — черные дрозды, умеющие подражать соловьям. Он достал свирель и заиграл: птицы ему ответили, сначала робко, потом смелее. А на сухой сосне сидел коршун. Он перебирал перья под крылом, но зорко поглядывал, как певчие птицы все ближе и ближе подлетали к тому месту, где сидел Хамит на пне старой березы. Хамит даже не заметил, как хищник камнем упал на певунью и унес ее в когтях. Он только услышал свист крыльев коршуна. И на его колени, дрожа в воздухе, упали два пестрых перышка.

— Везде кровопийцы, — сказал себе Хамит. Он не знал, как растолковать по обычаям горцев эти упавшие к нему перышки погибшей птички. Что-то, когда-то говорила об этом мать. Будто бы не к добру. Но он все позабыл. И погладив себя по лицу нежными перышками, воткнул их под узенький ремешок на конце дудки. И — заиграл снова. Но ему помешал Кандаур: он подскочил на коне, лицо его словно посинело от злости:

— Чего расселся? Набью морду, живо побежишь за мной! — Он взмахнул плеткой, а не ударил.

Хамит запихнул свирель в рукав, вдохнул

теплый пар от взмыленного коня и пошел впереди Кандаура, все еще удивляясь, что этот хам не огрел его плеткой.

Шел он быстро, в ногу с конем, который едва не наступал ему на пятки. И думал: что это с Кандауром, почему молчит? А Кандаур, тем временем, опасливо огляделся по сторонам и вынул кинжал, задев им луку седла. Хамит обернулся. И это был последний взгляд в его жизни. Кандаур поравнялся с ним, спрыгнул с седла и в долю секунды ткнул ему кинжалом в горло...

С Эльбруса сдвинулись серые дождевые облака, влажный ветер пронесся над стойбищем. Где-то в лесу жалобно тьякнула лиса, овцы стали жадно щипать траву.

Старый Таулан, с рассвета дрожавший от холода, старательно укрыл колени черкеской. К нему подошел Ибрахим:

— Первый раз вижу, что овцы так жадно набросились на траву. Отчего это? — Он оперся на палку и глядел, как Таулан делает отметки на своем посохе.

— Нынче я не сказал солнышку «ассалам алейкум», — его не было. Горы плачут, джигит молодой, жди дождя. Потому и ноют мои колени и овцы, как голодные, кидаются на траву.

— А зачем ты портишь такой отличный посох? — Ибрахим протянул Таулану свою гладкую палку, гордясь, что хорошо сохранил подарок отца.

— Я человек неграмотный, а хочу знать, у кого сколько дней пробатрачил. Палка моя старше тебя. Я ставлю на ней вверху клеймо

хозяина, потом делаю пометки каждому дню. Когда весь посох изрезан зарубками, я его прячу, беру другой. Соберу все палки, посчитаю и смогу точно сказать тебе, сколько дней волочу я старые кости по этим горам и лугам.

Таулан, кряхтя, выпрямил с трудом спину, пошел перегонять овец с открытого места в перелесок.

— И ты поторапливайся. Скоро потемнеет от туч, растеряешь отару. Пока не захватил дождь, перейдем лес и остановимся на почлег возле речки.

Овец они направили по тропе. И, покрикивая и постукивая палками по камням, начали спускаться в лесной чаще — Ибрахим впереди двух отар, Таулан позади. Почти рядом с ними проскакал галопом Кандаур, бурка его развевалась на ветру.

— Не человек, а зверь! — Таулан посмотрел ему вслед. — И головы не повернул в нашу сторону, будь он проклят! Ведь даже овцы блеют при встрече! А этот скрылся с глаз, словно волк, насытившийся в овчарне! — никак не мог успокоиться Таулан.

В лесу Таулан, помаленьку погоняя овец, услышал какой-то приглушенный крик, словно бы Ибрахима. Но он тотчас затих. «Вот до чего остарел, все что-нибудь да чудится», — подумал он. Расстелил на тропе войлочную веревку и стал собирать сухие сосновые ветки для очага.

Неожиданно прибежал Ибрахим с окровавленной свирелью. И, едва переводя дух, подал Таулану.

Старик взял свирель и молча пошел за Ибрахимом. И только углубились они в лес,

как грянул гром над головой, и вскоре забарабанили по листве крупные, но еще редкие капли дождя.

Опередив Таулана, Ибрахим добежал до поваленной сосны и указал пальцем:

— Вот здесь!

Таулан заметил следы лошади, которая топталась на месте, и кровавые пятна вокруг них. Пятна были и на помятой траве, где волоком протащили что-то тяжелое. Таулан сделал десять шагов по этим следам и схватился за сердце: в неглубокой яме под ветками сосны, распластавшейся по земле, лежал мертвый человек в черной черкеске. Из ее рукава торчали окровавленные пальцы. Затряслись колени у старика, он грузно сел на землю с белым лицом.

В яме лежал Хамит. Ворот черкески залит кровью, к горлу прилипла земля, лицо припорошено хвоей, один глаз приоткрыт.

В страшную эту минуту молния ударила в ближайшую сосну на берегу речушки. Гром придавил к земле Таулана и Ибрахима. И сейчас же начался ливень.

— Отруби большую ветку, сделаем волокушу, — попросил Таулан Ибрахима. Вдвоем они положили тело Хамита на волокушу и потащили ее вниз по тропе. Не договариваясь, они решили, что надо тащить тело Хамита в аул. Но Таулан еле-еле держался на ногах, а одному Ибрахиму это было не по силам.

— Как-нибудь доволочем до коша, тут — все под гору, — сказал Таулан, остановился и снял шапку.

— Думал я, мой мальчик, дожить тут до зимы, но теперь и дня не останусь. Сдам ота-

ру Джуммаковым, пойду греть старые кости дома, у очага. И тебе придется закончить батрачество: один ты не справишься... Эх, Хамит, Хамит! Какой конец уготовил тебе бандит Кандаур. И за что? Жалко было отдавать баранов!.. А ты куда глядел, старый Эльбрус? — старик повернулся к Эльбрусу с дрожащими руками, мокрой от слез и от дождя белой бородой, которую шевелил ветер.

Но Эльбрус не ответил. Таулан опустил голову и стоял бы так, в безмолвии, долго-долго, оплакивая Хамита как любимого сына.

Ибрахим расшевелил его:

— Хамит совсем промокнет, надо быстрее тащить его в кош! — Он одернул старика за бешмет и взялся за ветку. — Давай, Таулан!

Молча поволокли они вниз по лесной тропе тело Хамита, даже не слыша, как шуршали по земле ветки волокуши: ветер гнул деревья, от раскатов грома все вокруг гудело, ливень не унимался...

Когда положили тело Хамита на деревянные нары в коше, Таулан сказал:

— Если боишься ночевать с покойником, пойдешь к соседям: там три чабана и шалаш у них большой. Обогрейся и отдохни. Сейчас собери обе отары в один загон на берегу речушки. А я — в аул, — он накинул седло на осла и затрусил рысцой к берегу Кубани.

Вернулся он к полудню, с людьми, которые приехали за телом Хамита. И в скорбном молчании траурная процессия двинулась к аулу.

Ибрахим подсадил Таулана на осла, а сам шел рядом и все опасался, что старик упадет: смерть Хамита и хлопоты в ауле довели его до изнеможения.

Но нельзя было в нем убить ненависть к сыну Кыямата:

— Будь проклят Кандаур! Чтоб никогда не кончались у тебя черные дни!

Арба с покойником, которую тащил второй осел, тарахтела на камнях и переваливалась с боку на бок. Прикрытая черной черкеской голова Хамита повторяла ее движение, словно он был жив и покачивал ею с укоризной.

Люди, что шли рядом с арбой двумя цепочками, поддерживали ее за боковые дроги. Слушали, как Таулан клял убийцу. И говорили без надежды:

— А кто видел, как он убивал? Как докажешь?

— Да никого тут, кроме него, не было! Не хотел, бандит, отдать скот Хамиту, вот и прирезал его!

— Не бреди душу, Таулан! — отмахивались люди...

Кончилась батрацкая работа и сына Темуркана. Дома он не показывался почти месяц, но ушел с кошары до срока и возвращался домой с пустыми руками.

Только старый, добрый Таулан подумал о своем юном друге. И тайком сунул в его хурджин соленую голову барашка...

Солнце освещало уже половину гор на западной стороне, когда Мухаммат-Амин не очень умело вскинулся на седло и на сером жеребце Кыямата стал спускаться с пригорка к берегу Кубани.

Ему сразу же не повезло: дорогу перешла

женщина с пустыми ведрами. Он развернул коня и поехал по тропинке, где никого не было. В иной бы день он повернул к дому: никогда не приносила ему удачи встреча с женщиной, которая несла пряжу в руках или пустые ведра на коромысле. Но сегодня он успел повернуть коня заблаговременно. Да и дело такое срочное, что откладывать выезд еще на один день — невозможно.

Аул скоро остался позади. Настроение эфенди улучшилось. И хотя было еще время оразы, когда до первой звезды набивать рот едой запрещено пророком, он помаленьку лакомился лепешкой на меду, которую испекла ему жена на дорогу.

Стало вечереть, когда всадник отмахал верст сорок. Он давно не ездил верхом, намял ягодицы, и потянуло его на отдых. На опушке буковой рощи он раскинул на траве бурку, прикрыл ноги длиннополым серым кафтаном и с часок подремал. А когда протер глаза, не увидел коня поблизости. Решил поискать его в овражке. Но заметил на дороге человека. Тот шел, прихрамывая на правую ногу, и с достоинством нес на себе зеленый чолпан и белую чалму.

Конечно, вряд ли он был шейхом в прямом смысле, то есть главой религиозной общины: тот бы ехал на коне с богатым седлом в сопровождении хотя бы одного служки. Но он вполне мог быть главой рода, недавно совершившим паломничество к святым местам.

— С какой хорошей дороги идешь ты, святой человек? — обратился эфенди к путнику. — Вижу, что болит у тебя нога. Отдохни — вот моя бурка и хурджин, располагай-

ся, я заверну сейчас коня, — Мухаммат-Амин вежливо поклонился, быстро спустился в лошину, где пофыркивал жеребец.

Путник зорко огляделся, подошел к хурджину и стал рыться в нем. И пока эфенди растреножил коня, поднялся на пригорок, человек в зеленом чолпане успел уплести полурицы и две лепешки. Увидав эфенди, он вытер рот рукавом, поджал под себя ноги и молитвенно начал перебирать четки.

Пока эфенди, с войлочными путами в руке, приближался к биваку, было у него время оглядеть путника: борода черным-черна, как смоль, блестящие глаза и красновато-лиловый нос заправского пьяницы. Лоб немного перекошен из-за шрамов. Но это ничего: надо только чаще брить голову да поглубже напяливать чалму. Хуже то, что хромает: для шейха это большой недостаток.

Мухаммат-Амин подсел рядом, спросил: откуда идет путник по жаре, да еще хромая? И как звать?

— Зовут Абдул-Кадыром. Дома называли Абдулом, да мальчишки почему-то дразнили Кадыром. Так и пристало. А о больной ноге — рассказ особый, длинный, сейчас он ни к месту. Я тороплюсь из Мекки спасти души грешных.

Эфенди прикинул в уме, что такой человек ему пригодится в ауле. И предложил ему закусить на скорую руку. Удивился, что в бумажном свертке нет половины курицы, но виду не подал:

— Отведай, путник!

Абдул-Кадыр замахал руками так, словно отбивался от пчел:

— Не предлагай мне греховное дело! Я не только один месяц оразы, но и большую половину года соблюдаю пост! — Он подобрал полы, будто перешагивая через грязное место на дороге, и отодвинулся от еды.

— Напрасно, Абдул-Кадыр. В долгом пути, даже в дни оразы, есть не грешно! — Мухаммат-Амин стал управляться с ножкой курицы. И подумал: «Если бы я уплел полкурицы, тоже мог бы разыгрывать из себя великого постника! Хорош гусь, — упускать его не следует!» А вслух сказал:

— Я вот думаю, — тебе бы не плохо пожить у нас в ауле, там грешников много. Может, заверну я сейчас к дому, а ты со мною? Или пойдем переночуем в том ауле, что впереди?

— Не откажусь, если надо исправлять сердца заблудших в твоём ауле. А в тот аул, о котором говоришь ты, я ночевать не пойду. Утром я покинул его, а дважды в одном селении показываться не люблю. Лучше остановимся на ночлег у моих друзей: их аул неподалеку, — Абдул-Кадыр махнул рукой на запад, где садилось солнце за лесистой грядой невысоких гор.

Эфенди не возражал. Но ему очень хотелось проверить ученость шейха, и он спросил по-арабски: не помнит ли тот хоть одну красивую легенду из «Истории пророков и царей» Табарни? Абдул-Кадыр долгие годы и не нюхал арабского, только в детстве учил Коран. И ответил по-карачаевски:

— Для теперешних нужд достаточно и горского языка.— Он усмехнулся и провел рукой по бороде.

Эфенди не стал продолжать ученый разговор. Да и время поджимало: надвинулись сумерки. Он потянулся в карман за часами на золотой цепочке. Но их не было. И захлопал себя по груди, словно за пазуху к нему попал горячий уголек.

— Потерял ты совесть, дурной человек! Нашел простака! — сказал эфенди строго. — Мало, что слопал полкурицы, так и грабежом занялся! — Он схватил Абдул-Кадыра за воротник одной рукой, а другой потянулся к кинжалу.

Такое не раз бывало с Абдул-Кадыром. Но сегодня, когда он в зеленом чолпане и белой шелковой чалме, такое обхождение никуда не годилось. Он раньше Мухаммат-Амина выхватил из-за пояса кривой нож. Потом пнул его в живот. Эфенди, хватая руками воздух, повалился навзничь.

Можно было взять коня у этого простака. Однако Абдул-Кадыр одумался вовремя, подал ему руку:

— Подымайся! И больше никогда не произноси глупых слов!

— Ну, и силач же ты, и хитрец, какого я никогда не видывал. Как погляжу, даже хромать перестал! Хочешь дружить со мной, никогда не спрашивай, что я за человек? Говори дело, мне болтать с тобой недосуг. Я тебя спрошу лишь об одном: ты мулла?

— А как ты догадался?

— Ты сразу распознал во мне святого человека, который тебе нужен! Прости, эфенди, что толкнул тебя. Давай, я пожму твою руку, и — в путь-дорогу. Нас ждут большие дела! Ведь наши жернова крутятся в одну сторону!

Абдул-Кадыр снова захромал. Мухаммат-Амин предложил:

— Садись на коня ты. А то подумают люди: куда это я гоню святого? А чолпан и чалму спрячь в хурджин.

Так они и сделали. И угодили в аул после первой звезды, когда положено ужинать.

Коровы с полным выменем торопились к своим телятам, мычавшим во дворах. Кое-где лениво персбrehивались собаки. Женщина, не успевшая засветло сбегать на речку за водой, быстро прошмыгнула, гремя пустыми ведрами на коромысле и взметывая пыль длинным подолом платья.

В домах пылали очаги. Хозяйки доили коров, пекли лепешки, варили баранину. И все это напоминало о еде.

Абдул-Кадыр велел подождать его, сам перемахнул через ветхий плетень и скрылся в доме, где тускло горела керосиновая лампа. Вскоре он вернулся, сказал, что можно переночевать. Привязал коня в темном дворе и указал на дверь:

— Иди в комнату, где горит свет. Иждидайся меня, я буду с минуты на минуту.

Большая комната была почти пустая. Стены оклеены старыми газетами; возле одной стены — ветхая деревянная кровать, к ней прислонен в головах стол, рядом стул без одной ножки. На столе грязная тарелка, невымытый стакан и крошки от гырджына.

Мухаммат-Амин не решился сесть на полочманый стул, брезгливо подошел к кровати, смахнул сор с одеяла и прилег.

Но тотчас же появился с подносом Абдул-Кадыр:

— Ты упрекал меня за полкурицы, я принес тебе три хороших цыпленка. Они возместят твою потерю, ешь на здоровье!

Когда эфенди ужинал, в комнату заглянул какой-то мужчина с кривой губой, наверное, хозяин. Он поклонился и молча скрылся. Следом появился Абдул-Кадыр, с ребенком на руках. Мальчишка сидел молча и забавлялся тем, что брал в рот золотую цепочку от часов эфенди. Тот не отводил глаз от цепочки, но ничего не сказал, вспомнив, как был сбит с ног при неожиданной драке с шейхом.

Абдул-Кадыр одной рукой ловко собрал посуду и уже в дверях бросил с усмешкой:

— Не думай, что это твоя цепочка, таких безделушек много и у других!

Опасаясь за содержимое своих карманов, Мухаммат-Амин решил не спать до утра. Но сон после долгой дороги сморил его. Веки опустились, словно налитые свинцом, и в комнате вскоре раздавался храп.

Сторона Сирот — так горцы называют восток — стала белеть, словно разбавленное молоко. Затем показались багровые облака и медленно стали плыть с востока на запад. Петухи давно возвестили утро.

Эфенди вышел во двор, протирая глаза и переваливаясь с ноги на ногу. Там уже стоял Абдул-Кадыр и смотрел на дорогу, где слышался отдаленный топот коня. Поздоровался с эфенди, спросил, как спалось ему?

— Спал долго и хорошо, уже солнце добралось до аула. Но что-то не вижу серого жеребца.

— Надо будет — найдется. Давай поедим, пора в путь.

Абдул-Кадыр вошел в дом, а эфенди, распахнув кафтан, быстро обежал двор.

— Не вижу коня, — он шагнул через порог. — Что все это значит?

— Опять вопросы? Ну и занудный ты, эфенди! Пешком не пойдешь. И по двору нечего бегать, ты не козел. Садись к столу! — Абдул-Кадыр подал жирные куски вареного мяса, вытащил из кармана бутылку водки, запечатанную сургучом: — Если я по утрам не лью себе в рот эту голубую водичку, начинает болеть сердце. Вино пить нельзя, так говорит пророк, а эту можно. Выпей! — Он налил в невымытый стакан водку до краев и подал эфенди.

Тот никогда не пил водки. Лишь на поминках любил пригубить мед, разбавленный водою, или чашку бозы. И снова пустился в разговоры, не сводя глаз со стакана:

— Пророк наложил запрет на вино, а про водку ничего не говорил. Но мы, эфенди, и ее не пьем, стесняемся темного народа. Когда пророк отправился в путь со своими любимыми друзьями...

Абдул-Кадыр стукнул кулаком по столу:

— Ну и болтун ты! Пей! Другого стакана нет, а у меня уже сосет под ложечкой! — он взял с блюда жирное ребро.

Мухаммат-Амин опрокинул стакан в рот, поморщился, крикнул и стал нарезать мясо, не вытирая мокрых седых усов.

— Где ты нашел с утра такую добрую скотину?

— Ну, помолчи ты, ради аллаха! Скажу, — еще обидишься. Ведь это поросенок! Хотел сделать тебе хорошее застолье, а ба-

ран не попался. Хозяин дома украл для тебя подсвинка у гяура.

— Да чего уж обижаться! Связался с тобой, так грех на грехе. А мясо — вкусное!

После такого завтрака все виделось эфенди, как в предрассветном тумане. Почему-то под навесом, в глубине двора, вместо кыяматовского серого жеребца, понуро стояла каурая кобыла, чуть больше осла, с потертыми боками. Но с богатым седлом Кыямата и с притороченным к нему знакомым полосатым хурджином.

Абдул-Кадыр посадил Мухаммат-Амина, попробовал, крепко ли уселся тот, вставил носки его сапог в стремя:

— Не годится эфенди попадаться на глаза правоверным в пьяном виде, да еще в дни оразы. Так что ты двигай по тропе за огородами, там никто тебя не увидит. На дороге подождешь меня, я обернусь мигом.

Он вывел кобылу за ворота и звонко хлестнул ее хворостиной.

Эфенди сильно качнулся, но из седла не выпал. Он сумел даже оглянуться и помахать рукой своему новому другу...

Никто еще из аульчан не видел Абдул-Кадыра. Он приехал с эфенди ночью и поселился у него в летней пристройке, по соседству с мечетью.

С того дня, как он появился, началась новая полоса в жизни аула. Неожиданно прошел дождь. Он лил три дня. Затем выглянуло почти по-летнему жаркое солнце. Трава зазеленела на глинобитных крышах, пропала

желтизна на лугах. И народ бросился убирать сено.

Правоверные считали, что все дело в горячих молитвах эфенди, и прислали ему с десятка ягнят. Одного из них уже зарезали, остальные беспокойно бегали во дворе Мухаммат-Амина, нюхали кровь на земле и жалобно блеяли.

Но никто не обращал на них внимания. Соседский старик грелся на солнце, шуря слепые глаза. Соседка покрикивала на детей, озоровавших на огороде. Девушки возвращались от колодца с полными ведрами на коромысле. Где-то кричал осел: с его спины только что сбросили тяжелую вязанку дров.

Все было, как всегда. Необычным был лишь прием в доме Мухаммат-Амина. За окнами, задернутыми занавесками, сидел за столом хозяин, напротив него — Кыямат. На почетном месте восседал Абдул-Кадыр.

Они только что расправились с ягненком и, откинувшись на спинки стульев, чистили острыми палочками зубы от застрявшего в них мяса. Жена эфенди — молчаливая сидящая женщина в черном платье и мягких чувяках — неслышно принесла чай, выставила свежий мед в фарфоровой пиале и скрылась на кухне.

Мужчины молча, чинно отведали чаю с медом, и Кыямат, откашлявшись, повел беседу.

Шейх — новый человек в ауле, но эфенди успел рассказать ему, что в последнее время, когда стал захаживать к голоштанному Те-мурке один гяур с рудника, начал портиться нрав аульчан, особенно молодых. И у нас появилась мысль — не очистить ли их ржавую-

щие сердца торжественными религиозными делами.

— Сегодня ночью ты должен показать свою святость, — обратился он к Абдул-Кадыру. — У нас много темных людей, но к святым они относятся с большим почтением. Ты уж старайся, мы не оставим тебя без милости. С вечера начнется намаз по случаю окончания оразы. Эти тырафы — отличное время для тебя. Будешь джигитом, имя твое прославится во всем Карачае.

Абдул-Кадыр любил в таких делах договариваться о вознаграждении поточнее.

— Я-то все устрою. И ваш аул увидит святого, какой им и не снился. А какая мне выгода?

— Говорю: мы тебя обрадуем, не сомневайся! — сказал Кыямат, а Мухаммат-Амин согласно кивнул.

— Не привык я принимать на веру обещания. Клади на стол «катеринку» для первого раза. Люди часто использовали мои способности, а вместо платы за труд совали головой в огонь.

— С собою у меня нет таких денег, подожди, завтра получишь непременно, — заверил Кыямат.

— Поверю еще раз. А схитрите, — выведу вас на чистую воду. Да так, что придется вам бежать из аула.

Абдул-Кадыр достал из кармана кусочек соли и ловко бросил его в рот, как семечко тыквы.

— Нынче я весь день проведу в мечети, там надо кое-что смастерить. Одному не управиться, нужен достойный помощник.

Эфенди вспомнил, как бушевал Кыямат, у которого пропал бесследно серый жеребец.

— Отправь к шейху Кандаура, — самый подходящий человек. И побыстрее, время бежит, — он глянул на настенные часы и надел чалму. — Нам надо в мечеть.

Абдул-Кадыр осклабился:

— Люди вы хитрые, неглупые, а ведете себя как дети. У вас губы смазаны жиром барашка и блестят как начищенный медный таз. Я положил в рот кусок соли, и у меня на языке и на губах сухо, словно я хорошо постился не один день.

— Будь здоров, научил уму-разуму! — Кыямат вытер губы рукавом черкески, эфенди воспользовался носовым платком.

Весь день Абдул-Кадыр что-то мастерил в запертой мечети, прилаживая легкую лестницу, опробовал на прочность пеньковый канат, который Кандаур закрепил на крыше и опустил в отверстие до минбара, где в часы молитвы читал Коран и говорил проповеди мулла. Затем натер свой чолпан фосфором от спичек и положил в нишу, ярко освещенную солнцем. Ночью он должен был светиться тусклым зеленым огнем.

Поздним вечером, ко времени торжественной тырафы, мечеть была полна. С площадки минбара, куда вели семь ступеней, эфенди с большим подъемом читал проповедь. Две сальных свечи, толщиной в руку, разбрасывали неяркий свет, но помогали проповеднику видеть текст в толстой, запыленной книге, куда он изредка заглядывал.

Эфенди потрясал руками, покачивал голову справа налево. И все укорял правовер-

ных в нерадивости. Он говорил: народ в ауле стал плохой. Обряды исполняет недобросовестно. Часто не прислушивается к советам людей, поставленных во главе аула. Потому-то аллах так долго не посылал дождя: он рассердился и едва не сжег посевы и сенокосы. Многие стали завидовать богатым и достойным людям, у кого есть земли, скот и деньги. А это — противно воле аллаха. Недаром в Коране говорится о подобных случаях. Когда в одном из аулов правоверные перестали подчиняться своим эфенди, шейхам и людям, избранным аллахом, стали самоуправничать, избегать совершения намазов и не соблюдать оразу, в их аул сначала потекли с гор ручьи крови, а затем пошел дождь, состоящий из пауков!

Последние слова Мухаммат-Амин произнес очень громко, строго. Один из стариков, что сидел в первом ряду, почесал за воротом, словно и вправду забрался туда паук.

А эфенди долбил и долбил, как дятел:

— Дела у вас на этом свете не будут радостными, если вы забудете о предупреждениях пророка. Видя, что в нашем ауле нашлись люди, которые завели дружбу с гяурами, я, боясь гнева аллаха, начал поститься за день до оразы и не оставлю поста после нынешней тырафы, творя молитвы до рассвета. Аллах услышал меня, — послал дождь. Судя по тому сну, что я видел вчера после ночного намаза, аллах и дальше снизошел к моим молитвам. Нынче, в ночь тырафы, душа пророка ходит по свету и иногда является правоверным в образе святого. Помолимся об этом чудесном явлении, воздадим здравицу пророку!

Он велел муэдзину погасить свечи и в кромешной тьме, по складам — четко и громко — стал произносить слова молитвы. Люди, разноголосно, вторили ему, и в мечети стало шумно, как в растревоженном улье.

Вдруг что-то зелено-светящееся повисло над головами правоверных под крышей мечети, и оттуда послышалось восклицание: «Аллах! Аллах!»

Те, кто был ближе к двери, кинулись в испуге наружу. Молитва оборвалась, началась толчея, давка.

Мухаммат-Амин крикнул в иступлении:
— Слава аллаху! С могилы пророка явился святой! Закройте глаза, читайте здравицу пророку!

Подхлестнутые воплем эфенди, люди стали выкрикивать слова молитвы, закрыв глаза. А когда эфенди замолк, все открыли глаза и при свете зажженных свечей, рядом с эфенди, увидали человека в зеленом одеянии и белой шелковой чалме. Он пристально оглядывал молящихся бездонными черными глазами и молитвенно оглаживал бороду.

— Мубарекле¹, — сказал он, воздев руки к небу. — Я сегодня утром отслужил молитву в Медине и прибыл к вам дать наставление аллаха. Всю ночь совершайте особо торжественный намаз. А я, неся в сердце вашу молитву, сейчас отправлюсь к могиле пророка. Передам вашу здравицу, справлю намаз и завтра вернусь сюда. Среди вас есть один очень религиозный человек, он будет моим спутником.

¹ Люди, почитающие религию.

«Святой» спустился по ступенькам минбара и взял за руку Кандаура, который у дверей мечети истово молился с закрытыми глазами.

— Начинайте тырафу, эфенди! — Абдул-Кадыр взмахнул четками и вышел из мечети, таща за собой спутника...

Но даже эти ослепительные действия не сбили с толку самых молодых и бойких. Батал толкнул в бок Бийнегера:

— Если до самой Медины будет бежать косолапый Кандаур за святым, здорово заекает у него селезенка! — И чтобы сдержать смех, крепко ухватился зубами за рукав черкески.

А «святой» тем временем отчитывал Кандаура возле высокого забора за домом эфенди на краю оврага:

— Ты чурбан! Едва не опустил меня на старика! Я бы сломал ему шею! Сколько тебе говорил: после моих слов: «Аллах! Аллах!» — подтягивай меня канатом к лестнице минбара! Если еще так сделаешь, я тебе покажу «могилу пророка» на дне этого оврага, куда ты полетишь вверх ногами от моего пинка! А теперь иди домой, до утра не показывайся.

Мухаммат-Амин и начитался, и наговорился, и намолился, как никогда раньше. Лишь перед рассветом уставшие, и даже счастливые, правоверные повалили гулкой толпой из мечети.

Самые древние старики окружили Кыямата и проводили его до дома, говоря, что ему выпало счастье — святой увел его сына в паломничество. И просили, чтобы и их детям досталась хоть крупица такого счастья.

По-другому рассуждали молодые друзья, подходя к дому Токала.

— Чернобородому шейху надо бежать быстрее белолобого коня Батала. Могила пророка далеко. Да и надо тащить Кандаура. До завтрашнего вечера ему никак не обернуться, — сказал Касым.

Вставил слово Бийнегер:

— Косил я два лета сено у Кыямата, а ничего святого у Кандаура не видел: хам, и — все! Никак не пойму, почему шейх выбрал его? Иное дело, если бы он увел нашего правверного Токала, ха-ха-ха!

Токал вспылил:

— А что? Вы ходите по земле, не помня ни людей, ни аллаха. Я не такой. Может, и не больно умен, так хоть слушаюсь старших аула. И исправно молюсь аллаху. — Он подтянул штаны и шагнул к воротам.

Бийнегер удивился красноречию Токала:

— Еще бы! Дадут тебе помыть уборную Кыямата, другой милости и не надо. А когда пузан пойдет туда, ты понесешь за ним кумган. Да налей воды побольше, зад у него широкий. Торопись к Кыямату, там тебе перепадет что-нибудь, лизоблюд!

Токал еще не успел закрыть ворота, когда ему крикнул Касым:

— Мало я поддал тебе в ту ночь, когда «горел» твой дом! Начнешь болтать о нашем разговоре, отделаю так, что и твоя усатая мать не узнает своего сына!

Токал хлопнул дверью, Батал прошептал:

— Мы стали встречаться с русским, не надо брать с собой Токала, — он продаст нас Кыямату.

— Да кто его берет? — бросил Касым. — Он сам цепляется, как репей к барану! А если сболтнет, я вместе с Баталом разукрашу его морду!

Бийнегер сказал:

— Все правильно! Послушаем днем, какой рассказ о шейхе-фокуснике разнесут люди по аулу. Светает, друзья, пора и на боковую. У кого есть дом, — тот домой шажком, а у кого нет дома, тот — кувырком! — Он прошелся на руках, как в детстве, и сделал красивый курбет...

Возврат Темурки и Семена

После ухода «шейха» в Медину, в полдень неожиданно появились Темурка с Семеном.

Никого не надо было оповещать о возвращении Темуркана: новость разнеслась, как на хвосте у быстрокрылой ласточки. И вскоре сидели вокруг очага у Темурки Бийнегер, Батал и Касым.

Горящая искра упала на штаны Темурки. Он вздрогнул, — по старым понятиям это была недобрая примета. Но он тотчас же забыл о ней.

Мёলেখан не скрывала радости: муж вернулся целехонький, принес хлеб, немного денег. И она вертелась как юла, стуча посудой, — готовила угощение для гостей. Завела мамалыгу, повесила над огнем котел на цепи. И пока варилась каша, отрезала половину каравая, разделила на доли. Потом положила на деревянную тарелку, прикрыла фартуком и побежала угощать голодных своих соседей.

Семен это оценил: у самих — шаром по-

кати, а всегда думают о людях, с которыми всю жизнь делят горе. И опечаленный тем, что так бедно живет его друг, дымил и дымил махоркой, молча склонился над очагом, поправляя дрова, и что-то рисовал в золе тяжелыми щипцами.

Темурка тем временем рассказывал:

— Видать, кончилась моя каторга на руднике, в темной и мокрой пещере. Хозяйка уволила Семена и пятерых его товарищей, я ушел сам. Конечно, и дома не сладко, а там и того хуже: с киркой в руках от зари до зари, по колено в воде. Я бы не вынес ту жизнь, если б не было рядом Семена. Не встречал я таких людей раньше, он был мне и за отца, и за мать. И хоть другая у него кровь, и вера не наша, а такой мусульманин, как Кыямат, даже недостойн его подметки!

Каша вскипела. Семен отодвинул в сторону дрова, чтобы уменьшить огонь, и старательно вслушивался в карачаевские слова Темуркана, но смысла речи не угадывал.

А Темуркан вел речь дальше:

— Вы не думайте, что все русские одинаковы. Одно дело прустоп, стражник и хозяйка рудника и все ее служающие — с медными пуговицами. Среди них много Кыяматов, словно они выскочили из ноздрей нашего богача: так они похожи один на другого. Иное дело — рабочие, они наши друзья и ненавидят своих Кыяматов, как мы нашего. Ко мне относились с душой, не давали в обиду. Как я заблуждался, когда ненавидел всех людей в русских картузах! Дурак был, ей-право! А теперь понял русских рабочих: все они товарищи, своего соседа по работе не оставляют в

беде, кидаются ему на помощь, как родному. Одним словом, — выручают. Ничего не боятся. И вся сила их в том, что действуют сообща.

Семен снял котел с огня:

— Каша готова!

Темуркан постучал ложкой по краю котла, и все, обжигаясь и дуя на горячее варево, принялись есть.

Когда поели и повесили над огнем железный чайник, Темурка захотел показать друзьям, что он уже многое научился понимать по-русски, и сказал несколько слов Семену, тот кивнул.

— Я старый человек и не смог все объяснить вам, как надо. Семен хочет поговорить с вами. Я не больно-то хорошо знаю русский язык, но главное перескажу.

Семен говорил долго. Он повторил те слова, которые сказал Темурке на руднике, когда тот признался, что боится всех русских. И обстоятельно разъяснил, как и почему возникла забастовка, как налетели на рабочих унтеры и началась драка на хозяйкином дворе. Он особенно напирал на одну мысль — надо объединять силы бедняков против богатеев: один в поле не воин, а сообща можно свернуть любую скалу.

Не все поняли друзья из перевода Темурки. Но то, что поняли, запало им в душу. И Бийнегер обратился к Семену с вопросом:

— Не грешно ли забирать чужое добро? Наш эфенди грозитя карой аллаха, если мы польстимся на скот и земли Кыямата и других богачей. Мол, так всегда было и будет.

— Какой смысл спрашивать пустое? —

вмешался Касым. — Семен не знает твоей веры, откуда ему знать, что грешно? Узнать бы, Темуркан, как нам покончить с прустопом, с Биймурзой? Они хотят поймать нашего лучшего друга Канамата. Слава аллаху, — он еще не попал к ним в руки!

— Не то ты болтаешь, — буркнул Батал. — Я верю каждому слову Семена: надо свернуть шею богачам, а прустоп убежит сам, когда мы победим. У меня нет свободной земли даже для уборной, а у Кыямата — половина сенокосов всего аула, и скота столько, что нам не съесть его до конца жизни. Землю и воду надо разделить по справедливости!

— Попробуй сунься! Он так огреет, что забудешь, как тебя звать! — подал голос Бийнегер. — Да и люди сразу не пойдут за нами, им надо долго объяснять про то, о чем говорит Семен...

Разгорелся жаркий спор. А тем временем три их врага сидели в комнате у Мухаммат-Амина и строили свои планы.

— Начало хорошее, слов нет, — пробасил Кыямат, с восторгом поглядывая на Абдул-Кадыра. — Похоже на фокус, но картинно. Вот твоя «катеринка», — он протянул «шейху» сторублевую бумажку с портретом Екатерины Второй. — Продолжай свои чудеса!

— Я-то все сделаю, а ты вбей в башку Кандаура, что надо работать чище.

Эфенди поддержал «шейха»:

— Больше всего надо бояться подвоха. Увидят люди, что дело у нас шито белыми нитками — все пропало. А Кандауру мы скажем, он подучится. Ты ведь тоже не святым родился? Да еще таким фокусником!

Абдул-Кадыр прошелся по комнате, увидал на улице чернобровую, белолицую девушку, шедшую по воду.

— Чей это «ангел»?

— Это Файруза. Сирота. Отец ее недавно умер от тифа. Хорошая, скромная девушка. Не надо так пялить на нее глаза, — оборвал его эфенди.

Кыямат был занят своими мыслями:

— Пока мы тут разговариваем, у Темурки объявился другой «святой», из русских. Тот-кал мне говорил, что как бы тот «святой» не одолел нашего. Напирайте на Коран, где сказано, что нельзя поднимать руку на чужую собственность. А то у нас появились такие голодранцы, что упаси аллах! Они, как голодные зимние волки, скрежеща зубами, готовятся напасть на людей, имеющих достаток.

— Это ты говори эфенди. Я не произношу проповедей, а занимаюсь чудесами. И — женщинами, — лукаво усмехнулся Абдул-Кадыр. — Ваши женщины немного в стороне от религии. Их надо приблизить к аллаху!

— Разговор перебил Кандаур. Он вошел и подал «шейху» бумажный сверток.

— Почему нашел так мало спичек с фосфорными головками? Святой святым, а голыми руками я ничего не сделаю. Попроси жену эфенди, пусть она поищет, а заодно купит и флакон духов. Вечером, когда все утихомирятся, вылей духи на могилу отца Файрузы, а вокруг раскидай головки от спичек. Могила будет светиться и источать аромат. Только вытри руки землей, иначе от них будет исходить свет. Все, я пошел готовиться к выходу.

Когда замолкли его шаги, Кыямат спросил:

— Где ты раздобыл такое богатство? Хана

Эфенди вспомнил о пропавших часах с цепочкой: 143

— Нашел на опушке буковой рощи, далеко за рудником. Между прочим, когда он сядет рядом с тобой, берегай карманы, — у него очень длинные и цепкие руки!..

А в убогом домишке Темуркана разговоры не умолкали. Батал говорил о Токале:

— Такой бедняга, как Токал, не только не отберет землю у Кыямата, но и отдаст свою облезлую шубу, если тот согласится ее взять.

Наконец Касым сказал:

— Пора пойти посмотреть и на чудо. Наверное, «святой» Кандаур на подходе.

— Кто такого кровопийцу сделал святым? — спросил Темуркан.

— Он стал избранником во время тырафы. Мы были в мечети, к нам спустился с крыши святой человек из Медины, весь в зеленом огне. Он выбрал Кандаура и увел его к могиле пророка.

В этот миг шагнул через порог Ибрахим. Он незаметно положил хурджин у двери и уселся, чтоб не мешать беседе. Когда же Бийнегер закончил рассказ о святом Кандауре, вышел к очагу, держа в руке окровавленную свирель Хамита.

— Кандаур не святой, он — змей! — крикнул Ибрахим. — Он зарезал в лесу Хамита. — Плача, он рассказал о смерти чабана, отдал отцу свирель и скрылся за перегорожкой.

Все застыли: словно на их глазах вылили в горящий очаг ведро воды.

Семен не все понял из рассказа Ибрахима и спросил: что случилось, почему плачет мальчик?

Темуркан кое-как объяснил ему. Семен вскочил с горящими глазами:

— Вот вам еще доказательство, кто такие богачи. Мало того, что пять лет сидели на шее у батрака, так зарезали как барана, лишь бы не платить ему за труд! Можно ли терпеть такое? Нет!

В спешке вошла в дом Мёлехан и выпалила:

— Весь аул, от малого до старого, ринулся с молитвами встречать святого!

Батал убежал первым. За ним двинулись к двери друзья. Толпа во главе с Мухаммат-Амином и Кыяматом, иступленно крича: «Аллах! Аллах!» — быстро двигалась к богарным сенокосам.

— Что они? С ума спятили? — Семен тронул Темурку за рукав.

— Пойдем поглядим на святого. Только в русской одежде нельзя: правоверные разорвут тебя на куски. Бийнегер, принеси Семену старый бешмет и шапку...

Темуркан и Семен немного задержались. Они пришли к сенокосным угольям, когда муэдзин уже перестал кричать с мечети, возвещая правоверным об окончании поста.

Возбужденная толпа полукругом рассаживалась на широком пространстве луга, где хорошо зеленела третья, предзимняя отава.

На почетном месте сидел Кыямат. Рядом с

ним старшина Биймурза — с бледным лицом после ранения. Трое стражников находились неподалеку от него. Один из них держал золоченую саблю старшины.

Но люди не спускали глаз с эфенди и со «святого», которые готовились начать моление. Дети бесцеремонно подбегали к «шейху». Однако, поймав укоризненный взгляд Кыямата, державшего в руке палку с набалдашником, снова прятались среди верующих.

Семен, Темурка и Бийнегер уселись позади всех, возле невысокой каменной ограды, за которой сутились поварихи возле больших казанов с бараниной. Там же — как гигантские бабочки — белели полотенца, прикрывая хычины, присланные из богатых домов.

Женщины, сбившись кучкой, оживленно перешептывались. Жена Мухаммат-Амина, в легкой меховой шубке, отороченной узором, шитыми золотой ниткой, умиленно сложила руки:

— Хорошо бы стать такой святой, как шейх. Лицо его излучает свет. Вот уж счастье нашему аулу, что он появился.

— Не знаю, какой он святой, — ответила ей женщина в стареньком ситцевом платье и в самотканой шерстяной кофте. — Только на девушек глядит нехорошо: Недавно повстречалась с ним Файруза, так я подумала, что он проглотит ее!

— Так уж и умирает он по твоей Файрузе! — скривилась жена муллы. — Шейх — человек религиозный, у него нет грязных мыслей. Сколько дней он у нас в доме, так на женщин и не глядит. Из-за его молитвы Кандаур стал святым. Сегодня он вернется из

Медины, и душа пророка явится приветствовать народ.

Женщина в ситцевом платье украдкой подмигнула своим бедно одетым подругам:

— Тебе-то хорошо, у тебя муж эфенди. А нам плохо придется: если Кандаур сделался святым, то уж нас и подавно надо взять на небо. А мы туда не торопимся, у нас и дома есть дела! — Она пошла к аулу, три подруги двинулись за нею.

Темуркан увидел Токала. Он держал на плече бархатный ковер и все толкался возле Кыамата, но богач осаживал его назад. Токал положил ковер на траву и стал крутиться возле старшины. Это не сулило добра. И Темуркан порывался встать, схватить Токала за руку, пока тот не наболтал лишнего. Но побоялся оставить Семена с Бийнегером.

Наконец все приготовления к намазу были закончены. «Святой», подстелив под себя бархатный ковер и поджав ноги калачиком, начал раскачиваться на месте, наклоня голову то вправо, то влево. И, в наступившей могильной тишине, громко произнес:

— Аллах! Аллах!

Эфенди, стоя во весь рост, распростер руки, высоко задрал сивую бороду:

— Правоверные! Этот святой человек прибыл к нам из Медины. Из-за симпатии к нему нас посетит нынче душа пророка. Ее вестником будет Кандаур, ошастливленный молитвой шейха. Он немного задержался в пути, возвращаясь после намаза на могиле пророка. Не щадя сил, воздадим молитву пророку! — Эфенди подошел к Абдул-Кадыру и сел рядом с ним.

«Шейх» затрясся в молитвенном экстазе и с закрытыми глазами стал класть поклоны до земли. Когда все правоверные принялись исто- тово молиться, из-за бугра, где кончались лу- га, показалась ослепительно белая фигура. Человек почти летел над землей, крича во все горло: «Аллах! Аллах!» — добежал до «свя- того» и упал перед ним почти без чувств.

Народ вскочил и столпился над лежащим Кандауром. Старшина и стражники броси- лись наводить порядок, оттесняя правовер- ных. Абдул-Кадыр нагнулся к своему помощ- нику и шепнул:

— Не валяйся, как мешок с шерстью, встань на колени и молись! — Потом вскочил, раскинул руки и сказал проникновенно: — Вижу тебя, душа пророка! Ассалам алей- кум! — И трижды обнял воздух.

Абдул-Кадыр был отличный артист. Но в этой сцене он явно «перенграл». Многим не понравилось, что они так и не увидели душу пророка. И, перестав молиться, потянулись к казанам, откуда исходил дразнящий запах вареной баранины.

Старшина сообразил, что ему никак не уп- равиться с такой массой правоверных, на- рушивших течение намаза, и что-то сказал эфенди.

Мухаммат-Амин моментально оценил об- становку:

— Правоверные! Мы смываем молитвой наши грехи, пытаемся снять ржавчину с на- ших сердец. А некоторые — в такой святой день! — привели сюда гяура. Потому и не показалась нам душа пророка! Святой очень опечален этим! Гяура и приведшего его му-

сультанина надо изгнать! — Он показал на задний ряд, где сидели Семен и Темурка.

Люди загудели — громко, гневно. Бийнегер решил отвести удар, поднялся и вышел вперед:

— Слушайте, правоверные! Третьего дня Кандаур убил в лесу своего батрака Хамита. Как же это убийца может быть святым? Из-за Кандаура не открылась нам душа пророка! — Бийнегер вновь прошел сквозь толпу, потерявшую дар речи, и встал рядом с Семеном.

— Мусульмане! — завопил эфенди. — Среди нас затесались гяуры, они осквернили молитву, топчите их ногами!

Но народ не кинулся на расправу. Он толкался на одном месте, как на обмолоте, не знал, кому верить.

Этим и воспользовался Семен. Вскочил на каменную ограду и крикнул по-карачаевски.

— Товарищи! Не давайте себя обманывать! Шейх — мошенник, Кандаур — убийца! — Пока он подбирал еще слова, Кыямат, с трясущейся от гнева бородой, что-то сказал Токалу, показывая на Семена. Не успел Семен произнести и трех фраз, в него полетел камень. На лбу показалась кровь. Темурка и Бийнегер подхватили раненого под руки. Касым подскочил к Токалу, со всего размаха ударил его в лицо. И — началось!

В толчее, криках и драке не все поняли, что произошло дальше. Только кончилась вся эта история печально: Семена, Темурку и Бийнегера стражники повели в аул с разорванной одеждой, с разбитыми в кровь лицами.

Никто, кроме Ибрахима, Батала и Касыма, не осмелился проводить арестованных...

Пришла осень — теплая, ласковая. Днем не стало жары, а ночью и утром немного прихоложивало. Все аульчане начали доставать из сундуков теплые вещи, поглядывая на вершины гор, уже закрытые снегом.

День был обычный. Безрогая серая корова вышла во двор погреться на солнце. От ее копыт, намокших в стойле ночью, поднимался легкий парок. Парень в черкеске вывел во двор коня. Старательно тер его щеткой, потом пучком соломы. И улыбался, обнимая коня за шею, целуя его в теплую морду. Видно, что любил он своего коня: прохаживался от головы до хвоста, пристально глядел, нет ли грязи на его шерсти. И снова тер место, где обнаруживал хоть одну пылинку.

Где-то кричал голодный осел. Где-то кудахтали куры, кукарекал петух. Где-то плакал ребенок. Крик его заглушали удары топора: кто-то рубил дрова, чтобы разжечь очаг.

Посреди дороги, ведущей к колодцу, две женщины с пустыми ведрами на коромыслах говорили про Файрузу.

— Она понесла от шейха, — женщина поставила ведра к ноге, одернула черное платье и поправила платок, завязанный наспех. — Только пусть эти слова останутся при тебе.

Ее собеседница, без двух передних зубов, поняла, что беседа затянется. Она тоже поставила ведра, собрала губы в наперсток:

— А я и не знала! Святой в моей горнице собирал женщин, читал им молитвы. Много женщин и девушек с окрестных улиц запирались со святым, гасили свет, читали молитвы

хором. Но ничего безобразного не было, только Файруза выходила иногда с растрепанной косой. Ай-яй-яй! Никому и в голову не приходило, что во время молитвы могут твориться грязные дела!

Женщина в черном платье без удовольствия слушала этот рассказ. Ей самой хотелось поразить собеседницу потрясающей новостью:

— Как только святой зачастил на могилу отца Файрузы, где по ночам светился зеленый огонь и исходили райские запахи, я сразу сообразила, что дело нечисто. Да и сам святой не скрывал этого: он две недели жил у Файрузы. А когда понял, что девушка понесла, снова вернулся к эфенди. Братья Файрузы батрачат на коше, ничего не знают, они бы хорошо дали и бабнику-шейху, и сестричке!

Женщина без двух передних зубов наступила собеседнице на ногу: мимо них проходила к колодцу Файруза. Сплетницы забыли про колодец и понеслись в разные концы улицы разносить эту весть дальше.

То ли слышала девушка обрывок их разговора, то ли догадалась, что злословили о ней, только она быстро наполнила ведра, вернулась домой и слегла в постель.

Мать подошла к ней, спросила тревожно:

— Что с тобой, доченька? Опять лихорадит? — и набросила на нее овчину.

А сплетницы уже добились своего: постыдная новость про Файрузу разнеслась по аулу, как огонь при весеннем ветре в сухом камыше. Да и что с них взять? Ничего они не видели, кроме очага и дороги к колодцу. Не дай им посудачить, потеряет язык горчицей, — они и за людей себя не посчитают!..

Новость быстро долетела до эфенди. И он позвал к себе Кыямата и Абдул-Кадыра. Сказал, обращаясь к богачу:

— Пусть на тебя и на меня не падет сердитый взгляд аллаха! Девушки, которым Абдул-Кадыр читал молитвенные наставления, вели себя недостойно, а одна из них через полгода будет рожать. Хотел бы я знать, что об этом думает виновник?

Абдул-Кадыр сверкнул глазами из-под черных, нависших бровей:

— Ни одной из женщин аула я не причинил зла. Разве не знает эфенди, что там, где идет молитва, да за закрытой дверью в темной комнате, иногда спускаются с неба ангелы? Если не они тому причиной, то мне ничего неизвестно: я чист, как вымытая луковича!

Кыямат усмехнулся в усы:

— Не спорь с ним, Мухаммат-Амин, ты его не перетянешь. Скажи, что делать с Файрузой, пока молва идет только о ней. Абдул-Кадыр вольный человек, он завтра может уйти в другой аул, а мы останемся здесь. Вижу, ты заготовил талисманы, — он указал на листки, которые лежали на книге. — Какой от них толк? Греха они не скроют.

Эфенди пропустил мимо ушей слова о талисманах и обратился к «шейху»:

— Чего сваливать на ангелов, когда ты сам хороший бычок. О них никто и не помнит, говорят только о тебе. Скажи, что делать?

Абдул-Кадыр решил позлить эфенди:

— Сказ об ангелах придумали такие, как ты. Я еще с детских лет помню, как похожий

на тебя мулла рассказывал: «приличная» женщина забеременела от ангела, который «погладил ее по спине». И от этого родился пророк. А почему ангел не может пошалить здесь, при таком свежем, горном воздухе?

— То было в Писании, — смягчил тон эфенди. — А если родит ребенка Файруза, нам троим здесь станет тесно.

— Мне-то все равно, погладил ангел или наш святой постарался, — заметил Кыямат. — Но нельзя забывать народную сказку: корова под быка становится тайно, а телится открыто. Мать Файрузы родила семь сыновей и одну дочь. И Файруза может удивить нас двойней. Болтать нечего: надо что-то делать.

— Придется! — вздохнул эфенди.

— Плохо, что в вашем ауле нельзя народиться пророку, — сказал Абдул-Кадыр. — Я скоро уйду. А Файрузе надо дать снадобье. — Он достал из кармана пузырек с желтым порошком, подал его эфенди: — Придется немного всыпать ей в стакан с водой. Я однажды дал это выпить одному типу, но перестарался. Так тот мигом протянул ноги.

Эфенди спрятал пузырек в карман, крикнул жене:

— До вечернего намаза я должен провести больную. Неси нам поесть!

И, как ни в чем не бывало, три злодея приступили к обильной трапезе...

В очаге у Файрузы догорели дрова. Старая черная кошка, свернувшись комочком и мурлыча, улеглась на остывшей золе. В трехпалом светце дотлевали две длинные сосновые лучины, капая смолой.

Мать Файрузы, чутко подремывая у постели дочери, зажгла новые лучины. И с тоской поглядела на бледное лицо любимицы.

Файруза вовсе не испытывала какой-либо болезни, что могла бы ее приковать к постели на целый день. Но у нее было мучительно тяжело на сердце. И особенно страдала она от видений, как только засыпала. То возникал перед ней обольстительно ласковый Абдул-Кадыр — чернобородый, острый на язык. Теперь он отшатнулся. И у ее ребенка не будет отца. А живое существо уже изредка напоминает о себе: помалу шевелится где-то внутри, и от его движений становится тошнотно.

Но самым отвратительным было видение двух сплетниц у колодца. Она порывалась бежать от них, но беззубая хватала ее за полы шубки, смеялась в лицо и зазывала людей поглядеть на гулящую девку.

Казалось, нет больше сил терпеть такое. И Файруза встала. Боясь потревожить уснувшую мать, она босиком прошла до двери и только в сенях надела туфли. Но и на улице, ярко освещенной луною, видения не пропали. Какой-то чернобородый, без передних зубов, сидел на заборе и хохотал, бросая под ноги Файрузе сосновые ветки, как на похоронах. По крыше сарая бегала беззубая ведьма, подхихикивая чернобородому.

— Я схожу с ума, не жить мне! — сказала себе Файруза и побежала к Кубани.

Струи воды, натываясь на камни, бурлили и пенились. В водовороте, куда падала тень от моста, дрожал и качался силуэт Файрузы. Сердце билось так сильно, что перехватывало дыхание.

Прощаясь с жизнью, Файруза сбросила шубку и в последний раз глянула на быструю холодную воду. Но и там уже плескалась и показывала ей язык беззубая сплетница.

Зябко поеживаясь, Файруза подняла шубку и пошла домой. Села на постель. Прижала рукой готовое вырваться сердце и прошептала:

— Мамочка! Где мне скрыться от этой нечести? — И с последней надеждой взглянула на старый, черный кинжал деда, что висел на стене: — Не в нем ли мое спасение?.. Нет, не могу на себя наложить руки!..

Но в этот миг послышался стук в дверь. Файруза юркнула под одеяло, мать пошла открывать:

— Входи, входи, эфенди! Пусть твоя болезнь перейдет ко мне!

Эфенди поклонился матери, подошел к постели и замер, как тень от памятника в лунную ночь.

— Я услышал про твою болезнь, — тихо сказал он. — Написал дуа — этот амулет изгоняет болезни. Читай его перед каждым намазом. И надо бы тебе выпить воды, над которой я сейчас совершу молитву. Завтра я приду, и ты уже будешь здорова. — Он взял стакан с водой, отвернулся в темный угол и, громко шепча молитву, трясущимися руками высыпал в воду желтый порошок.

Файруза выпила и скривилась.

— Не надо так морщиться от священной воды: аллах может рассердиться.

Он попрощался с Файрузой. А ее матери сказал в сенях:

— Очень боюсь за твою дочь, ей сильно

повредил шайтан. Приглядывай за нею, аллах с тобой!

Не успел эфенди дойти до дома, как Файруза стала корчиться:

— Мама! Я умираю! Огнем все горит в груди!

Мать склонилась над дочерью, крупные слезы падали на ее лицо:

— Не говори так! Смерть не караулит тебя! Нет!

Белой пеной покрылись посиневшие губы Файрузы. Словно ножом по сердцу, жалобно, противно завывала во дворе собака. Мать пошла прогнать ее. А когда вернулась, Файруза забылась сном. Но слишком ядовит был желтый порошок «шейха». Да и мулла переборщил, когда при тусклом свете лучины сыпал снадобье в стакан. И через три дня Файруза отдала душу аллаху в страшных мучениях...

Хорошили ее в теплый осенний день.

На кладбище было тесно: собрались стар и млад. Скворец, едва слышно подавая голос, расположился неподалеку, в кусте шиповника. Эфенди опустил на корточки в изголовье Файрузы, начал отпевание, едва не плача. Двое братьев, с полотенцами вместо поясов, поддерживали мать, потерявшую силы от горя, и с тоской глядели на могилу опухшими от слез глазами.

Муэдзин принес кумганы с водой, поставил их с двух сторон у изголовья Файрузы и уселся рядом с эфенди, помогая ему читать отходную.

Абдул-Кадыр — в зеленом чолпане и ослепительно белой чалме — сидел среди хаджии — почтенных религиозных стариков. Он

перебирал четки, изредка дергал плечами и очень громко произносил:

— Аллах! Аллах!

Перед тем как опустить в могильную яму тело Файрузы, один из братьев положил возле эфенди башлык с серебряными монетами. Другой достал из-за пазухи тяжелый сверток и подал «шейху»:

— Не забудь, святой отец, бедное дитя в своих молитвах!

На все это святотатство даже Эльбрус не мог смотреть спокойно. И, как черным башлыком, затянул свою сверкающую вершину мрачной тучей.

Бросили первые комья земли в могилу. Зарыдала мать. Скворец испугался и улетел. Абдул-Кадыр, с отвисающими от серебра карманами зеленого чолпана, отвязал осла и повел его к воротам кладбища, мысленно прощаясь с аулом, где нашлось так много проstackов. Дорогу ему пересек Касым:

— Ты, сучий сын, сгинь с наших глаз! Принесешь нам еще горе, я отрежу тебе голову! Клянусь аллахом! — и замахнулся лопатой.

Абдул-Кадыр в страхе попятился.

С того часа в ауле его не видели...

ЗАКОН И ШАРИАТ

Ибрахим в старой, латаной черкеске после обеда вышел из дому. Больше всего он опасался, что его остановят мальчишки или начнут приставать с вопросами старшие. А он никого не хотел видеть: у него была своя цель, о которой другим знать не положено, — добраться до Канамата.

Огородами он выбрался из аула по верхней тропе и сделал крюк, прежде чем попасть на мост через Кубань. Из-за отца, Семена, Бийнегера и Файрузы был он зол на весь мир, но прежде всего на прустопа Апанаса, который, оправившись от раны, снова появился в ауле; на старшину Биймурзу и пузатого Кыямата. И на Токала. И на эфенди, покрывавшего все грязные, кровавые дела в ауле.

Шел он с желанием отомстить этим людям и грозился кулаком своим невидимым пока врагам.

Так он добрался до надгробного камня, откуда можно было спуститься к реке. Кому поставили этот памятный камень в давние времена, он не знал. Могила пришла в запустение, деревянная изгородь догнивала на земле, на ее балясинах росли какие-то мелкие грибы. Однако камень стоял нерушимо. На тыльной его стороне хорошо сохранились выбитые резцом кинжал и пистолет.

— Кто тут лежит, — не ведаю. Но по всему — немалый джигит! Вот бы мне такого друга, чтоб отомстить врагам!

Но друга не было. Один-одинешенек стоял он, опершись на камень. И представилась ему такая картина, что учащенно забилося сердце. Он — самый смелый джигит в ауле, и красивый — всем на удивление. Словно прочерчены на бумаге черной тушью — широкие изогнутые брови на белом лбу; острый, годный для бритья головы, кинжал в серебряной оправе; позолоченный пояс с револьвером на тонкой талии. Сидит он на гарцующем гнедом коне.

По дороге идут Апанас, Кыямат и Бий-

мурза. Он выезжает навстречу, конь, гарцуя, загораживает им дорогу.

— На удобном месте встретились вы мне, злодеи! — солидно говорит он. — Кому первому отдать долг? Тебе, Апанас, или твоим спутникам, — этим старым собакам?

Блеснул на солнце кинжал, выхваченный из ножен. И пока враги раздумывали, что ответить джигиту, он саданул Кыямата кинжалом по шее. Палка с набалдашником отлетела в сторону, неподалеку от нее свалился богач, как гнилая осина.

Апанас и Биймурза завопили, упав на колени:

— Не убивай нас! Сейчас выпустим арестованных!

Ибрахим вспомнил, как Биймурза вел отца в подранной одежде, а на грудь капала с лица кровь. Не раздумывая, он вонзил старшине кинжал в сердце.

Апанас схватился за револьвер. Упал от удара кинжала, но успел выстрелить. Пуля попала в грудь гнедому, тот стал валиться на бок. Но почему раздался еще один выстрел?..

Ибрахим встряхнул головой. По увалу, чуть выше надгробного камня, пастух гнал стадо, громко стегая бичом.

«Убитые» не валялись на земле. Но на сердце у Ибрахима стало легче. И он побежал к мосту, не чувствуя под собою ног. И на все глядел ясными, смелыми глазами, как человек, достойно исполнивший свой долг.

Мост давно исправили. Кубань текла спокойнее, чем в жаркие дни летнего водополья, когда таяли снега в горах. И вода в ней, как стеклышко, словно вобрала она в свои берега

все слезы бедняков. Только в глубоких местах голубела вода от лазурного, безоблачного неба, но и сквозь нее поблескивали от солнца острогранные камни. И виднелись рыбы — с темными спинками: они разлетались врассыпную, заметив человека.

В той стороне, куда Ибрахим держал путь, уже заметно побелела горная гряда. Лес стал просторнее — липы и осины сбросили почти все листья; когда же дует ветер, ветви их колышутся и редкие, оставшиеся на деревьях листочки начинают медленно кружить в сонном осеннем воздухе. И только зеленые сосны закрывали горизонт.

Дорогу Ибрахим помнил. Но неожиданная встреча с медвежьей семьей вынудила его взять много правее. Медведица с двумя медвежатами то разваливалась на мягких опавших листьях, то раздавала шлепки расшалившимся малышам. А потом нагнула ветку рябины и стала срывать ягоды. Мать ела жадно, а медвежата попробовали и скривились.

Боясь зашуметь, Ибрахим шел тихо. Но чем тише и медленней передвигался, тем чаще попадалась ему на глаза всякая живность: сустились ежики, таща на спине гриб или широкий лист; перебегали тропу крысы, собирая в норки лесные орехи на зиму.

Когда же он миновал широкую полосу леса, то понял, что сбился с дороги: скала «Раскопанная голова», уже плохо видная в сумерках, осталась далеко влево. Продираться к ней сквозь густой колючий кустарник не хотелось. Почти выбившись из сил, он обошел скалу полукругом, пещера была где-то внизу, никакой тропинки к ней не было.

— Ну и пусть! — не то рассердился, не то обрадовался Ибрахим. — Свалюсь как с неба, вот удивятся сестра и КанаMAT!

Но оказалось, что сделать это куда труднее, чем он предполагал. Пришлось снять чабыры, привязать их к поясу и для каждого нового шага нащупывать хоть маленький замшелый выступ в скале, чтобы не сорваться.

А тут еще появился орел и пролетел над головой, едва не сбив шапку. И снова вернулся, паря и прицеливаясь в пришельца.

Ибрахим взял кинжал в зубы, чуть сполз, ухватился за куст азалии. И увидел небольшое углубление в скале, где теснились крупные уже орлята вокруг убитого зайца. Словно порывом ветра, его бросило на гнездо: орел ударил его грудью, а когтями оторвал кусок черкески.

Орлята в панике разлетелись, а орел, с громким криком, кинулся на Ибрахима. И придавил его. В эту секунду и пригодился кинжал, которым Ибрахим хотел убить Апанаса, Кыямата и Биймурзу. Он ударил орла в грудь, и огромная черная птица, раскрыв клюв, перевалилась через край гнезда и упала со скалы, тяжело ударяясь о камни...

Мертвый орел, распластав крылья, свалился у входа в пещеру. КанаMAT толкнул его ногой:

— Кто же сразил такого силача? У нас нет птиц, сильнее орла.

Подошла Бадимат, увидела рядом с птицей кусок черной материи:

— Его убил человек! Ой, несчастная я, этот лоскут похож на латку, которую пришивала я к старой черкеске Ибрахима!

— Полно выдумывать! Мало ли у нас черкесок с такими латками? А все же посмотреть вокруг не мешает. — Канамат взял жердь и подошел к краю пещеры. Кто-то, прижимаясь к скале, дрожащей ногой нащупывал справа выступ перед входом.

Не боялся Канамат ни пуль, ни огня. А в этот миг оцепенел: вот так встреча! Ибрахим! Он схватил его за руку и втащил в пещеру. Бадимат — побледневшая, но все такая же красивая — с черными, словно бездонными глазами, — кинулась обнимать его.

— Братец, братец! — вскрикивала она, укладкой вытирая слезы.

— Да ты погоди плакать! — сказал ей Канамат и спросил Ибрахима: — Уж не ты ли прикончил этого орла? — Ибрахим кивнул. Канамат подхватил его на руки и забегал по пещере: — Ну, молодец! Ну, герой! Этот орел покинул пещеру, но каждый день загрязнял наше жилище, а мне жалко было истратить на него пулю! Рассказывай, джигит, с чем пришел?

Сидя у костра, где Бадимат жарила кусок козлятины, Ибрахим степенно перебирал аульские новости. Рассказал про «святого» с его чудесами, в которые поверили только старики; о смерти Файрузы, об Апанасе и Биймурзе. Заговорил о русском Семене.

— Что за человек? Не люблю я этих гяуров! — резко оборвал его Канамат.

— Вместе с отцом приходил с рудника. Человек замечательный: ненавидит Кыямата и всю его братию. Однажды собрал у нас всех твоих друзей и сказал им: «Вы, бедняки, должны объединиться и отобрать землю и

скот у богачей, мы — рабочие рудника — вам поможем!» Отец любит его.

— Плохо, что Семен не горец, а русский, — насупил брови Канагат. — Я бы с таким другом показал всем кровожадным паукам, как надо умело обращаться с кинжалом! — Он погрозил кулаком в темноту пещеры.

— Ты неправ, — сказал Ибрахим. — Когда отец пришел с рудника, он сказал мне: «Тысячу богатых горцев отдам за одного Семена. Он — друг, а Кыямат — змей!»

Ибрахим пристально поглядел в глаза Канамату:

— Русские не все одинаковы. У них тоже есть свои Кыяматы, которые пьют их кровь. Когда в последний день оразы Биймурза хотел арестовать отца, так Семен, защищая его, пролил свою кровь! Не надо плохо думать о Семене! — выпалил Ибрахим и отвернулся от Канамата.

И кто только дернул его за язык, зачем было при Бадимат говорить об аресте.

Бадимат сейчас же стала приставать: где отец, что с ним?

— Он дома, ничего с ним не случилось, — буркнул Ибрахим.

И Канагат добавил:

— Да погоди ты, у нас серьезный разговор!

Бадимат ушла в дальний угол пещеры набирать воду. Канагат, не мигая, глядел в костер:

— Может, и прав Темурка, да как я подйду к Семену, не зная русского языка?

— Отец немного научил его по-карачаев-

ски, а сам набрался от него русских слов. Вы поймете друг друга. Я тоже мало знаю по-русски, а когда говорит Семен, понимаю все. Он как-то сказал отцу: «Мы с тобой выросли в угнетении, но должны уничтожить богатых, чтоб таким джигитам, как Ибрахим, устроить светлую жизнь!» Даже мать поняла эти хорошие слова.

— Наверно, бедные люди понимают друг друга, даже когда говорят на разных языках. Нельзя ли привести Семена сюда?

Ибрахим горько вздохнул:

— Отец, Бийнегер и Семен арестованы. Их сошлют, если ты не поможешь. Мать так и сказала: «Беги к Канамату. В ауле его друзья хотят сделать налет на тюрьму. Да как бы не натворили беды».

— За что арестовали? — Канамат трясся от злости, зубы его выбивали дробь.

Ибрахим рассказал все как было. И не заметил, как к ним подошла в это время Бадимат и крикнула:

— Почему хотели скрыть от меня, что отец арестован?

— Да подожди ты! — вспылил Канамат. — Не женское это дело!

Бадимат сверкнула глазами:

— Ты избрал меня своей спутницей. Я ни в чем тебе не перечила. Но сегодня будет так, как я хочу!

Она достала черный кинжал из расщелины в скале. Повязала его себе на пояс, подоткнула полы платья, быстро спустилась из пещеры и пошла к аулу.

Молча шли все по тропе до верхней опушки леса. Только погромыхивали чабыры, ког-

да ноги в крошечной тьме натыкались на камни.

Канамат уже остыл, но не знал, как теперь подступиться к Бадимат.

В лесу он подал сигнал Ибрахиму — умерить шаг. А сам догнал Бадимат и ласково шепнул ей:

— Прости мне первую ошибку. Никогда я не опечалю тебя грубым словом. Ну, прости, любимая!

— Отец брошен в тюрьму, мне некогда толковать об обиде. Покажешь свою смелость, тогда и говорить не придется, — я прощу тебя без лишних слов, — отрезала Бадимат и пошла еще быстрее.

«Ну и сестра! — с восхищением подумал Ибрахим. — А в аул ей идти нельзя!..»

На пригорке, возле лавки Ликолы, где по вечерам собирались чесать языки молодые лоботрясы, днем сиживали самые разные люди, обычно ушибленные судьбой.

Так было и в тот день, когда «святой» Абдул-Кадыр кричал о душе пророка, видимой только ему.

Старики, женщины и дети, сидя на пригорке, мало что видели, так как почти весь народ находился на богарных сенокосах и ждал появления Кандаура из Медины. За каменными или плетеными заборами у зажиточных людей яблони ломились от обилия созревающих красных плодов. Под этими заборами копошились в пыли куры и прислушивались к голосам людей на торжественном намазе.

Поглядывая на яблоки и на кур, старики и старухи просеивали сквозь сито аульские новости, а шустрые ребяташки мигом разносили их по домам.

Шел разговор о том, кто умер, кто женился, какой бай и сколько зарезал овец, что и почем в лавке у Ликолы на бумажные деньги и какие налоги хочет собрать с них прустоп Апанас.

Много можно было услышать здесь всякой всячины.

— Дочка Ерюзмека Шахи, танцуя на тое, некрасиво ставила левую ногу носком внутрь.

— У святого лицо приятное, а взгляд, как у голодного пса.

— Из дома Кыямата доносится запах паленых бараньих голов и ножек: там готовятся к угощению после торжественного намаза на сенокосе.

— Слепая Гытдан, держась за руку внучки, споткнулась о камень, который кто-то спихнул с обочины на дорогу...

Когда Темуркана, Семена и Бийнегера вели в тюрьму, в ауле, казалось, не было ни души. Но стоило кому-то крикнуть с пригорка: «Ведут!» — как из домов стали показываться люди, не ходившие на моление.

Впереди шел Темурка, волоча правую ногу, за ним Семен и Бийнегер. Кровавые подтеки на их лицах покрылись пылью. Мёлехан с громким плачем кинулась к мужу. Но подошедший Мыртаз сильно толкнул ее в грудь, сбил с ног. Семен бросился к ней, но женщины опередили его: подняли Мёлехан с пыльной дороги. Всех больше переживала ее соседка Тауджан. Обе они, плача в голос, об-

нялись и, еле передвигая ноги, плелись за арестованными.

Мало кто злословил в этот час. Пожалуй, одна лишь конопатая женщина, в шубе и блестящих резиновых галошах, с большой коричневой родинкой на левой щеке:

— Всему виной этот русский! Он накормил Темурку свиной и перетащил его в свою веру!

Какой-то старик плюнул ей под ноги:

— Замолчи, и без тебя тошно!

Другие молча отвернулись, надвинув до глаз черные платки или мохнатые шапки. И невольно переводили взгляд на коротышку Мыртаза, который шел во главе конвоя. Люди бы меньше удивились, если бы перед ними провели по улице слона или обезьяну: так необычен был он с длинной шашкой и медалью, когда-то полученной за войну с Японией.

Раньше он таскал за Биймурзой позолоченную шашку. И всем беднякам опротивел тем, что без всякой жалости сдирал с них налоги: деньгами, шерстью, мясом, хлебом. И как только появлялся на пороге в затрапезном бешмете с портфельчиком, в доме начинался переполох. А теперь он шел в новой черкеске, подоткнув полы за пояс, чтобы все видели, какие на нем хромовые гетры. И пыжился, как индюк, упирая в бока руки, как важная персона.

Кто-то крикнул:

— Вот это начальник! Только шашка ему к лицу, как ослу подхвостник!

Мыртаза так и перекосяло: гневно он выркнул по сторонам, но так и не понял, кто же это сказал...

Перед дверью каталажки Бийнегер замедлил шаг, — он увидел друзей, которые послали ему прощальный привет, размахивая шапками. Но неожиданно получил от стражника тупой, сильный удар в спину и упал на порог, грудью задев Темурку. И тот упал, ударившись рукой о печку.

Семен помог ему подняться. И огляделся: в тесной камере валялись кирпичи от полуразрушенной печки; единственное окошко с выбитыми стеклами было затянуто железными прутьями, на них свежие следы напильника. В окошко виднелись кусок неба, слева часть каменного забора. За ним — угол школьного здания. Там занимался с ребятами учитель Ташалдыр. Но их было очень мало: бедняки считали, что их детям хватит для жизни знаний, полученных в медресе у Мухаммат-Амина.

Семен трижды бывал за решеткой, но такой каталажки еще не видывал: ни койки, ни табуретки, ни параши. И весь пол так загажен курами и гусями, что негде присесть.

— Тут что: вместо жуликов держат под замком птиц? — попытался пошутить Семен.

— Это писарь правления, будь он проклят, держит тут свою живность, — отозвался Темурка. — Все загадил! — Он кое-как отгреб носком чабыра птичий помет и, охая, повалился на бок. Бийнегер сел на узкий порожок, Семен сложил несколько кирпичей и расположился на них, привалясь спиной к печке.

Тюремный стражник, держа на плече берданку, прохаживался перед окошком. Чуть слышно шумела Кубань, словно на ее берегах

просеивали просо. Воробьи, громко чирикавая, большой стаей слетали с кустов на землю, перепархивали на репейник и выбирали в нем зернышки.

Бийнегер подошел к окошку, подергал решетку: она и не качнулась. Потом приблизился к Семену и поглядел на бледное его лицо.

— Очень болит? — участливо спросил он.

— Да и как не болеть, если поддавали всю дорогу. Хорошо хоть камень Токала задел вскользь, а то бы расколел голову.

— Этому гаду больше не жить! Пусть сгноят меня в тюрьме, но дни его сочтены!

Он схватил кирпич, погрозил им невидимому врагу. Затем вытер полою черкески и показал Семену, что его надо приложить к ушибленному месту. Так делала мать, когда маленький Бийнегер прибегал домой с шишкой на лбу или на макушке. Мать прикладывала к ушибленному месту холодную железку или медный пятак. Кирпич был холодный. И боль стала понемногу утихать.

И Семен задумался: не сделал ли он досадную ошибку? Одно дело, когда он выступал на руднике перед рабочими. Там он находил нужные слова, понятные всем. Ему верили и за ним шли. А тут он бросил две-три фразы, путая русские слова с карачаевскими. И вряд ли их смысл дошел до всех правоверных, — они находились в молитвенном экстазе от встречи с «шейхом», который ловко дурачил им головы. Эх, Семен, Семен! Вылез ты и преградил себе дорогу к бедноте. Кинул камень в море, а волны не получилось. Надо бы исподволь, как в доме у Темурки, где стали его понимать Бийнегер и другие.

День за днем, как трудолюбивый муравей, который тащит в свой домишко не ветку сосны, а одну лишь иголку. И, глядишь, уже утеплена муравьиная куча к зиме. Ошибся, Семен, теперь расплачивайся... Но как бы там ни было, надо выбираться из этого курятника!

Он отнял от щеки кирпич, положил руку на плечо Бийнегера:

— Как думаешь, — можно удрать отсюда?

Бийнегер напряжился как серна, готовая к быстрому бегу, в глазах огонь:

— Как стемнеет, надо втроем вырвать решетку. Часового убить, забрать его оружие. Прикончить прустопа, старшину, поганого Мыртаза и змия Кыямата. И бежать в горы!

— Во как, — закричал Темурка. — Много берешь на себя. Шайтан и тот не сломает решетку, а ты уже и четыре головы снял с плеч!

— О побеге говоришь правильно, а убивать пристава и других не следует, — сказал Семен. — Эти начальники, как сорная трава, — убьешь одного, появится другой. Допустим, ты скроешься, а сколько горя принесешь аулу — затаскают по судам и твоих родных, и друзей, и соседей.

— А если так? — не сдавался Бийнегер. — Этих прикончить, а чтоб другие не появились, собрать хороших парней, завалить камнями дорогу в Аман-Ныхыте. Тогда не только новый прустоп не приедет, даже птица не пролетит!

— Будто в рот тебе струится мед, такие сладкие слова говоришь ты, — Темуркан оперся на локоть, подобрал под себя ноги. —

Это играет в тебе молодая кровь. И я так думал, когда был в твоих годах. А пользы от этого никакой.

И Семен, и Бийнегер поняли, что Темурка на этом не остановится. Они расчистили на полу место возле него и приготовились слушать.

История была длинная. Со слов покойного отца Темурки выходило так: и до той поры, как русские начальники пришли сюда, бедные горцы не поднимали головы, не разгибали спины. А когда горы завоевал русский царь, к старой ноше добавился новый груз. Крестьян освободили, они ушли от бая, завели свои очаги, а бай как сидел на шее, так и не слез с нее. Беднота вся в долгу перед ним: на него работает, чтоб с долгами покончить, и дома не сидит без дела, чтоб дети не окочурились с голоду, — за работой даже голову почесать некогда.

— И вот однажды позвали меня к баю Исламу, отцу нашего помещика Каншаубня, — рассказывал мой отец. — Бросил забор горючить, прибежал, стою во дворе. В дом войти боюсь, хоть и холод пробивает меня до костей. Наконец вышел Ислам в шубе из волчьей шкуры. «Поезжай на кош, привези мне айран». Погнал я своего ослика, к вечеру доставил. Озябшими руками отвязал бурдюки. А тут на пороге жена Ислама: глянула на меня, и — в голос: «Не буду пить айран, его мужик привез на осле!» Я даже обрадовался: вот, мол, моей семье достанется! Но вышел злой Ислам и велел вылить айран в собачье корыто. Собаки, огрызаясь, стали жадно пить. Ислам толкнул меня палкой в бок: «И ты с

ними пей! Ложись у корыта и — лакай! Ты от этих псов далеко не ушел!» Воля бня — закон. Примостился я возле корыта и стал лизать айран. Только черная сучка не признала меня за своего и надкусила мочку уха. Ислам крикнул своему холоу: «Чамук, собаки подрались! Прогони чужую собаку!» Я не стал дожидаться расправы, вскочил на ослика и унес ноги домой...

Темурка вздохнул:

— Я это тебе говорю, Бийнегер. Кого ни убивай, как ни заваливай ущелье Аман-Ныхыт, ничего ты не добьешься. Вот Семен спел мне песню: «Мы разрушим старый мир, кто был ничем, тот станет всем!» Это хорошо. Только я не доживу до того светлого дня. А ведь и раньше были у нас смелые люди, да не могли они остановить насилие: что-то делали не так, как надо, чего-то не понимали.

Темурка замолчал, задумался. Потом стал напевать про себя песню о храбром Дауле, которого предал Амантин — показал обходной путь в горах царским генералам. И о батыре Кайтуке, что оставил завет горским детям: «Вы скоро подрастете и дадите отпор русскому царю!»

— Вот ты и вырос, я устарел, а ничего не изменилось. Запомни мои слова: нам нужна молния. Ты небось видел, как на возвышенности, покрытой редким лесом, льет ночью дождь, словно из ведра, и от него шумят сосны. Вдруг молния освещает все вокруг дневным светом и, загудев, как весенняя снежная лавина, ударяет в сосну. А та сосна высока, и вершину ее не увидишь без того, чтоб шапка не упала с головы. И уже обуглен ее могу-

чий ствол. Нам нужна такая сила, Бийнегер, другого выхода нет. Только где ее добудешь?! А из этого курятника мы не убежим, если не придут на помощь Касым и Батал. И — смелейший джигит — Канамат. Да скоро ли он узнает, где мы сидим?..

Дверь в каталажку раскрылась, по команде Мыртаза арестованные пошли в правление.

Почти все к этому времени разбрелись по домам. У тюрьмы задержались лишь немногие, среди них и муэдзин Мустафа — беспокойный и хромой человек. Как верный сторожевой пес Мухаммат-Амина, он кричал, чтоб слышал эфенди:

— Перебежчики из мусульман превратились в гяуров! Когда вы помрете, я не пойду на вашу погребальную молитву! А вон того русского гяура надо раскромсать на куски! — показывал он на Семена.

Но мало кто слушал этого прислужника эфенди. И никто не верил, что этот крохобор не побежит на кладбище, где будут хоронить Темурку и Бийнегера. Он только и жил тем, что тащил с погоста все, что осталось от покойников: покрывала, старые ковры, кое-какую одежду. Он был старьевщиком при покойниках, — молчаливым и оборотистым. И голос его слышали раньше только в те минуты, когда он зычно возвещал с мечети о намазе или гнусаво кричал об умершем аульчанине.

Арестованным, даже после сидения в «птичнике» писаря, бросился в правлении устоявшийся запах старых бумаг и табачного дыма. А Семену подумалось, что не просохли

здесь и слезы, почти за полвека пролитые беднотой. И не выветрился терпкий запах пота, которым покрывались люди при жестоких допросах.

Возле окна, немного склонившись над столом, сидел пристав Апанас, поигрывая серебряным эфесом сабли и выпуская кольца дыма из папироски, вставленной в мундштук работы кумыцких мастеров. На нем обшитая позолоченными узорами белая шерстяная черкеска, на плечах золотые погоны. Но придавали ему затрапезный вид и слишком маленькое пенсне на свекольного вида толстой физиономии, и жирный подбородок, и почерневший нос от частого употребления спиртного. И плохо расчесанная двойная борода с седой рыжиной.

Рядом хозяин «птичника» — правленческий писарь — с кошачьими усами, с окурком, прилепленным к нижней губе, и с пером за правым ухом. Сбоку от Апанаса — старшина Биймурза, а позади него — тщедушный и злой Мыртаз, готовый по приказанию пристава ударить даже своего отца.

Семен взгляделся в Апанаса и вздрогнул. И пристав так глянул на него, что он понял — дело принимало нежелательный оборот: они узнали друг друга.

— Как фамилия, имя? — строго спросил Апанас.

— Семен Астапенко, — спокойно ответил Семен, боясь, что выдаст его волнение в голосе.

— Вероисповедание?

— Православный. Малышом был, так окунали в купель.

— А говорят, ты стал мусульманином?

— Такой думки у меня никогда не было.

— Зачем же совал нос в религиозные дела мусульман?

— Меня возмутило, что сын Кыямата, недавно убивший батрака, вдруг сделался святым и за сутки вернулся в аул с душой пророка из Медины. Вот я и сказал, что такого быть не может и что люди заблуждаются.

— А откуда ты прилетел сюда?

— Я работал на руднике, неподалеку отсюда.

Писарь, скрипя пером, старательно записывал вопросы и ответы. Пристав покопался в папке, достал фотографию и спросил Семена — знает ли он этого человека?

Семен узнал на карточке себя. Она была снята для Апанаса лет семь назад, когда он попал в тюрьму за забастовку и удачно бежал с помощью товарищей. Но виду не показал, только мотнул головой.

— Так я помогу тебе! — усмехнулся Апанас. — Это беглый арестант Семен Данилович Астапенко. Я с ним имел честь беседовать в Ростове и посадил его в тюрьму. Так как?

— Я и Астапенко! И Семен Данилович! Но фотография не моя.

Пристав так громко фыркнул, что слюна его полетела в разные стороны. Бийнегер посмотрел на него с презрением, отвернулся и сплюнул.

— Что этот баран плюется? Пусть сейчас же вытрет пол черкеской! — приказал пристав старшине. Биймурза велел Бийнегеру исполнить приказание Апанаса. Но получил в ответ:

— Ты их служивая собака, ты и вытри. А потом скажи этому борову, пусть не фыркает на людей!

Биймурза побоялся перевести эти слова пристава и подмигнул Мыртазу. Тот подкрался к Бийнегеру, схватил его шапку, вытер ею плевком. Но получил ногой такой удар, что вылетел за дверь.

Бийнегер потерял контроль над собой. Он загорелся, как пучок соломы, брошенный в костер. Схватил стул и запустил им в пристава. Апанас успел юркнуть под стол. Вылез оттуда багровый, весь в поту, приказал связать Бийнегеру руки и, наотмашь, ударил его в лицо. Бийнегер заметался, как раненый медведь. Изловчился и зычно плюнул кровью в сытую рожу пристава.

— Что смотришь, собачий сын? — заорал пристав на Мыртаза. Но его опередил старшина, — он ударил Бийнегера шашкой в ножах по голове. Темурка и Семен подхватили его под руки, но стражники оттащили их к двери.

Неожиданно вошел в комнату Мухаммат-Амин, с четками на шее, направился к пристава и пожал двумя руками дрожавшую руку начальника.

— Я слышал тут шум, — сказал эфенди с лисьей улыбкой. — А чего шуметь? По нашему писанию этим гадам надо отрубить головы. Им место уже заготовлено в аду. По вашим законам вы их сошлете. Уважаемые люди аула просят вас сделать это побыстрее. И так, чтоб они никогда здесь не появлялись, чтоб не пришлось им испить воды из Кубани!

У Темуркана перехватило в горле от всего, что он видел здесь. И особенно поразил его мулла, который так угодничал перед приставом.

— Каким же дураком я был! — громко сказал он. — Двадцать лет перед этой змеей в человеческом облике совершал я намаз, верил его болтовне!

Эфенди искоса поглядел на Темурку:

— Вы уж сделайте так, Федор Иванович, чтоб и эта старая собака не сбежала. А то один такой уже удрал и до сих пор не пойман. До суда их надо крепко содержать в тюрьме. А русского заковать в цепи: вся беда от него!

Три стражника, Биймурза и Мыртаз надели на Семена кандалы, отвели арестованных в каталажку.

— Слава аллаху! — эфенди молитвенно сложил руки. — Вы много потрудились сегодня, надо и отдохнуть. Кыямат и я просим быть нашими гостями!

Все начальники, не исключая Мыртаза, и Мухаммат-Амин потянулись к дому богача...

Вечерело. И пришел обычный для аула конец дня. Солнце в последний раз показалось между двумя зубцами в гребне гор и скрылось. Тотчас упала темень в узкое ущелье, где располагался аул. И в домишках с глиняными крышами засветились неяркие огни.

В природе все было, как и прежде. А в головах людей — обездоленных, бедных — теснились новые мысли. И эти люди, собираясь ко сну, горько думали о тех, кто сидит в каталажке...

Матх илгүрүчү

Перед тем как выбраться из лесу, Бадимат, Ибрахим и КанаMAT скоротали остаток ночи у костра. Ибрахим с любопытством наблюдал, как стало скрываться с глаз созвездие Близнецов, ярко сиявшее в кромешной тьме. И, словно светлячки весной, в самых ранних утренних сумерках, начали гаснуть звезды. А чуть рассвело, они пошли снова и вскоре очутились на торной тропе, ведущей к аулу.

До него оставалось версты две, не больше. Отделяла от них аул каменистая пойма Кубани, сама река и небольшой пригорок. Утренний туман, который закрывал реку, как серой полой бешмета, уполз вверх, и домишки виднелись отчетливо: маленькие, как гнезда ласточек под карнизом. Из каждой трубы столбом поднимался голубой дымок. Не слышно было людского говора, и ослы еще не кричали. Но из каждой улицы слышался лай: будто собаки рассказывали друг другу, как они провели ночь.

С того часа, когда КанаMAT, неожиданно для себя, обидел любимую, гордая горянка не проронила ни слова. Он хотел бы поговорить с нею с глазу на глаз. Но Ибрахим находился при них неотлучно. А молчание становилось невозможным: Бадимат идти в аул нельзя. По своей горячности она напрасно преодолела тяжелый, каменистый путь в ночном лесу. А теперь ей надо возвращаться в пещеру. Конечно, с Ибрахимом, — одну он ее не отпустит. Но как быть? По каким-то неписаным законам он не может унизиться и начать разговор первым.

Ибрахим понимал, что у КанаMата скре-

бут кошки на душе. Только не знал, как закончить эту неприятную игру в молчанку. Но когда Бадимат решительно встала, поправила спадавшие с ног чувяки и двинулась к аулу, он забежал вперед и лег на камни, чтоб напиться из ручейка. Никто толком не знал почему, но аульчане никогда из него воду не пили.

— Ой! — крикнула Бадимат. — Не смей! В истоках ручья купаются черти!

После ее слов мужчины имели право заговорить. И Ибрахим сказал сестре:

— Душами отца и матери заклинаю тебя: в аул не ходи! — он так печально поглядел, что глаза Бадимат повлажнели, лоб ее у переносицы покрылся мелкими морщинками, губы задрожали. — Ты все хочешь сделать по-своему, ни меня, ни Канамата за мужчин не считаешь. А ведь то, что ты задумала, дело не женское. Напасть на тюрьму, где сидят трое арестованных, может только самый смелый джигит!

И Бадимат сдалась. Тяжелый ночной путь без сна и опасение за судьбы отца и мужа таким грузом вдруг легли на плечи Бадимат, что ноги ее подкосились, и она с побелевшим лицом упала на землю. Канамат легко подхватил ее на руки и понес к опушке.

Идти в гору с ношей было тяжело. Канамат покрылся потом, иголки молодых сосенок кололи ему лицо. Но мысль его была сосредоточена на одном — убереечь Бадимат. На первой же полянке, где много было мягких листьев, он опустил ее на землю. И встал перед ней на колени, обмахивая лицо своей любимой мохнатой шапкой.

Бадимат пришла в себя. Он поцеловал ее в губы, не стесняясь Ибрахима.

— Проводи сестру в пещеру, — там и ждите меня. Я пошел!

Он уже стал скрываться за деревьями, когда Бадимат крикнула ему:

— Без отца не возвращайся!

— Будто я не знаю! — ответил КанаMAT. Засунул полы черкески под пояс и быстро зашагал к Кубани. Он миновал мост, свернул на широкую дорогу к аулу. И остановился лишь возле изгороди из длинных жердей, где были ток и сарай Джантемира, мужа Тауджан.

Место для встречи с нужным человеком было подходящее — на дальней окраине аула, откуда хорошо просматривалась дорога к околице. Мирно журчал ручеек вдоль изгороди, унося прозрачную воду в Кубань. Здесь давно не было людей, и непуганые кузнечики, видать последние об эту пору года, прыгали с былинки на былинку, стрекотали наперебой.

КанаMAT уселся на берегу и сунул ноги прямо в чабырах в прохладную струю, чтобы размочить ссохшуюся обувь.

Клин, где беднота «выжимала из камней» скудный урожай, хорошо был знаком КанаMATу: за небольшим увалом располагалась и его делянка, величиной с ладонь, где он по весне посеял фунтов десять кукурузы. С детских лет помнил он, как еще при отце расчищали эту делянку: выкорчевывали кустарник, выворачивали камни и складывали их бровкой вдоль границы поля. Может, поглядеть, что там уродилось? Но времени не было, да и Джанте-

мир, судя по всему, почти заканчивал обмолот на току: он уже медленно гонял по кругу двух молодых рыжих бычков и серого ослика. Потом бросил скотине просяную солому, дал ей передохнуть. А сам переворачивал деревянными вилами маленькие ворохи, глядел, не осталось ли там зерно?

Наконец вытер вспотевший лоб облезлой шапкой и негромко запел:

Что на лопате, мое,
Что на вилах, — твое.
Эрийт! Эрийт! Эрийт!

Канамат завидовал ему: так соскучился по работе! И много бы дал сейчас, чтобы вот так ходить на току с вилами, поднимать солому, где ступали ноги бычков и ослика, брать зерна в ладонь, дуть на них, чтобы откинуть половину, и собирать их в мешок.

Но недавний крик Бадимат: «Без отца не возвращайся!» — вывел его из спокойного, созерцательного настроения. Он вскочил, легко перепрыгнул через изгородь, подкрался к Джантемиру сзади:

— Удачи тебе в труде!

Это было как гром среди ясного неба. Неужели Канамат? Джантемир протер глаза шапкой. Ошибки не было, — Канамат!

— Сау бол, сау кел! Здоров будь, рад тебя видеть. Так обрадовал, словно я увидел отца, вставшего из могилы! — Он крепко стиснул руку старому товарищу. Повел к арбе, из бурдюка налил айран в треснувшую деревянную чашку, скрепленную лентой из бересты. — Держи, друг!

Канамат жадно выпил айран и сел рядом с Джантемиром возле арбы. Не сговариваясь,

они оглядели дорогу к аулу: на ней никого не было.

— Какие новости в краях, где пришлось побывать? — поинтересовался Джантемир.

— Что об этом спрашивать у абрека? Ночью я превращаюсь в волка, днем — в сторожевую собаку. Люди Биймурзы шныряют по ущельям, все хотят меня заарканить. А я держу нос по ветру и в их капканы не попадаюсь. Скажи лучше ты: как живет народ в ауле, как мои соседи и мои друзья?

— Тоска! Не живем, — спотыкаемся. Кыямат добился своего: бросил Темурку на старости лет в тюрьму. — Джантемир вздохнул. — Болтают, — попал он в русские руки, искупали его в свином супе. Да этому верить нельзя: тот русский, что сидит с ними в тюрьме, друг бедным горцам.

Джантемир поглядел на дорогу, никого не увидел и продолжил:

— Я догадываюсь, зачем ты здесь. Если нужна моя помощь, только мигни, я все исполню, хоть бы пришлось ползти во дворе правления на брюхе.

— Спасибо за добрые слова. Я верю, что при надобности ты будешь хорошей опорой. Не ругай, что оторвал тебя от дела. У меня одна просьба: позови Касыма. В долгу быть не хочу, и даю тебе поручение: собери урожай с моей делянки, возьми его себе, а то все равно расклюют птицы.

Джантемир увидел, что осел жадно накинулся на просяную солому, отвел его, привязал к колесу арбы.

— Сделаю, как говоришь, но не для себя, а для тебя, — он сел рядом. — Я уже гля-

дел: там кукурузы мешка два. Отдам Мёлехан. А позвать Касыма — проще простого. Может, еще чего надо?

— Нет, спасибо! — КанаMAT невольно глянул на колени Джантемира, где были две латки, пришитые явно не женскими руками: грубо, светлыми шерстяными нитками. Значит, к Тауджан он не вернулся, она бы пришила так, что ни один человек не догадался, что это латки.

Джантемир перехватил его взгляд, прикрыл колени полой черкески:

— Сам приляпал, не ходить же с дырявыми штанами. Как говорится: у мясника забота о скоте, что привезут ему под нож, а у бедняка — хоть как-нибудь выжить. Понимаю, тебе не до моих бед, у самого голова идет кругом. Но и меня пойми, — как разошелся с той никчемной женщиной, так все словно в воду кануло. Аллах придавил меня обеими руками. Сгоряча я вздумал сделать необратимый развод, а теперь не знаю, как восстановить семью? Куда податься с моим горем?

КанаMAT и раньше знал, что Джантемир любит свою Тауджан и она страдает от развода. В чем ее вина, — что она языката и за семь лет не смогла родить ребенка? Но не видел, каким советом помочь. И сказал первое, что пришло на ум:

— У каждого домашнего очага свои радости, свои печали. Главное, чтоб не было между вами пропасти. Все можно поправить.

— Не скажи. Ведь развелся безвозвратно, без права вновь сойтись с женой.

— Выход один — идти к эфенди. Что его пятак захочет, то он и сделает.

Канамат явно задержался на току и теперь нетерпеливо глядел на дорогу. Джантемир стал собираться:

— Где найдет тебя Касым?

— Когда стемнеет, пусть придет к барбарисам у верхнего могильного камня. А о бычках и эслике че беспокойся: я пригляжу за ними и все дела за тебя закончу. Очень стесковался я по работе.

Джантемир ушел. А Канамат привязал ослика позади бычков и с веселым гиканьем погнал их по кругу, поддевая вилами солому и трижды встряхивая ее. И чем меньше оставалось соломы, тем ярче были видны золотистые на солнце зерна проса...

Так уж вышло, что три дела одновременно свалились на плечи Джантемира: найти Касыма; заодно тайком повидаться с женой и поговорить с Мухаммат-Амином о восстановлении семейной жизни с Тауджан.

Войдя в аул, он долго прикидывал, с чего начать? И повернул к дому, где жил до развода с женой, пока не построил себе халупу на окраине аула.

По старой привычке хозяина, Джантемир время от времени тайком приходил посмотреть на свой бывший дом. Как говорили подружки Тауджан, в комнатах было чисто, стены побелены мелом, — Тауджан отличная хозяйка. Но с улицы дом неказист. Как и у соседа, у Темурки, стал он клониться набок, будто шапка, сдвинутая на левое ухо. Но и тут Тауджан была начеку. Когда бы ни проходил он мимо, у хозяйки всегда руки в гли-

не: она обмазывала заново крышу, заделывала трещины в стенах и тем хоть мало-мальски поддерживала ветхое строение. Иначе бы оно давно развалилось, как старые чабыры, у которых разошлись швы.

Конечно, Тауджан жила трудно: в кладовке у нее хоть шаром покати. Но подати казне лежали и на ней. И помощник старшины Мыртаз протопал сюда дорожку. Как говорится, — протянутая ладонь пустой не сжимается. И неделю назад сборщик податей получил серебряный полтинник, заработанный Тауджан за пряжу шерсти. С болью развязала хозяйка узелок на головном платке, и монета, в последний раз блеснув перед ее глазами, оказалась в кармане у помощника старшины.

И сегодня он приперся спозаранку, хотя мог догадываться, что в доме не из чего сварить похлебку. Как и всегда, явился Мыртаз со своей плеткой. Он шутя называл ее «законом». Иногда его спрашивали, что ж такое закон? Он отвечал: «Вот сейчас врежу вдоль спины, сразу узнаешь!» А когда снисходил до разговора, то пояснял: «Закон — это повеление Биймурзы!» А если с аульчан нельзя было сорвать ни шерстинки и приходилось отбирать последний казан или тащить в каталажку, где должника обрабатывали кулаком, Мыртаз оправдывал свои действия кратко:

— Так велел прустоп!

Пристав Аланас — высший закон в ауле.

Раньше Мыртаз топал ногами, кричал, а когда вдолбил людям, какой высокий закон прустоп Аланас, только помахивал плеткой и показывал ею на здание правления.

Люди, пройдя его выучку, кое-что усвоили. Заметив Мыртаза издали, навешивали замок на наружную дверь, огородами уходили в лес или в поле.

Джантемир понятия не имел, что до него только что побывал в доме Мыртаз и нанес Тауджан удар в сердце.

Год назад, когда эфенди расторг их брак, Тауджан даже не допускала мысли, что расстались они навсегда. Из-за чего Джантемир полез в бутылку: жена больно язвката, что ни скажи, — режет поперек, и — не родит. Да разве это причина? Просто баловство! Погорячился, вот и все. Рано или поздно — вернется, ведь жить друг без друга они не могут. И, терпеливо дожидаясь дня, когда Джантемир одумается, она стала готовиться к встрече. За обработку шерсти, взяла у Кыямата маленького баранчика, оставшегося без матери. Кормила его, поила, холила. В положенное время отвела к коновалу. И вырос большой клáденый баран, попросту — валух. Передвигался он еле-еле из-за большого, тяжелого курдюка. Тауджан водила его с собой по аулу. И все знали, что у ее валуха белая шерсть на голове покрашена в желтый цвет, а на шее колокольчик.

Тауджан очень привязалась к своему валуху. Но ей не жаль было зарезать барана в тот день, когда вернется Джантемир. И скажет: «Простим все друг другу, будем снова жить вместе!»

Мыртаз вспомнил о жирном валухе и появился в тот ранний час, когда Тауджан сидела с веретеном на крыше и пасла своего любимца, а Джантемир сидел на току с Кана-

матом. На дверях у нее висел пузатый замок. И ей бы надо было слегка откинуться назад, чтобы не попасться на глаза Мыртазу. Она недавно отдала ему полтинник, больше не было у нее ни копейки. А про валуха не подумала. И встала на крыше, чтобы приветствовать представителя закона.

Мыртаз был в отличном настроении. И поманил ее пальцем. Она прикрыла по привычке рот концом платка и спустилась с крыши.

— Опять по твою душу, Тауджан, — коротышка достал из портфеля бумагу. — Снизу (а это означало — из окружного управления, от атамана) пришел тебе приказ — уплатить все недоимки за прежние годы. Сумма большая — двадцать рублей. Жалея тебя, два раза возвращал эту бумагу, но начальство не идет на попятную, — придется платить.

Таких денег у Тауджан сроду не бывало. И она — с ходу — взяла в голос:

— Уходи подобру-поздорову, а то колом огрею! Сказать только — двадцать рублей! Да я их за два года не заработаю, сидя за прялкой с утра до ночи! Лучше убей меня, а таких денег нет!

Но Мыртаз уже давно придумал выход. Он жадно поглядывал на валуха, который ходил вокруг хозяйки, и предвкушал, как он будет разделываться с лопаткой такого отменного барана.

— Ты, сестра, на меня не кидайся. Я исполняю закон, и на меня нельзя глядеть такими горящими глазами. Не подчинишься, мы — сидящие под портретом царя в правлении — вызовем и рассмотрим твое дело. Только добра не жди! Бумага важная! — Он показал

царский герб на листе, ткнул в него пальцем и спрятал в портфель.

Слово «вызов» было страшнее привычного слова «закон»: Мыртаз рубанул, как топором по камню. И Тауджан горько заплакала.

— Какая польза от слез, сестра? — Мыр-таз уже понял, что рыбка попалась в сеть. — Не утруждай себя поиском денег, обойдемся твоим валушком. И долг весь спишем: приду к тебе только через год.

Он взял валуха за веревочку и пошел с ним со двора, погромыхая шашкой, которая была его по ноге. И ласково приговаривал:

— Пойдем, баранчик, пойдем!

А Тауджан осталась одна. Она и плакала навзрыд. И хваталась за камешки — погадать, что будет теперь с ней и с Джантемиром? И не вдруг заметила, что муж стоял в воротах. После быстрой ходьбы с тока он дышал порывисто, глаза его смотрели приветливо. Тауджан не так хотела встретиться с ним и потупилась. Но и сейчас ждала она ласкового слова. А он спросил:

— Касыма не видала?

Эх, Джантемир, Джантемир! Тебе бы спросить: как живешь, сиротинушка, какие новости, и подойти мягко, взять за руку, а то и к груди прижать, так ты ни с того ни с сего ляпнул про Касыма!

Конечно, Тауджан понесло:

— Что я его пасу, что ли? Других слов не придумал?

Ну, и пошло, как в те дни, до развода!

— Я хотел мириться, а у тебя яд на языке! — Он схватился за рукоять кинжала в берестяном чехле.

Тауджан пожалела, что так вышло: ведь впервой встретились они после долгой разлуки, а она вместо приветствия кинула кусок льда в кипящую воду. Лучше бы ответить подобнее. И хорош был бы валух при этом случае, да увел его Мыртаз. А все характер, острый, как кинжал! Подумала Тауджан, что гордый муж уйдет сейчас, и плечи у нее вздрогнули, слезы брызнули из глаз.

«Вот схвачу ее сейчас на руки, понесу в дом, там зацелую!» — решил про себя Джантемир. Но коварное, даже страшное слово «шариат», с которым связаны все их семейные беды, охладило его пыл.

— Надоела мне эта наша жвачка! — только и выдавил он из себя.

Тауджан стояла, заплетая и расплетая кисти шали:

— Развелся ты окончательно по своей воле, я тебе не перечила. Теперь и думай, как вернуться домой?

— Если дело только во мне, я сейчас же пойду к эфенди.

— Дорогу туда ты знаешь, делай, как велит совесть.

— Попрошу эфенди женить нас заново! И будем жить одним домом. А ты хоть иногда помалкивай!

Тауджан опять было понесла: язык без костей. Но она увидела латки на штанах мужа и подумала, что и он живет не лучше ее.

— Видно, в несчастный день мы создали семью. И сейчас что ни припасаю, вода уносит. Кормила валуха, хотела тебя угостить при встрече, так Мыртаз увел за долги, чтоб в его горле выросла ослиная бородавка!

— Чего так убиваться из-за баранчика, будем живы, заведем другого! — Он дотронулся до руки Тауджан.

— А-а-а! Вот хорошо сделал, что наведалься к старому стойбищу! Усталая лошадь всегда так делает — поворачивает к привычной привязи. Да лучше Тауджан тебе и не найти!

Это — Касым. Он вышел из-за угла и посмеивался, стоя в воротах.

Джантемир покраснел, отпрянул от жены и пошел к нему навстречу. Но Тауджан крикнул напоследок:

— Пойду искать эфенди, Касым сам нашелся!

— Слышал, ты был на току, хотел пойти туда, да ребяташки сказали: Джантемир беседует с женой. Пришел поздравить тебя с примирением.

— До этого еще далеко. Если эфенди не поправит дело, мира у нас не будет.

— Позолоти ему ручку, он и обвенчает вас вновь. Миритесь быстрее, я приду к вам на курманлык. Только про угощение не забудь!

— Был хороший валух для курманлыка, только теперь он в сарае у Мыртаза. За долги царю. Жизни нет, Касым, хоть беги в абреки.

— Они уже сделали абреком Канамата. И дом Темурки разорили. Так что не удивляйся, что пропал твой баран.

Только тут вспомнил Джантемир о поручении и, сделав таинственный вид, понизил голос:

— Из-за этой докуки совсем забыл сказать тебе, — Канамат спустился с гор; сейчас он у

меня на току, сказал: передай Касыму, что я жду его, когда стемнеет, возле барбарисов у верхнего надгробного камня.

— Точно?

— В таком деле врать нельзя! И если понадобится моя помощь, — зови!

Касым догадался, зачем пожаловал в аул его друг. Значит, сегодня будет тревожная ночь, полная опасностей.

Он пожал руку Джантемиру:

— Я знаю, что ты не пожалеешь души для Канамата. Понадобишься — кликну. Будь здоров!..

Джантемир был однодум. А еще бы лучше сказать — однодел. Молотив на току, забывал обо всем, кроме проса, бычков и ослика. Побежав сразу по трем делам, позабыл о Канамате, потому что увидел Тауджан. Но теперь осталось у него одно дело, и он решил завершить его сегодня во что бы то ни стало.

Эфенди не оказалось дома: он находился на разборе тяжбы аульчан с бием Каншаубием из-за воды.

Управляющий имением бия Тогузак сильно обижал бедных горцев. Их дальние участки сенокоса были окружены землями ханского сына, как по привычке именовали Каншаубия. И Тогузак, особенно в засушливое лето, забирал всю воду из арыка, а аульчанам доставался шиш. Когда же кто-либо тайком отводил воду на свой лужок, Тогузак давал волю рукам: и сам бил, и натравливал своих прислужников. Случались бои, и потери несли обе стороны. Но чаще доставалось бедным горцам, потому что действовали они не ско-

пом, а поодиночке, и не могли достойно противостоять охранникам ханского сына. На суд явился Исмаил с кровавым рубцом на затылке, Аслан — с перебитой левой рукой, и коекто — просто с хорошими синяками.

Пострадавших и заинтересованных в справедливом водопользовании собралось человек сорок. Да еще десятка два любопытных зевак. И все они галдели возле дома правления, где должен был заседать суд.

Наконец собрались судьи. Пришел Мухамат-Амин, за ним следом секретарь Тохтар. Появился и Тогузак. И всех истцов кликнули в залу.

Еще в детские годы Джантемира, то есть лет тридцать назад, здание правления, где заседал суд, считалось ветхим. А теперь оно держалось просто чудом. Двери, стены и потолки изъел жучок, и они, пронизанные дырочками, чем-то напоминали только что отжатый сыр. Пол стерся так, что при каждом шаге приходилось наткаться на выпершие из досок сосновые сучки. А от наружной двери до судейского стола, покрытого грязной зеленой скатертью, со следами бозы и разноцветных чернил, ложбинкой была протоптана дорожка, похожая на колею. Дух в зале держался тяжелый до тошноты — от плотно закрытых окон с железными переплетами, от пыльных бумаг, табачного дыма и острого запаха бозы — домашнего пива из кукурузы. И судьи, и секретарь суда, проводя здесь время иной раз с утра до вечера, прикладывались к пиву, чтобы не одуреть от разбора дел. Ведро с бозой стояло за дверью, около него — кружка.

Трое судей — Калагерий, Крымгерий и Шахымгерий — которым вместе было лет двести, с незапамятных времен судили аульчан. А теперь, видать, досиживали последний срок. Калагерий часто засыпал за столом, приваливаясь локтем к подоконнику; Крымгерий еле передвигался, тяжело опираясь на клюку из самшита. И этой палкой громко стучал об пол, когда у сонливого Калагерия голова падала на грудь. Тот просыпался, обводил людей, пришедших на суд, мутными закисшими глазами. Шахымгерий давно съел все зубы, шамкал так, что его никто не понимал. Обычно он присаживался к столу сбоку, поближе к двери в совещательную комнату. И, разбрызгивая слюну по подбородку, беспрерывно потягивал дымок из трубки, от которой над ним давно закоптился потолок.

Джантемир не был истцом. Сено он косил на общественном лугу, где Кандаур «явился» народу с душой пророка, и участок, где он собрал просо, находился поодаль от земель ханского сына. И маленький ручеек, можно сказать, был у него свой.

На суде он подкарауливал эфенди. А к тому все было не подойти: эфенди сидел позади Крымгерия, под портретом царя в лакированных сапогах, держал в руках Коран и поглядывал на сборище людей в зале из-под опущенных век.

Судьи давно привыкли, что вместо них разбирал тяжбы секретарь правления Тохтар — человек средних лет, худошавый, в очках на тонком носу, дотошный и обстоятельный. Тот самый, что держал кур и гусей в каталожке

— Чтобы в записях не допустить ошибки, расскажи, как было дело? — обратился он к Тогузаку и сунул перо в чернильницу.

На фоне истцов, одетых в старые черные черкески, людей низкорослых, Тогузак выглядел исполином: высокий, — он едва не касался шапкой потолка, — грузный, в серой черкеске, на которой крючки с трудом выдерживали напор его круглого живота. Он подошел к столу, вытянув шею, как гусак.

— Дело простое и ясное, — начал он неторопливо, держась левой рукой за серебряную рукоять кинжала, а правой — поглаживая пожелтевшие от курева усы со следами айрана. — Эти люди, которых и аллах не может усювестить, только и делают, что караулят меня и моих охранников. Только уйдем мы с арыка, они ломают перемычки и отводят воду на свои сенокосы. Сколько их ни уговаривали, — толку никакого, будь они прокляты! Да еще затевают драку. Недавно прибежал ко мне охранник, весь в слезах, и показал раны, нанесенные ему лопатой. Это не люди, а собаки! — он зычно сплюнул.

Оскорбленные аульчане загудели. Из их толпы вышел худой Шымайыл в бордовой черкеске и горячо заговорил, помогая себе руками:

— Собака — это ты, потому что жрешь из корыта Каншаубия! И брешь без совести! Забираешь у нас всю воду, да еще жалуешься, что мы избili охранника. Зря ты нам в тот день не попался!

И — пошло: Тогузак — одно, жалобщики — другое. Крик стоял такой, что Калагерий проснулся и громко икнул, Крымгерий

застучал палкой, Шахымгерий, выбивая пепел из трубки, так ударил по столу, словно забивал гвоздь.

Заваруху стал расхлебывать Мухаммат-Амин. Он встал, протянул правую руку к аульчанам:

— В Писании сказано: аллах любит выдержанность. Братья, не давайте шайтану одолеть себя. Это он заставляет вас бросаться на уважаемых людей, стоит, проклятый, смотрит в дверь и посмеивается.

Аульчане обернулись к двери, но увидели лишь Джантемира: он стоял, прислонившись к притолоке. Однако умолкли, сбившись тесной кучей.

А эфенди продолжал:

— Судьи все учтут, они каждый случай просеют, как через сито. А потом вынесут свое решение.

Судьи согласно кивнули. Но для Калагерия вся эта история была уже решена в пользу ханского сына. И он шепнул Крымгерию:

— Не тяни, меня мутит. Не иначе как грязнуля Забитхан в бозу добавила сажу. Выпил всего один кувшин, а перед глазами туман. — Он икнул и снова завел глаза.

В наступившей тишине Тохтар спросил Тогузака:

— А что было дальше?

— Вижу, что охранник ранен, побежал на сенокосы. А этот лилипут, — он показал на Шымайыла, — созвал людей, они окружили меня, угрожая лопатами, и повернули воду на свои сенокосы. Я едва спасся!

— Врет он, господа судьи! Мы мирно делали свое дело, его не трогали. Только сказа-

ли: уйди по-хорошему. Пусть поклянется на Коране, что мы хотели его убить. Правда на нашей стороне, а он от вранья вспухнет, как бочка! Так говорит пророк в своих писаниях! — горячился Шымайыл, хватаясь за невысокую перегородку, которая отделяла судей от зала.

— Клянись! Клянись! — все закричали хором.

Судьи в растерянности глянули на эфенди.

Мухаммат-Амин попал в щекотливое положение: как бы ни врал Тогузак, после клятвы он не распухнет. Но без клятвы не обойтись, иначе вся злоба на управляющего перекинется и на богатых людей аула. И эфенди решился: он раскрыл Коран в сером переплете на какой-то странице, ткнул в нее пальцем и подозвал Тогузака.

Сделалось так тихо, словно в зале все вымерли. Прозвучали слова клятвы, слышался звук поцелуя страницы Корана и полусонное сопение Калагерия.

— Аланла! — завопил Шымайыл. — Да что же делается на свете? Тогузак разбил голову Исмаилу, сломал руку Аслану, дал ложную клятву, что мы хотели его убить. А не распух, как сказано в Писании!..

Снова начался галдеж. В это время в дверях показался Касым. Он пришел сюда сократить время до встречи с Канаматом. Но увидел Джантемира, который не сводил глаз с Тогузака и с эфенди. И нехорошо подумал Касым о бедняке: уж не собирается ли он выдать абрека этим господам?

И решил наблюдать за ним неотступно. Люди кричали:

— Тогузак поклялся не на Коране, а на какой-то другой книге!

— Почему он не вспух? Он — лжец!

— Эфенди, дай ему Коран!

Мухаммат-Амин принял скорбный вид:

— Бедные вы люди! Если бы я не продырявил себе лоб, молясь о вас, все бы вы давно превратились в дикарей и жили в лесу на деревьях. Вы не верите мне, значит, не верите аллаху. Зачем сердить его, он может ниспослать кровавый дождь! Многие из вас учили у меня Коран. Вот эта священная книга! Подойдите и посмотрите! — он сел, закрыв лицо руками.

Эфенди не просчитался: истцы начали отступать. Шымайыл начал говорить спокойно:

— Мы люди бедные, чтим аллаха, пусть эфенди не убивается из-за нас. Но у Тогузака тяжелый характер и он сильно предан ханскому сыну. Потому и не отпускает нам воду, и на нашей земле не растет трава. Все лето у Каншаубия трава тучно зеленела, а у нас все былки желтые. Чем кормить скот? Вот мы и решили, что из общей воды, отпущенной аллахом для людей, взять хоть немного: не умирать же с голоду? А Тогузак набрасывается на нас, как подколотая змея из-под каменного забора.

И снова начался крик. Исмаил снял шапку, показал судьям кровавый рубец на затылке; Аслан задрал рукав черкески и показал, как криво срослась кость после перелома. Тогузак кричал, что все эти сорок человек сговорились и у него один выход — пожаловаться ханскому сыну, если суд не признает виновными этих горлопанов.

Судьям надоел этот гвалт. И Крымгерий, поглядев на своих товарищей, произнес:

— Хватит, люди! От вашего крика раскаляется голова. Суд удаляется на совещание.

Касым стоял в проеме двери, мешая людям выйти. Старый Таулан обратился к нему:

— Джигит, если ты не пересчитываешь этих баранов, не стой столбом в дверях, дай выйти из этого ада!

Касым посторонился, поглядывая на Джантемира. Тот задел его грудью, не поднимая головы. «Ну, я не дам тебе проболтаться! А донесешь, вспорю живот, и кишки твои подметут пыль на земле!» — решил про себя Касым и вышел вслед за Джантемиром во двор.

Теперь крик шел там. Все напирала на Шымайыла, который подбил их ввязаться в эту тяжбу с ханским сыном. Шымайыл заметил учителя Ташалдыра и тронул его за рукав:

— Ты грамотный человек, скажи людям, как решит суд наше дело?

— Вам следовало бы до суда потолковать с господином Каншаубием, — Ташалдыр сделал шаг в сторону, боясь, что Шымайыл снова дотронется грязной рукой до его новой суконой куртки.

— Какой же разговор может быть с ханским сыном, если его холуй чуть не пробил мне голову, — громко сказал Исмаил, заикаясь. — Сразу видно, что ты держишь руку богатых. Плевал я на этот суд, на ханского сына и на тебя, Ташалдыр!

— погоди, Исмаил! Знаем, что ты настрадался. Надо послушать решение суда, — раздался голоса.

Но громче всех сказал Аслан:

— Чего тут толочь воду в ступе? Калагерий нас не слушал, а только длинно икал. И другие судьи не лучше. Надо разойтись по домам и заняться каждому своим делом! И нечего толпиться вокруг Ташалдыра: он всегда на стороне сильных!

Учителю не понравились слова Исмаила и Аслана, и он проговорил, поглядывая на Тогузака и Биймурзу:

— Я высказал свое мнение. Господин Каншаубий — человек мягкий, он удовлетворил бы вашу просьбу без жалобы в суд. А раз дело дошло до судей, наберитесь терпения: они все решат по совести.

За всех ответил ему старый Таулан:

— Иных слов от тебя я и не ожидал. Парень ты геройский, и отец твой — старшина — был такой джигит, что не раз колотил меня палкой, когда я был у него в услужении. А яблочко недалеко падает от яблони!

— Я не знаю тебя, старик! Говори быстрее, мне надо идти домой.

— Ты избалован судьбой, и где тебе знать про батрака твоего папаши: был в люльке, потом учился в городе на аульские деньги. Я одно хочу сказать и тебе и людям: сколь я бывал в суде, а ни разу суд не встал на сторону бедных. Да и что за смысл судьям решать в мою пользу? У меня всего лишь одна старая шуба, которую Крымгерий не захочет поставить даже чучелом на своем стойбище. То ли дело — богачи: Кыямат своего сына, убийцу, ухитрился сделать святым; добрых людей посадил под замок, русского заковал в цепи. Чем посылать нас к Каншаубию, объяс-

ни, что все это значит? Видишь, я начал косо-вицу издалека, но довел след до сарая!

— Ты, старик, вышел из ума! Сидел бы лучше на завалинке, не лез бы, как бабочка, в огонь!

Ташалдыр милостиво потрепал рукой по рваной черкеске Таулана и отошел к Биймурзе.

— Да, я стал дряхлый, потому-то и обратился к тебе, как старая собака, которая захотела искать пирог в воде. Люди! Звери! Но не уйду я в потусторонний мир, пока не увижу, какая кара настигнет вас за все насилие! — волоча по земле палку с отметинами о своих батрацких днях, Таулан вышел со двора на улицу.

Исмаил вздохнул:

— Правильно сказал Таулан. Как только Тогузак поклялся на Коране, но не вслух, я понял, что и эфенди перешел на его весы. Что-то он схитрил, ей-право! Все эти господа на одну колодку!

— Не тарахти как мельница, работающая вхолостую! — Биймурза ткнул пальцем в сторону Исмаила и пошел в правление.

Кто-то крикнул:

— Суд идет!

И все кинулись в залу. Джантемир просунулся позади других, Касым — за ним. И снова встал в дверях.

Никого, кроме Тогузака, не порадовало решение суда: арык проходит по землям господина Каншаубия, действия Тогузака, запрещающего самовольно пускать воду на сенокосы аульчан, вполне обоснованны. Никакая драка на арыке недопустима.

Об этом и объявил Крымгерий — торжественно и важно, поглаживая бороду, которая напоминала двухлетний сорняк на солнце-пеке.

— Выходит, воду нам надо вести по небу? — не удержался Аслан. — И как это Каншаубий еще не догадался перегородить Кубань, коль она протекает по его земле?

Биймурза подошел к Аслану, зло глянул на него:

— Помолчи, джигит! Накличешь беду! Закон надо уважать. Обратиться к господину Каншаубию никто не лишает вас права. Но по-хорошему, а то — посажу!

Кто-то из жалобщиков протиснулся к эфенди:

— Скажи, это решение справедливо?

— Землю, воду и воздух аллах разделил сам, я не могу вмешиваться в его дела... — он поднял высоко палец, как при чтении молитвы, и вдруг ткнул им в стол, рядом с Кораном.

Люди стали покидать залу. Тогузак шепнул Крымгерию, вытирая платком лицо, блестящее как жирный куриный бульон:

— Вы потрудились на славу, день на исходе. Князь приглашает судей откусать за его столом. Только не мешкайте, боза у него так настоялась, что готова вдребезги разнести бочку!

Судьи, а за ними Мухаммат-Амин и секретарь Тохтар, двинулись к просторному дому Каншаубия, который возвышался над аулом.

А во дворе все еще шел спор: идти или не идти на поклон к князю?

Аслан горячо отговаривал людей от этого шага. Ему у Каншаубия делать нечего, он может только показать перебитую руку. После того, как судьи — слуги закона, и эфенди — слугитель аллаха, намеренно присудили дело в пользу Каншаубия, жаловаться поздно. Нам некуда больше прислонить голову, остается лишь открытая борьба, к которой призывал Семен:

— Берите колья! Запросто мы не дадим пролить нашу кровь! А воду добудем!

Шымайыл гнул свое: теперь еще не поздно идти к князю, как советовал Биймурза. Мы жаловались не на него, а на Тогузака. А если возьмем колья, то мигом окажемся в тюрьме, где Темурка, Бийнегер и русский. Аслану хорошо, он холостой, а как быть тем, у кого плачут дети?

— Кто идет со мной, не задерживайтесь, пока день не кончился, — крикнул Шымайыл.

С Асланом пошли те, кто не захотел идти; к князю Шымайыл повел другую половину.

И на дворе, где только что был гвалт, стало тихо. И рыжий петух секретаря Тохтара стал скликать кур к разбросанным по двору крошкам гырджына...

Поход к Каншаубию ничего не дал.

Жалобщики долго стояли в нерешительности перед воротами, разговаривая вполголоса. И долго обсуждали, кому идти во двор к князю!

Наконец Каншаубий появился на балконе с плеткой в руках и подал знак просителям войти во двор.

Он выслушал сбивчивую речь Шымайыла,

покачиваясь на каблуках, и сказал, словно резанул:

— Чего вы ходите, что вам надо? Суд решил все как положено. Перевезите сено в мой сарай, потом поговорим о вашем деле!

Но не нашлось охотников унижаться перед ним во второй раз.

Джантемир, вспомнив о Канамате, начал мучиться: сколько времени потерял зря и не сбегал на ток предупредить парня, что Касым придет, как сказано.

Суд ему не понравился. «С самого раннего утра не могли решить такое простое дело, — думал Джантемир. — Слепому видно, что этот Тогузак — сторожевая собака Каншаубия — оставляет их без воды, ломает руки, пробивает головы, каждый день творит насилие. Да разве можно терпеть такое?»

А теперь ему надо ждать, пока эфенди вернется от хлебосольного Каншаубия.

Он вышел на берег Кубани, опустил в воду ноги, обутые в ссохшиеся чабыры, и — задумался.

Его раздумья прервала птичка, похожая на дрозда, но с коротким хвостом. Черная на спине, бурая на боках, с белой грудкой, она ловко перескакивала с камня на камень. Вдруг нырнула в воду и показалась с маленькой рыбкой в остром клюве. Это — оляпка, вольная и веселая птичка, ей нет дела ни до суда, ни до эфенди, от которого сейчас висела вся судьба Джантемира.

— Эта птичка — счастливее и умнее меня. Она живет своей семьей и слыхом не слыхала, что у людей бывает развод без права

возобновления брака. Вот бы и мне с Тауджан превратиться в таких птичек: знай себе — летай и не думай о встрече с эфенди! А если этот Мухаммат-Амин не поженит вновь и дознается, что я захожу к Тауджан, — не миновать ей позора! Лицо ей вымажут сажей, посадят на осла и повезут по аулу. Нет, надо все сделать законно, по шариату. Дождаться эфенди и поговорить с ним с глазу на глаз. И зачем только шайтан толкнул меня на этот развод? Языката, во рту у нее перец. А какая женщина не похожа на балаболку? Не было у нее детей? А может, я виноват!

Джантемир оглянулся: почему-то по берегу, вдоль Кубани, прохаживался Касым. Но с ним дело сделано. Теперь скорее в аул, не пропустить бы эфенди!

Мухаммат-Амин вскоре показался на бугре: он шел от Каншаубия довольный, как теленок, хорошо обласканный матерью.

— Эфенди! — бросился ему наперерез Джантемир. — Целый день дожидаюсь тебя. Я хочу помириться с женой.

Мухаммат-Амин, видать, напился бозы у ханского сына и крепко закусил: он был в отличном расположении духа и соображал хорошо.

— Развод-то мы сделали без возобновления семейной жизни, Коран иначе не велит. Так ведь?

— Точно. Но жить без Тауджан я не могу!

Эфенди приосанился, стал перебирать четки:

— Сделать заново обряд венчания очень сложно. Твоя жена должна переночевать с кем-либо из мужчин.

Джантемир побагровел:

— За измену я оторву ей голову!

— Это ни к чему. В Писании прямо сказано: женщина, получившая развод без права возобновления семейной жизни, должна изменить мужу, если хочет вернуться к нему.

— Эфенди, ну кому нужно такое грязное дело?

— Так велит шариат. Я лишь исполняю его волю, — эфенди навесил четки на шею, поправил палку с крючком на плече, давая понять, что разговор окончен.

Джантемиру позолотить бы ручку эфенди, как говорил Канамат, но ни в кармане, ни в доме не было у него ни гроша. Он отчаялся, и пошли у него круги перед глазами. Пока Джантемир пришел в себя, Мухаммат-Амин уже отдалился.

— И нет никакой другой возможности? — крикнул бедняк вслед эфенди.

— Брат мой, — обернулся эфенди. — Ну сколько можно говорить об одном и том же?

— Поглядел бы ты в Коран, вдруг там есть иной выход?

— Нет. Я все сказал тебе точно.

— Люди говорят: когда очень стараешься, и слепым глазом что-то увидишь. Сделай, эфенди, какая тебе польза от моего мучения?

— Шариат, Джантемир! Этим все сказано. Волю его надо исполнять покорно и с радостью.

— Какая нужда шариату превращать в головешку такого бедняка, как я?.. Мы с тобой одни, эфенди, сделай, прошу тебя! Если захочешь, ты все можешь!

— Откуда ты взял?

И Джантемир сорвался

— Чего говорить зря! Сегодня Тогузак дал ложную клятву, ему надо было всплунуть. А ты про себя прочитал молитву, чтобы отвести беду от Тогузака. И с него — как с гуся вода! Файруза забеременела от шейха, ты ей дал напиться святой воды, и она отошла на тот свет: смертью прикрыла грех. Ведь и Кандаура ты сделал святым не по шарияту, — мы-то знаем, что он зарезал Хамита. Есть, видно, и другие дела, которые ты ловко обделываешь. Только я это все выкину из головы, если вернешь мне Тауджан!

Все это Джантемир сболтнул зря, не смог удержать язык. Может, эфенди и пожалел бы его. Но когда понял, как этот бедняк сильно озлоблен его «делами», — сорвался. Снял с плеча палку, ударил ею камень под ногами:

— И ты — шайтан, принявший облик человека! Уйди от меня, грешник!

Эфенди пошел быстро и не все слышал, что кинул ему вслед Джантемир:

— Ты только стараешься для Кыямата и Биймурзы! Шевельни они пальцем, ты найдешь для них двадцать шариятов!

Неожиданно подошел Касым:

— Хорошо ты его отбрил. Теперь от него добра не жди!

— Да иди ты, друг! И что ходишь за мной по пятам? У меня своя доука! — крикнул Джантемир и пошел по улице.

Чего он только не передумал в этот час? Мухаммат-Амин — бабник. Он так говорит, чтобы самому переспать с Тауджан. И него-

дй эфенди -- от него все зло в ауле, и всякую подлость прикрывает он Кораном!

Ему почудилось, что Мухаммат-Амин завернул в улицу, где жила Тауджан, и припустился бегом. Забыв про все, кинулся к жене в дом. Оглядел все углы и, выбегая, крикнул:

— Еслипустишь его, перережу глотку обоим!

Тауджан не поняла, о ком шла речь. Бросила в угол шерстечесалку и выскочила на улицу, но Джантемира и след простыл. Хотела спросить у ребяташек, но постеснялась. Дома заперлась на засов и горько приговаривала:

— Да что с ним? Да что с ним? Аллах его сохрани!

Джантемир примчался на ток, еле дыша, и только там стал приходить в себя. Канамат закончил за него всю работу: просо ссыпал в два кожаных мешка, сложил солому и теперь отдыхал под арбой, возле ослика и бычков.

— Прости, друг, что задержался, — выдал он, тяжело дыша. — Касыму все передал, он обрадовался тебе.

Джантемир подошел с деревянной чашкой к ручейку и трижды выпил залпом:

— Спасибо тебе за работу, я бы тут возился до этого часа, — он снова наклонился к воде.

— Ей-право, где-то ты крепко наугощался, коли так жадно пьешь!

— Моему угощению не позавидуешь, — он безнадежно махнул рукой. — Занимался пустыми делами, зря потратил время. И расска-

зывать не хочу: зачем мои заботы перекладывать на твои плечи?..

Солнце тем временем уже прилепилось к горе, чтобы скрыться и привести ночь. Синеватые облака, подгоняя друг друга, ловили последние лучи солнца и на западной стороне полыхали как забор горящего дома.

Джантемир подал Канамату чашку айрана с куском лепешки:

— Больше ничего нет. Пей и ешь, а я буду собираться.

Ослик топтался на месте, торопясь домой, когда Джантемир, упершись в изгородь и держа в зубах конец веревки, подтягивал заднюю подпругу и приговаривал:

— Была бы у нас хозяйка, она встретила бы тебя с картофельной шелухой и просяными отрубями. Да как бы не так, серый! Дома у нас только пук соломы, что я выбросил из чувяков. Осиротели мы навсегда! Да стой ты, не летошись!

Приторочив мешки, он вывел бычков, за ними ослика, повернув его головой к проему в изгороди, поддал ногой под зад. И пошел следом, погромыхая чашкой, привязанной к поясу:

— Касым скоро будет. Пусть дорога, по которой ты отправишься, будет устлана ватой. Прощай пока!

Но горькие думы не оставляли Джантемира по дороге домой, как стая оводов в жаркий день. Скачущего коня не сдержать уздечкой. Седок должен ухватиться за гриву, чтобы не упасть, а конь пусть мчится, он утихомирится сам. И Джантемир был подобен такому седоку. Только держался не за гриву

скакуна, а за уздечку на ослике. Но шел словно в каком-то ином мире, где есть одни лишь видения:

Вот — Тауджан. Она с пряжей белой шерсти, намотанной на руку. Вот ее глаза — черные, как угли, печальные, как у раненой лани. Вот ее брови — они тонко прочерчены, как пером из обгорелого камыша. Она сидит на завалинке, к ней подходит Мухаммат-Амин с оловянными глазами злодея. Он перебирает четки и говорит:

— Муж твой перестал быть верующим, он не подчиняется шариату и доставляет тебе страдания. А ты все-таки ждешь его. Пойдем в дом, я подскажу тебе, как вернуть его.

Эфенди обнял Тауджан и повел ее в дом.

— Ты этого хотел, старый хрыч! — Джантемир схватил сосновое полено и замахнулся на эфенди... Тут и кончились видения: он споткнулся о камень и лежал на берегу арыка, из-за которого сегодня шел суд. Вода в нем едва струилась.

Придя домой, он отпустил бычков пастись, ослика привязал к крыльцу, не сняв мешков, и побежал в аул, к дому эфенди. Мухаммат-Амин стоял во дворе с Кыямагом, голова к голове, и о чем-то шушукался с богачом.

Немного успокоившись, Джантемир вернулся домой, загнал бычков, которые бродили возле чужих сараев. Снял мешки с ослика, пустил его по двору. Почувствовал, что проголодался, но очаг не разжег и не дотронулся до гырджына, лежащего на полке. Скинул черкеску, чабыры и завалился на деревянную кровать, оставшуюся еще от отца.

И тут по балке пробежала ласка. Чего она

привязалась к его дому, он не знал. Ходила она каждую ночь, но взять ей было нечего: Джантемир не держал кур и мясом давно не пахло у него в кладовке.

В другие ночи он не обращал внимания на эту гостью. Но сегодня она как бы напомнила, что спать не годится, что Мухаммат-Амин и в темноте сможет найти дорогу к его Тауджан.

Джантемир цыкнул на зверька, тот унесся так быстро, что на кровать посыпалась глина. Достал из-под подушки кинжал, сунул его за пояс короткополого бешмета; надел черкеску, надвинул на глаза шапку. Взял бурку.

Крадучись пробрался на крышу сарая Темушки, откуда хорошо был виден дом Тауджан, и просидел до тех последних петухов, которые возвестили приход нового дня...

Одна за другой стали зажигаться звезды. И, как в хорошей отаре, звезда — Пастух повела их за собой по горизонту, слева направо.

Где-то прокричал осел, встречая ночь. Старики, засидевшиеся на завалинке, начали расходиться по домам. Шли они по-хозяйски: кто-то затащил в сени седло осла, оставшееся во дворе, кто-то сунул под крыльцо старый таз. И, скрипнув входной дверью, расположились у семейного очага.

Кыямат одиноко бродил по своему новому большому дому, прислушиваясь, что делают слуги, готовясь к ночлегу. Но перед сном он любил навестить старый дом с глиняной крышей, который остался еще от отца и сто-

ял в саду, неподалеку от нового. Вышел во двор: из трубы родительского дома вылетали и скоро гасли искры из очага.

— Опять старая сильно распалила очаг. Того и гляди — пожар начнется!

В большой комнате, где лет шестьдесят назад висела люлька, в которой спал под песню матери маленький Кыямат, горела в светильнике керосиновая лампа без стекла. Копоть от нее вытягивалась через трубу очага.

Джантемировна, не ожидая прихода мужа, сидела на его почетном месте, на подушке из неочищенной шерсти, и шипцами шевелила сосновые дрова в очаге. Рядом с ней развалился на ковре Токал и его мамаша — старая женщина с поседевшими усиками под крючковатым носом. Видать, они перекусили: остывший чайник стоял на земле, возле него — пустая железная тарелка. И, надо думать, наговорились вволю: Токал уже тормозил мать, звал ее домой. Но седоусая не торопилась: не хотелось ей уходить без подарка.

Когда вошел Кыямат, все трое вскочили с мест, жена уступила ему подушку. Он зажег большую лампу, чтобы лучше видеть гостей.

— Твой отец, Токал, дальний мой родственник, тоже не любил сидеть в темноте. Да и чего жадничать: на керосине не прогорим!

Токал улыбнулся, вытянулся как струна.

— Ты стал джигитом, — сказал ему Кыямат. — Когда ударил камнем того гяура, я был рад за тебя... Говорил я, — он обернулся к жене, — даже самый наш дальний родственник не может быть плохим человеком... Садись, Токал, в ногах правды нет.

Все сели в кружок.

Седоусая быстро сообразила, что Кыямат не зря сказал хорошие слова, и запричитала:

— Отец моего сына, отдавая душу аллаху, наказывал, — держись, мать, подола черчески Кыямата. И, слава аллаху, сын вырос преданным тебе. Мальчик день и ночь бредит твоим именем... Только с тех пор, как он привязался к тебе, никто из соседей со мной не здороваются, все шарахаются, как от чесоточной. Это козни Мёлехан: она всем плачется, и люди от меня отворачиваются. В чем я виновата? Темурка сам наелся соли, а теперь пьет — сидит в тюрьме. Научи, как быть, чтобы не пострадать напрасно?

Во дворе завыла собака. Мать Токала сказала не к месту:

— Пусть твой дом сгорит! Вой для своего дома! Это, наверное, пес Темурки?

— Нет, это моя собака, — насупился Кыямат. — И тебе не надо болтать лишнего. А что исполняешь волю покойного мужа, это — похвально. Токала я люблю и не хочу отличать его от своих детей. Он молодец, что пустил камень в гюра, а не в Темурку. Иначе бы Темурку разорвали люди на куски, а я ему никогда не желал зла... Ну, ночь зовет нас в постели, надо прощаться. Ты, невестка, заходи в любой день, двери для тебя распахнуты. Только об одном прошу, держи уши открытыми. У состоятельных людей много недругов. Эфенди мне говорил нынче, что и бедняк Джантемир несет всякую чушь, и Мёлехан бежит по аулу, как кошка с горящим хвостом. Услышишь что, беги ко мне.

Кыямат заметил, что Токал, почти не слушая его, чаще стал ковырять в носу, поглядывая на дверь.

— Иди, мать, в кладовку, одари, чем аллах послал, бедных родственников. Они нам опора, — сказал Кыямат жене и стал шевелить поленья в очаге.

Джантемировна поднялась нехотя. Зажгла еще одну лампу, взяла ее с собой и вышла. В кладовке она копалась долго: дать мало — неудобно, дать много — жалко. Целую головку сыра отдать пожалела, — отрезала половину. Положила на тарелку рядом с сыром кусок вяленой баранины. И вернулась, когда Токал с матерью уже стояли у двери. Седоусая молча завернула подарок в узелок, поклонилась.

И гости ушли.

— Ты их приваживаешь, — буркнула Джантемировна. — Мало ли таких голодных, они все вынесут из кладовки. Тоже мне — родственнички!

— Говорят, когда идешь быстро, нога может попасть в грязь. Так что ты не торопись. Пусть Токал верит в родство с нами, он мне пригодится. Сама видишь: этой осенью бедняки сошли с ума. Они озлобились против меня, эфенди и Каншаубня. Узнать, что они думают, можно только через Токала, его еще многие считают другом. И подкормить его следует. — другого такого и не сыщешь среди голоштанников. Когда этот русский начал говорить, я только мотнул головой, как Токал свалил его камнем с ног. Таких людей надо приручать.

Джантемировна и соглашалась с мужем, и

злилась, что надо раздавать продукты: она была жадна. И, позевывая, спросила:

— Не пора ли ко сну?

Огонь в очаге погас, в дымоходе можно было разглядеть звезды.

— Пойдем, — ответил ей Кыямат.

Вдруг во дворе кто-то приласкал собаку.

И послышался окрик: «Ойт!» Кыямат с женой переглянулись, — кто бы мог явиться к ним в такой час? Окрик повторился. Кыямат открыл дверь, вышел во двор. В темноте показалась чья-то фигура.

— Кто там и что тебе нужно в такое время? — недовольно спросил он.

— Не устраивай допрос на улице. Войдем в дом, там узнаешь.

Кыямат пропустил вперед нежданного гостя, но и на пороге не признал его.

— С глаз долой, из сердца вон! Когда я сделал твоего сына святым, ты был приветливее. А теперь, по старости, и память отшибло?

Он подошел к очагу, поклонился Джантемировне:

— Муж твой забыл Абдул-Кадыра, а ты небось помнишь? — и сел на почетное место хозяина.

С недоброй улыбкой подошел к нему Кыямат:

— Вот уж не ожидал встретить тебя в таком запущенном виде. Чего так оскудел?

— Чужая одежонка, свою пришлось бросить. Был в соседнем ауле, собирал женщин на изъйн — читал им нравоучения. А они, дуры, начали думать, что я хочу играть с ними в любовь. Пошли слухи. Пришлось оставить

в спешке чолпан и чалму. Вот и подался к старым знакомым.

— Плохо, что явился. Аллах, может быть, на тебя и не сердится, но есть такие, как Касым и Батал. Они клянутся, что проломают тебе голову, как только увидят в ауле. Наш общий друг эфенди целый месяц во время джума — ночного намаза — говорил, что святой ушел, рассердившись на аульчан, и заставлял замаливать этот грех. Теперь люди стали забывать тебя и показываться им нельзя. Так что уходи, как пришел: гость, который долго задерживается, оставляет недобрый след!

— Так я на одну ночь! Взять у эфенди одежду, а у тебя деньги.

— И много ли надо?

— Ухожу далеко, нужна тысяча. И прощаемся навсегда.

Кыямат вздрогнул:

— Ты что? Огня, что ли, наелся? Где я ночью найду такие деньги! Уходи, уходи, а то я людей кликну! Одно мое слово, и от тебя останутся клочья!

— Не будь дураком, Кыямат! Если я до рассвета не выберусь из вашего аула, то завтра, оберегая свою грешную шкуру, мне придется сказать людям, как твой Кандаур сделался «святым». Иди, раскрой свой черный сундук, достань деньги. Я пока схожу к эфенди, — Абдул-Кадыр хлопнул дверью.

— Обойдешься и «катеринкой»! Тысяча рублей! Не на того напал! — крикнул ему вслед Кыямат.

Когда же «шейх» возвращался от Мухамат-Амина с большим узлом на плече, а Кы-

ямат, скрежеща зубами, сидел возле очага, держал в руке сторублевую бумажку, заскрежетал зубами и Абдул-Кадыр:

— Жадина! Не я ли уберег тебя от расправы бедняков, которые давно зарятся на твоё богатство! А ты суешь мне «катеринку»?!

Разговор оборвался. На улице что-то грохнуло, охнуло и замолкло. И кто-то очень быстро промчался к окраине аула...

Токал, хорошо поужинав, вышел перед сном во двор по малой нужде. Он поглядывал на золотистую россыпь в звездном небе и размышлял, как теперь пойдёт его жизнь, коли сам Кыямат признал его родственником.

Но тут тяжёлый камень, просвистев, больно ударил его в затылок. Токал пошатнулся и упал.

Спустя какое-то время, седоусая его мамаша спохватилась, где сын, и вышла во двор, — он валялся в луже крови, слабо дыша.

К сожалению, удар не был смертельным...

Вечер Касыму казался очень долгим. Краткие горные сумерки перешли в ночь, однако жизнь в ауле не затихала. Кто-то, кряхтя, волочил по земле ветки, заготовленные днем и спрятанные от лесника в густых зарослях барбариса на берегу реки. Кто-то покрикивал на быков, которых поздно гнал домой, задержавшись на току. Во дворах женщины выливали помои и кричали на детей, еще не уgomонившихся после игры вечером.

И не все еще старики расстались с завалинками, встречая первые звезды.

Когда же все затихло, Касым заглянул во двор правления, где была каталажка: у ее двери прохаживался один часовой. Смена его ужинала в маленькой караулке и готовилась ко сну: часовые, в одних рубахах, допивали чай.

Касым все это взял на заметку и отправился к надгробному камню, возле которого Ибрахим «расправлялся» с приставом, Кыяматом и Биймурзой. Подошел тихо, но Канамата не увидел. И опять плохо подумал о Джантемире: «Уж не по его ли навету схватили его?»

А Джантемир в это время, завернувшись в бурку, сидел на крыше сарая у Мёлехан и зорко следил за домом своей Тауджан.

Показалось Касыму, что мелькнула чья-то тень за кустами барбариса. И он подал голос:

— Алан, не видал ли здесь серую корову?

— Она пощипала траву возле чужой изгороди и, протяжно мыча, ушла к аулу.

— Не смейся, Канамат, это — я! — Касым кинулся к другу и порывисто обнял его. — Жив? Слава аллаху!

— Я тебя заждался. Догадываешься, зачем я здесь? Хочу освободить Темурку, Бийнегера и русского. Бадимат я дал слово, что отца вызволю. Могу надеяться на твою помощь?

— Лишние слова, Канамат! Я уже сам говорил Мёлехан, что сделаю налет, как только вернется Батал. С ним бы сподручнее, — он ловкий. Но и вдвоем все сделаем. Я сейчас был возле тюрьмы, там тихо, ходит с бердан-

кой один часовой. Будь он любым силачом, я с ним справлюсь. А тебе придется ломать замок, вот тебе железный брусок, — Касым вынул его из гетры и подал Канамату. — Одно меня беспокоит: куда смогут убежать арестованные, ведь на ногах у русского кандалы. В ауле не оставишь, придется как-то переправлять их к тебе.

— Ну, дело покажет. Главное, — вырвать из тюрьмы. Пошли!

По дороге Касым сказал:

— Боюсь, что Темурка не захочет уйти из аула, оставить Мёлехан одну. Да и плох он, сильно болит нога.

— Может, спрячем его в ауле?

— *Думал я об этом. В спешке не будем долго искать место, спрячем в моем старом сарае. Он — в стороне, туда никто не ходит. По ночам сможет навещать его Мёлехан...*

Никого не встретив по пути, Касым и Канамат подошли к каменному забору, которым был обнесен двор правления. Добраться до часового можно по забору. Но за дальней стеной забора — там она была деревянная — стоял школьный дом. В нем светилося распахнутое окно, и по комнате расхаживал учитель Ташалдыр, изредка заглядывая в книгу, что лежала на столе: видно, он готовился к уроку. Напасть на часового мешал свет, да и свидетель в таком деле не годился. Но отсвет огня в доме учителя помогал рассмотреть, где и как ходит часовой. Делал он шагов двадцать от каменного забора вдоль каталажки до запертой калитки, и — обратно. И дважды останавливался: возле окна тюрьмы и возле калитки.

Крыша тюрьмы лишь немного возвышалась над каменным забором, и подняться туда было нетрудно.

Теперь оставалось дожидаться, когда Ташалдыр закроет окно и погасит свет.

Канамат оперся спиной о стену и задумался. Сколько раз в детстве он, голопузый, бегал по этому каменному забору, прятался от Бийнегера, Касыма, Токала и Батала и во дворе правления, и в кустах — в закоулке, куда выходил школьный дом. Мать разыскивала его с трудом. Он упирался и скулил, а она, сердясь, давала ему подзатыльник. Как все это было недавно! А теперь он абрек, и дорога в аул ему заказана.

Одно лишь удивляло Канамата: почему нет другого часового? Неужто Биймурза ничему не научился после первого налета? Или тут какая-то хитрость, другой часовой спрятан так, что его не видно, а он видит все и бросится на помощь товарищу, как только на него нападут.

Шепотом он сказал об этом Касыму.

— Я хорошо глядел: другого караульного нет. Прошло уже пять недель, как ты увел Бадимат. Биймурза посылал стражников искать тебя, они не нашли. Вот старшина и успокоился: он думает, что вы сбежали далеко, к примеру, в Грузию. И никак не ожидает тебя сегодня.

— Хорошо, если так, — тихо ответил ему Канамат...

Пока Канамат и Касым томилась от безделья, проклиная в душе полуночника Ташалдыра, обитатели тюрьмы строили свой план побега.

Бийнегер подсел к Семену и стал говорить, путая русские слова с карачаевскими:

— Надо уходить. Чтоб твои кандалы не звякали, обернем их соломой из чабыров. Потом я попробую разобрать печку и вылезть на крышу через дымоход. Я среди вас самый тощий. А там прыгну на часового и открою вам дверь.

— Уж больно просто у тебя получается, — буркнул Темурка. — Ну, вылезешь на крышу, — допускаю. И на часового можешь прыгнуть, если он тебя не застрелит раньше. А чем замок собьешь?

— Штыком сломаю дужку!

Семен молчал. Но сама мысль о побеге не давала ему покоя. Апанас признал в нем беглого арестанта, теперь затаскают его по тюрьмам. Да и товарищей надо спасти.

Он подошел к окну и поглядел на часового.

Бийнегер решил, что Семен одобрил его план. Он снял чабыры, велел снять и Темурке. Вдвоем они сплели три тонких жгута, обмотали ими кандалы. Но соломы не хватило. Семен снял с себя нижнюю рубашку. Ее разорвали на клочья и пустили в дело. И кандалы перестали звякать.

— Темуркан, становись к окну, — командовал Бийнегер, — и давай знать, когда часовой будет далеко. А ты, Семен, принимай у меня кирпичи.

Вынули кирпичей тридцать, через дымоход стали ясно видны звезды. Бийнегер просунул голову и тряхнул плечами: им было тесно. Сбросил черкеску. Не помогло. Разделся до пояса и, сдирая кожу на плечах, кое-как вы-

лез на крышу. Но не рассчитал, что труба у самого края, сорвался и плюхнулся наземь, в пяти шагах от Касыма.

Тот не стал раздумывать и кинулся как пантера. Он схватил прыгуна за глотку, начал его душить. Но удивился, почему тот голый, и отпустил руки. Теперь прыгнул Бийнегер, клещами вцепился в его горло, сбил с ног. И они покатались клубком, поднимая пыль. Касым все же ухитрился достать кинжал. Еще бы мгновение, и острая сталь воткнулась в живот Бийнегера.

Но тут послышалось, как кто-то осторожно сбивает замок с тюремной двери. Бийнегер отскочил от Касыма, заплетая ногами, перекинулся через калитку, споткнулся обо что-то мягкое. Дверь в тюрьму раскрылась, кто-то чиркнул спичкой и осветил каталажку.

— Друзья! Так это же Канагат! — задыхаясь от волнения и недавней драки, вымолвил Бийнегер. И бросился другу на грудь.

— Алан! Мы ж с тобой чуть не убили друг друга! — подошел Касым и кинулся обнимать Бийнегера.

— Хватит, друзья! — заторопился Канагат. — Надо уходить.

Когда часовому связали руки и заткнули рот кляпом, Канагат приказал ему:

— Будут допрашивать, ничего о нас не говори. Скажешь только: оглушили по голове и я ничего не помню. Иначе в ауле тебе не жить. Дверь я запру на задвижку, отдыхай до смены. Аланла! Быстро к воротам, нам нельзя задерживаться! Он взял винтовку часового.

Внятером вышли за ворота. Остановились, прислушиваясь. И, сторонясь большой дороги, повернули на тропу вдоль Кубани.

Когда проходили неподалеку от дома Темурки, Канамат остановился:

— Нет нужды тащить в горы моего больного тестя. Если Темуркан хочет остаться в ауле, так и сделаем. Касым нашел для него хорошее укрытие, там и переждет, пока мы не придумаем другой выход. Забирай, Касым, Темуркана, а сам — до рассвета — отправляйся в кошару к Баталу. Ну, прощай, отец! — он обнял Темуркана. — Сиди в сарае как мышь, никому, кроме жены, не показывайся.

Все горячо попрощались с Темурканом. Расстроженный старик сказал Канамату:

— Я буду ждать весточки от тебя. В ауле мне теперь тесно, надо куда-то бежать. Береги себя, не обижай девочку, — за что ей такие страдания? И уважай Семена — он мой верный друг. Даже помирая, я буду помнить его доброту и справедливость. Будь здоров, товарищ! — он обнял и расцеловал Семена. — Ты для меня, как свет в окне!

Бийнегер обнял Касыма, шепнул на ухо:

— Чуть-чуть ты не вспорол мне живот! Ну, будь счастлив!

Теперь они шли втроем. Чтобы меньше мешали кандалы, Семен привязал к середине оков сыромятный шнурок от чабыров и закрепил другой конец у пояса. И стал регулировать руками натяжение кандалов, чтобы они не били по ногам.

Когда миновали мост и стали лесом подниматься в горы, звезды начали блекнуть, и

скоро показалась молочная полоса рассвета. В последний раз оглянулись на аул. Там слышался скрип арбы на большой дороге и сердитый окрик возницы: видимо, его ослик не очень быстро перебирал ногами. Из ближайшего к реке квартала утренний западный ветерок доносил приятный запах свежего гырджына. Беглецы ощутили острый голод. Но даже у Канамата не было в кармане самой маленькой корочки.

По каменистой горной тропе идти в кандалах было неважоготу. Но Семен поддерживал себя песней, которую слышал когда-то в камере: «Отвага мед пьет и кандалы рвет!» Хорошо бы сбить эти оковы, они уже начали больно натирать лодыжки. Но если сбивать замки камнем или железной колодкой, что торчала за гетрой Канамата, или ложей винтовки, висевшей у него на плече, провозишься не один час. А нужно спешить.

Добрались они до пещеры, когда в ауле уже подумывали об обеде. Уселись на широкий замшелый камень. Канамат трижды легонько свистнул. Из пещеры осторожно выглянула Бадимат и сейчас же опустила жердь.

Канамат привычно, ловко поднялся по ней в пещеру. За ним — Бийнегер. А Семену пришлось бросить веревку: ему очень мешали кандалы.

Семен огляделся: вытянув ноги возле тлеющего очага, кто-то, накрытый шкурой косули, досматривал последний сон. Бадимат была бледна и красива, как девушка из сказки, с длинной черной косой ниже пояса. Только не успел он рассмотреть ее глаза, — она ста-

рательно отводила их в сторону. А пещера напомнила ему шахту на руднике, где он работал с Темуркой, только под ногами не хлюпала вода.

— Ложитесь отдыхать с Бийнегером, пока я приготовлю завтрак, — сказала Бадимат Семену, почему-то неприязненно оглядев его фуражку и куртку, надула губы и пошла к выходу. Канамат — за нею.

— Где отец? — сурово спросила она, смахивая с глаз набежавшие слезы. — Я послала тебя не за гяуром. Ты обещал привести отца, что с ним? — плечи ее вздрагивали.

— Я освободил Темуркана. Но у него больная нога, и мы пока оставили его в старом сарае Касыма. Мёлехан будет его кормить. А ты не веди себя дерзко. Гости устали, они голодны. И будь поласковее с Семеном.

— В сказке говорится: змея не любила смородину, а ее кусты росли над самой змеиной норкой. Так и со мной. Я ненавижу гяуров, а они рядом и на каждом шагу делают мне зло. Меня арестовали, отца посадили в тюрьму!

— Кто бы ни был гость, встречать его надо с открытым сердцем. Этот закон гор ты знаешь не хуже меня.

— Я его не прогоню. Но быть с ним ласковой не могу.

— Зря. Отец, когда мы прощались, обнял и поцеловал этого русского. И приказал оберегать, как его самого. Семен работал с отцом на руднике, и там они подружились. Он вступился за Темуркана в последний день оразы,

когда Кандаур объявился святым, а Токал поранил ему голову камнем. Он сидел вместе с отцом в каталажке. Этот гяур лучше любого мусульманина, который хочет нам зла.

— Но ты же не меньше моего не любил гяуров. Что ты так быстро переменялся?

— Темуркан мне объяснил: гяур гяуру — рознь. Те, которых мы ненавидим, — начальники, богачи. А Семен — рабочий, такой же бедняк, как мы с тобой.

— Запутал ты меня. Ну, да ладно, как-нибудь разберусь. А вы небось помираете с голоду? — она подняла ветерок подолом платья, скрылась в пещере и начала хлопотать возле очага.

— Не забывай просьбу отца! — напомнил ей Канамат, засунул топор за пояс, взял ремень из сыромятной кожи и отправился за хворостом.

Находясь в пещере с Бадимат, он старался, ухватив в лесу хоть малую охапку хвороста, быстрее возвратиться: ни на миг не покидала его мысль, что кто-то может причинить ей зло, когда его нет рядом. А сейчас можно не опасаться: в пещере друзья.

И спускался он к лесной опушке весело, что-то мурлыча, и поглядывал вокруг широко раскрытыми глазами. Со стороны могло показаться, что молодой карачаевский джигит просто прогуливается по горной узкой тропе.

Конечно, лето кончилось, по утрам и ночью было тут совсем холодно. Самые высокие вершины уже надели белые снежные шапки. На Эльбрусе от ветра курился снежок, как при январской поземке. На затененных отрогах скал до обеденной поры держался иней.

А как только солнце заливало эти отроги теплом и светом, иней таял, а над скалами поднимался легкий пар. И всякая мелкая живность начинала свои хлопоты.

Вылезали из норок ящерицы, грелись на камнях, часто дыша, или рыскали взад-вперед в поисках жучков и червячков. На цветы, уже немного увядшие, садились пестрые бабочки. Из-под куста, с лежки выскочил лохматый зайчишка, еще не скинувший всю легкую летнюю шерстку. Но отбежал недалеко и стал столбиком, наострив уши-лопухи.

Выбирая сухие сосновые ветки потолще, КанаMAT провозился не меньше часа. Но рубил дрова он вдаль от тропки, чтоб не оставить свежих следов: абрек — всегда абрек!

Когда он вернулся с тяжелой ношей, Ибрахим сидел возле спящего Бийнегера и вертел в руках маленький кусочек напильника.

— Где взял? — удивился КанаMAT.

— Давно таскал в кармане. Думал — пригодится. У меня и кинжал есть!

— Молодец! А где Семен?

— Спит. Очень он устал. И ноги у него в крови. Проснется, я и ему распилю оковы.

Когда готов был гырджын, испеченный в золе, и закипела вода в казане, КанаMAT разбудил Бийнегера, затем Семена.

Семен протер глаза и увидал Ибрахима:

— О! И ты здесь? Иди ко мне, друг мой, помоги подняться, ноги меня не слушаются.

Ибрахим подбежал к нему, Семен схватил его за руку и крепко прижал к груди.

— А где же мои оковы? — удивленно спросил Бийнегер, широко раскидывая ноги. — Я во сне видел, как они окровавили мне ноги.

— Я спилил их, — улыбнулся Ибрахим, показывая напильник.

Бийнегер вскочил, потопал ногами, покружил по пещере:

— Вот это и есть свобода, друзья! — Круглое его лицо, заросшее черной щетиной, светилось от радости. Он подал руку Семену и помог ему дойти до очага. — Сейчас перекусим и собьем железки с тебя. А Ибрахим — он большой джигит: раздобыл где-то напильник. Где только рождаются такие славные парни?! Хоп! — он схватил кусок гырджына.

Позавтракали быстро. И еды-то всего — по лепешке и по несколько глотков кипятку. Но для беглецов и это была пища богов!

Потом занялись кандалами Семена. Самому Семену даже не дали подержать напильник: по очереди работали Ибрахим, Канамат и Бийнегер, орудуя кусочком напильника и железным бруском Касыма.

Бадимат достала кусок мыла, два полотенца. Канамат потрогал пальцем — горяча ли вода в кумгане, сказал Ибрахиму:

— Помоги Семену и Бийнегеру спуститься из пещеры, — взял кумган, полотенце, мыло, бритву и полез вниз.

Семен с удовольствием умылся, плескаясь водой. Канамат самодельной бритвой из острия косы выбрил ему волосы вокруг ранки на темени, приложил какой-то маслянистый лист с дерева и обмотал голову полотенцем.

А Бийнегер долго не хотел сбрасывать черкеску, бешмет и рубаху, хотя под оборван-

ным воротником выделлись на его теле черные пятна. Уговорил его Семен. Но и он ахнул, когда увидел спину и плечи Бийнегера: синяк на синяке, плохо зарубцевавшиеся раны, содранная кожа на плечах.

— Что на плечах, то содрал сам, когда дымоходом выбирался из тюрьмы на крышу. А синяки и раны — это Биймурза саблей. Попадется он мне, я с ним поквитаюсь!

Канамат изменился в лице и отвернулся: не мог он видеть кровавые раны на спине друга.

Семен взял у него кумган, осторожно смыл с плеч сажу. Затем концом полотенца вытер воду вокруг кровавых рубцов. Ибрахим принес листья дерева и наложил на те места, где еще виднелась кровь. И помог Семену обмотать Бийнегера полотенцем и натянуть рубаху.

— Руки целы, Биймурза еще узнает их силу! Спляшет он у меня на горошине! То-то будет праздник на всей нашей бедняцкой улице. — Он нахлобучил шапку на глаза Ибрахиму и крикнул: — Догоняй!

И они понеслись по тропе, гикая и смеясь.

Неунываем был этот бедняк. Казалось, забыл он на миг и о побоях, и о тюрьме. Подетски радовался тому, что жив, что скоро зарубцуются раны, что рано или поздно отомстит он своим врагам.

А Канамат повернулся лицом к Эльбрусу. Долго глядел на его сверкающую белую шапку. И зашептал, точь-в-точь как старый Таулан, когда Кандаур зарезал Хамита:

— Клянусь твоей высотой! Плывущими облаками над твоей вершиной! Вековыми

ледниками, что сковали тебя!.. Клянусь слезами сирот, седыми бородами старцев! Я жестоко отомщу за все эти издевательства! Ты слышишь меня, могучий Эльбрус?..

Ибрахим стоял рядом ошеломленный, раскрыв рот.

— Запомнил, джигит? — спросил Канамат. — Эльбрус все видит, все слышит, только не может крикнуть, чтобы горы упали на головы насильников... Возьми кумган и мыло, пойдем к Бадимат, она заждалась нас... А придется тебе давать клятву, повернись лицом к Эльбрусу и поведай ему, что ты должен совершить!..

Дом Биймурзы — с голубой крышей и такими же окнами по фасаду — возвышался на пригорке. К нему вела невысокая каменная лестница. Возле нее рано поутру собирались просительницы со свертками в руках. Каждой хотелось поговорить с Биймурзой, пока он не уехал в правление.

Сегодня их собралось человек десять. И все они с нетерпением поглядывали на балкон, где обычно появлялся старшина утром, позевывая и лениво почесываясь. По всей стене балкона висели чучела — оленьи головы — знак охотничьих трофеев хозяина. И когда Биймурза был в отличном настроении, он их оглядывал, что-то бормотал и начинал выслушивать просьбы женщин.

Жлать его приходилось долго, и хуже всего было матерям, в которых грудные дети. Не успев покормить малышей до ухода они боялись, что перегорит молоко в груди. И, от-

вернувшись в сторону, выдавливали его на землю. ✓

Кто-то из них сидел, кто-то стоял. А когда из кухни Биймурзы доносился запах масла со сковородки, все облизывали пересохшие губы и глотали слюну.

Наконец показался Биймурза, застегивая пуговицы на бешмете. Позади него, как тень, стоял Мыртаз, на которого и собирались жаловаться женщины. Ничего хорошего это не сулило.

Старшина не справился с пуговицами. И, не выслушав ни одной просительницы, крикнул в горницу:

— Жена! Да помоги же мне застегнуть бешмет!

Джаубековна — женщина еще не старая, рано разжирела на добрых харчах. С бедрами, круглыми, как подушки седла из оленьей кожи, и с отвислыми пунцовыми щеками, ухватила она за пуговицы на шее мужа и быстро застегнула их.

Мыртаз беспокойно поглядывал на старшину, не зная, какую подать ему саблю. Их много висело на длинной стене горницы, затянутой коврами. Биймурза обычно выбирал их по настроению и по обстоятельствам. Предвиделся день без хлопот — он надевал дорогую саблю с золоченым эфесом. В суматошный день он обходился саблей с серебряным эфесом. А когда ожидался нелегкий день — годилась сабля обыкновенного армейского образца, в потертых кожаных ножнах.

У Биймурзы не было желанья с утра принимать такую ораву женщин. И он не вышел к ним, прекрасно зная, что свои свертки они

не понесут домой, а отдадут Джаубековне со слезной просьбой. Она точно знает, что от кого, и на досуге все решит.

Биймурза повертелся перед зеркалом и остался недоволен: после попок по случаю пребывания в ауле пристава Апанаса, его физиономия даже ему не показалась приятной, — под глазами мешки и какая-то противная синева. Морщин на щеках — не счесть, и глаза словно заволокло туманом.

Но он решил, что на свежем воздухе, от осеннего ветерка все образуется, придет в норму, и уселся за стол, где уже стояла еда. Придвинул железную тарелку, на которой лежала вареная голова ягненка, посыпанная зеленью.

Но с этого мгновенья все пошло наперекос. На пороге появился стражник. Он остановился, чтоб не наследить на ковре. Выпучил глаза и выпалил:

— Докладываю, вашескородие, арестанты сбежали! Я пошел сменить ночного, вижу — его нет. Заглянул в оконце, он лежит связанный на полу. Крикнул ему, но ответа не получил: во рту у него кусок черкески... Какие будут приказания?

Биймурза выплюнул кусок мяса, только что отправленный в рот, и заорал:

— Зарезали, сукины дети! Как я теперь покажусь приставу? А ты где был, оглох, что ли?! Ведь они сбивали замок! — старшина подскочил к часовому, с размаху двинул ему в зубы, выбежал на балкон:

— Коня сюда! Да поживее!

Мыртаз выбежал следом. Джаубековна запричитала, выйдя на балкон, как по покой-

нику. Часовой решил: семь бед — один ответ! Выпил стакан водки, оторвал ухо у ягненка и, вытирая кровь с губы, помчался следом за начальниками.

Женщины, что стояли возле лестницы, передали подарки жене старшины, поклонились ей, чтобы она замолвила за них слово перед мужем. И быстро разнесли весть по аулу: Темурка, Бийнегер и русский сбежали.

Биймурза спешил к тюрьме, глянул через окно на связанного часового и закричал на Мыртаза, который запыхался от быстрого бега:

— Что стоишь, как пень! Развязать часового! Я допрошу этого мерзавца!

На шум подошел Кыямат: он направлялся к Каншаубию, где ночевал пристав Федор Иванович. Биймурза взял его под руку:

— Пропал мой дом!

— К чему такие страхи? Что случилось?

— Пока Канамат на свободе, не будет нам покоя!

— Да о чем ты?

— Камера пустая. Думаю, это Канамат освободил своего тестя и двух его дружков. Надо подняться всем аулом, поймать их.

— Я тебе давно говорил: смотри в оба, наживешь беды.

— Теперь Апанас шкуру с меня сдерет. Как думаешь, он уже встал?

— Пожалуй. А что ж ты плохо за своей каталажкой смотрел?

— Сделал все. Кандалы надел на них, выставил часового. Жаль только, что одного.

— Так как же они убежали? Далеко-то,

наверное, никуда не делись, надо ловить побыстрее.

— Сейчас узнаю у часового, кто был? И разошлю всех мужчин аула ловить преступников. Только окажи мне помощь, старый друг!

Кыямат, сощурив глаза, приготовился слушать.

— Скажи Апанасу, — я делаю все! Ты же человек, которому нет равного в ауле, он прислушается к твоим словам.

— Говорил ведь тебе: надо обыскать все пещеры. Поймать этого Канамата. Плохо, что не послушался ты моего совета. Ну, да ладно, выручу! Только в последний раз! — Кыямат направился к приставу.

А по дороге подумал: «Ну, и старшина! Где пахнет кушем, туда кидается, как бабочка на огонь, не помня обо мне. А как попадает в беду — прикидывается таким теленком, что и зарезать жалко. Только «зарезать» придется. Напишу-ка я атаману про его никчемную службу».

Стали допрашивать часового. Но тот твердил одно и то же:

— Не ведаю, вашескородие!.. Я нес службу честно.

— Когда завтра наденут на тебя цепи и погонят вниз по реке к атаману в Белую крепость, все вспомнишь. А пока сиди тут! — Биймурза захлопнул дверь и ушел в правление...

Писарь Тохтар, с пером за ухом и с толстой книгой под мышкой, с задней стороны тюрьмы долго водил соломинкой по кровавым следам на земле. Затем взял вместе с

пылью засохшую каплю крови и пошел к Биймурзе.

— Далеко не сбегут, — видишь, много крови потеряли.

Весть о побеге уже распространилась по аулу. От дома — к дому, из квартала — в квартал, обрастая всякими подробностями.

Многие предполагали, что это дело рук Канамата, и призывали на его голову всякие блага. К обеду уже пошла молва, что он явился среди бела дня и, даже не открывая двери, вытащил арестантов через окно.

Многим хотелось узнать, что делается в правлении, и они стали собираться во дворе перед тюрьмой.

Разговоры шли разные, но все сходились в одном: Канамат — вот человек! Больше других восхищался Канаматом Аслан, который не пошел на поклон к Каншаубию.

— Все мы носим папахи, да только один Канамат достоин носить ее. Он за полтора месяца столько натворил, что нам всем аулом за год не сделать. Не дал надсмеяться над своей невестой, кому надо — пырнул кинжалом в живот и выкрал Бадимат из тюрьмы. А сегодня ночью налетел и освободил троих.

Аслана поддержал Исмаил:

— Было бы у нас с десятков Канаматов, богачи прижали бы хвост. А то и пикнуть нельзя.

Харшим, стыдясь, что поддался уговору Шымайыла и хотел унижаться перед князем из-за арыка, вздохнул:

— Был бы среди нас настоящий джигит, и Каншаубию выпустили бы кишки. Тогда и спорить не с кем: арык наш!

— А ты разве не горец? Тогузак тебе врезал, а ты после этого пошел лизать задницу его хозяину. Аслан прав: тебе не папаху носить, а женин черный платок! — поддел его Исмаил.

В разговор вступил и Казий — старик с раздвоенной седой бородой и подслеповатыми глазами. Говоря, он опирался на палку из боярышника:

— КанаMAT освободил из тюрьмы своего тестя, за это я не очень его восхваляю. Темурку бы и так освободили, какая на нем вина? А вон тот русский, что сидел с Темуркой, — тот очень нужен бедным людям. На намазе, когда святой творил чудеса, он сказал мало. Но таких слов отец и мать, встав из могилы, не могли бы сказать мне. И пусть КанаMAT долго живет, коли он освободил человека, который борется за нашу правду.

— Это правильно, — согласился с ним Аслан.

— Так и есть, душа моя! Только у нас еще не перевелись плохие люди, они не успокоятся, пока не сживут со света хорошего человека.

Казий положил палку на поясницу, поперек спины. Увидал, что солнце перевалило за полдень, и заторопился домой...

Биймурза объявил в правлении приказ: Мыртазу и всем стражникам немедленно собрать с оружием всех мужчин аула. И направился с докладом к приставу.

На пригорке стояла мечеть, а еще выше ее — самый большой в ауле дом Каншаубия, покрытый оцинкованным железом. Дом отго-

рожен кирпичным забором, таким высоким, что дотянуться до его верха можно только встав друг другу на плечи. Ворота узорчатые, из крепких железных прутьев. За ними — просторный двор. Там каменная привязь с кольцами, — для лошадей. На ней надписи: слева по-арабски, справа — по-русски. Это — имена родичей Каншаубия, начиная с пятого колена. Все — князья, которые строили имение и владели им. И рядом — фамильное тавро, которым Каншаубий метит лошадей в своих табунах. Неподалеку от дома — круглая беседка с голубой железной крышей среди фруктовых деревьев — для чаепития в жаркие летние дни.

Одно окно — в кунацкую, в гостиную — было распахнуто, и молодая жена Каншаубия — Сапнят, в бархатной шапочке, облокотясь на подоконник, подавала рукой знак Биймурзе, чтобы шел быстрее.

Старшина снял шапку и, призывая аллаха снасти его от нагоняя, вошел в кунацкую, где на оленьих рогах висело разное оружие, вплоть до старинных, очень дорогих кинжалов.

В центре кунацкой, на толстом мохнатом ковре, стоял большой обеденный стол, накрытый полотняной скатертью. На нем — бутылки и графины, начатые и наполненные до краев. Видать, пристав, Каншаубий и Кыямат хорошо приложились, но угрюмо молчали.

Наконец Каншаубий заговорил:

— Да что вы, Федор Иванович! Не надо так расстраиваться из-за каких-то трех скотов, сбежавших из тюрьмы. Сегодня же мы их поймем и пропустим через кнут.

Пристав совсем потерял самообладание. И не ударил Биймурзу только потому, что постеснялся хозяйки. Но заорал:

— Тебя же, длинноухого осла, поставили старшиной, — верой и правдой служить престолу. Где твои арестованные, болван?

— Успокойтесь, Федор Иванович! — Каншаубий встал между приставом и старшиной. — Сейчас поднимемся всем аулом. Просто стыдно, что мы столько говорим о них. Расскажи, Биймурза, что ты успел сделать?

— Люди собраны и ждут сигнала.

— Хорошо, подожду до вечера, — сказал пристав. — Не приведешь арестантов, пеняй на себя. Отставаю от должности! Особенно мне нужен русский. Я уже написал атаману, что сегодня-завтра доставлю ему Семена Астапенко, которого мы разыскиваем не один год.

— Слышу дельные слова, — произнес Кыямат. Он до сих пор сидел молча, старательно обгладывая лопатку барашка. Глянул сквозь нее на свет, — мяса уже не было. — Русского надо взять любой ценой. Как только стал он появляться в ауле, многие голодранцы осмелели. Даже такой тюфяк, как Джантемир, на днях обругал эфенди.

— Ну все, господа! Надо идти в правление! — Пристав поднялся, поцеловал руку хозяйке. — Вы очаровательны, мадам, я благодарю вас за угощение!..

На дворе правления толпились мужчины — в шапках, черкесках, с кинжалами и допотопными берданками.

Апанас поднялся на крыльцо:

— Задача вам ясна, джигиты! Надо найти логово преступников, доставить бандитов сюда!.. Но вы меня знаете: вернетесь ни с чем, поставлю в каждый дом на постой по пять солдат. Они вам быстро помогут поумнеть!

В голову ему ударила водка, выпитая в доме Каншаубия, и он не нашел других слов. Только показал в сторону гор, махнул рукой и закашлялся.

К собравшимся мужчинам обратился Мухаммат-Амин:

— В Коране сказано, что приказ начальника надо исполнять, как повеление аллаха. Два-три мусульманина продались гяуру. Но мы люди правоверные, никому не дадим осквернить религию. Освободим наши горы от нечистых. А кто сегодня падет в бою, того аллах примет в свои объятия!

Восторженных возгласов не последовало. Бедняки, из которых хотели сделать солдат, стояли понуро. И многие с тоской поглядывали на ворота.

Что-то пытался сказать Токал с перевязанной головой.

Но его оборвал Аслан:

— Наелся затирухи у Кыямата, — и по-малкивай! Ты в батраках и сбежавшую овцу найти не мог.

Кыямат поднялся на носки, стараясь разглядеть говорившего. Но шапка Аслана затерялась в толпе.

— Что ты гавкаешь, как собака? Ты же мужчина, выходи, зачем прячешься? — крикнул Кыямат. Но все молчали, и никто Аслана не выдал.

Поблескивая погонями и придержививая рукой кинжал, вышел Каншаубий — длинный и тонкий.

— Чего молчите, джигиты? Приказ начальника надо исполнять радостно, а вы стоите, как на похоронах. Ваше гробовое молчание может принести аулу большое несчастье. Не стойте, понутив головы, а действуйте! Берите коней, оружие и отправляйтесь с Биймурзой в горы.

Пристав, Каншаубий, Кыямат, Биймурза и Мухаммат-Амин пошли совещаться в правление. Это была непростительная промашка с их стороны: люди, что стояли ближе к воротам, стали быстро расходиться.

Вылез на крыльцо Гамых-Хаджа, медлительный и толстобрюхий. Он был известен всем, как ходатай по общественным делам: ездил к кадию добывать деньги для ремонта мечети; доставал лес для починки моста, поврежденного Кубанью. Словом, человек уважаемый. И он начал говорить, что в хорошем ауле не должно быть абреков.

— Это — люди вредные, уклоняющиеся от закона, короче, преступники. Ловить их, ловить! — он повысил голос.

Но его мало кто стал слушать. Голос подал только старый Таулан:

— Те джигиты, которых вы обзываете разбойниками, люди вовсе неплохие: мы хорошо знаем и Канамата, и Бийнегера, и Темуркана. Они — батраки, замученные насильниками. А уж раз вы хотите совать свои головы под пули, то хоть укажите место, где их искать? Надо послать на разведку «святого» Кандаура, он за один день обернулся в Ме-

дину и за один час облетает все горы вокруг аула!

Послышался дружный смех. Все начальство высыпало на крыльцо. Но во дворе остались только сыновья богачей да любопытные старики.

Собравшиеся в поход парни хвастались друг перед другом дорогими кинжалами и красивыми берданками с инкрустированными ложами. Их кони стояли на привязи у ворст. Каншаубий сказал:

— Вот и пошлем этот десяток верных джигитов. Они справятся с бандитами. А голодранцы нам не помощники!

И тут появился Мыртаз. Он прибежал с улицы и, не обратясь к Биймурзе, сразу подошел к Апанасу, отдал ему честь:

— Я нашел следы беглецов, ваше высокоблагородие! Они шли вниз по реке, к мосту. Если двинемся сейчас, скоро поймаем. В кандалах они далеко не уйдут.

— Приятно слышать, Мыртаз! Найдешь преступников, готовь на груди место для медали! Биймурза, труби поход!

Молодые сынки богачей горячили коней, дергая удилами. Мухаммат-Амин дал им напутствие:

— Когда хочешь поймать змею, она кусается. Ей надо раздавить голову! — Он так вдавил палку в землю, что образовалась ямка.

Кыямат опытным взглядом оглядел подруги воинственных всадников, кое-кого покровительственно похлопал по колену и сказал:

— Аллах с вами, славные джигиты! Я в

ваши годы выжимал воду из камня, не давал бродягам садиться мне на шею. Ждем вас с победой!

Биймурза тронул коня, и кавалькада, распугивая кур на улице, рысью поскакала к Кубани; все наездники были уверены, что сегодня же доставят беглецов.

Остановились неподалеку от моста, сбились кучей. Суетился только Мыртаз, как пес, потерявший след. Согнувшись, он разгребал палкой пыль на дороге.

— Вот до этого места были видны крошки соломы из чабыров. От самой тюрьмы, Биймурза. А теперь пропали. Не унесли же они на небо?

И коротышка Мыртаз оказался хорошим следопытом. Он провел конников по тропе, где совсем еще недавно поднимались лесом беглецы. Правда, кони покрылись потом, у охмелевших богатых сынков седла стали съезжать к хвостам лошадей. Пришлось спешиться. А за лесом, на открытом месте, загулял ветер, набежала черная туча и хлынул дождь.

Мыртаз успел далеко вырваться вперед и, стоя под черной скалой, вдруг стал жестами подзывать Биймурзу:

— Слава аллаху! Видишь дымок из пещеры? Думаю, вышли прямо к гнезду разбойников. Если теперь улизнут, перережь мне горло в четырех местах. — Он снял с плеча берданку. — Людям скажи: место открытое, пусть прячутся за камнями.

Биймурза приказал приготовить оружие, а коней спрятать за высокой россыпью камней. И самим пока не высовываться.

Мыртаз, помня обобещанной медали, так и рвался в бой:

— Отправь людей сделать лескику, без нее нам не попасть в пещеру.

— Удачливый ты человек, Мыртаз, проворный, хоть и родился в таком узком ущелье, — пошутил Биймурза и приказал четверым стражникам вырубить надежную сосну для того, чтобы забраться по ней в пещеру.

В пещере

— В пещере и не догадывались, какая опасность грозит им. Ибрахим и Семен сидели в глубине и мирно беседовали. Мальчик показывал пальцы на руке и называл их по-карачаевски, Семен — по-русски. Потом перешли к другим словам — хлебу, огню, горам, лесу. Тот и другой смешно выговаривали чужие слова, потешаясь друг над другом.

Канамат протирает шомполом ствол берданки. Бийнегер кожаным сыромятным шнурком закрепляет задники в чабырах.

Ближе к свету, у самого входа в пещеру, сидела Бадимат и штопала черкеску Бийнегера.

Она все думала о Темуркане: как он там, в сарае, особенно ночью, когда уже наступили холода. А вдруг его снова схватили: ведь небось ищейки Биймурзы шныряют по всему аулу?

Вспомнила Бадимат свое детство — и радостное, и очень трудное из-за вечной нужды. Она не знала даже вкуса леденцов, которыми хвастались дети богачей. И по пальцам могла пересчитать те дни, когда мать варила

баранину. Сшили ей одно-единственное нарядное платье. Она впервые отправилась в нем на той к Кыямату, с красными, как огонь, щеками. И тут же в ее недолгой жизни начались новые невзгоды. А что будет дальше? Не все же сидеть в этой яме, надо прибиваться к людям. Но где? Куда теперь податься им с Канаматом? Бежать через горы в Грузию или в Турцию?

Словно угадав ее мысли, Бийнегер спросил Канамата:

— До каких пор думаешь быть абреком?

— Не знаю. Иногда думаю: должно же и нам засветить солнце. Зиму придется кружить в горах, а по весне надо уходить далеко-далеко. Может, Семен подскажет, я еще не говорил с ним.

— Алан — это товарищ. Сау бол — будь здоров. Тейри-тейри, — как лучше перевести, — не знаю. Ты иногда говоришь: «Ну, ну!» — вот это и похоже на тейри, — обучал Ибрахим Семена.

Бадимат еще дичилась русского: сильна была в ней родовая неприязнь к гяурам. И ей казалось странным, что братишка так скоро и просто признал в нем близкого друга. «А может, я ошибаюсь, и правы мужчины, полюбив этого человека! Отец бы объяснил мне лучше их!» Она поймала себя на мысли: наверное, у Канамат болит сердце из-за того, что не привечает она Семена. И решила исправить ошибку: отложила заштопанную черкеску Бийнегера и взяла куртку Семена, у которой начисто был оторван правый рукав.

Раз пять махнула она иглой и вдруг вонзила ее в палец: в трех шагах от нее, сопя, лез в пещеру Мыртаз. Словно подползала змея с раскрытой пастью. Перед пещерой, за камнем, залегли три стражника.

Бадимат вскочила и крикнула:

— Ой, лезет Мыртаз!

Бийнегер с берданкой притаился справа от входа. КанаMAT взвел курок и встал лицом к врагу. Семен схватил камень. Ибрахим отступил в дальний угол пещеры.

Мыртаз осмотрелся с опаской, как волк, попавший на стойбище, и после яркого света в пещерной полутьме не вдруг заметил Канамата с винтовкой. Он стал сбрасывать берданку с плеча:

— Сдавайтесь, вы окружены!

И тут в голове у Мыртаза от сильного удара что-то треснуло — это Бийнегер ударил его прикладом.

— Семен, вот и оружие тебе! — Бийнегер забрал берданку и патроны у помощника старшины. Затем поднял обмякшего Мыртаза на руки и выбросил из пещеры. Без признаков жизни он шлепнулся на камни с глухим звуком, словно мешок с зерном.

Стражники наугад послали по одной пуле и побежали к старшине.

Биймурзу напугал вылетевший из пещеры Мыртаз. Он схоронился за камнем, еще не соображая, что предпринять. Потом свистнул, взмахнул плетеной камчой, и тотчас нестройно загремели выстрелы.

Бадимат подумала: так трещат зерна кукурузы, когда их жарят на сковородке без масла.

В горах загромыхало эхо. Пули гулко зашвистели под сводами пещеры. Они ударились в правую стену, а рикошетом бились в левую — и падали на землю как спелые орехи.

Надо было отвечать осаждавшим, но патронов было в обрез.

Когда из пещеры перестали стрелять, Биймурза, как барсук из норы, высунул голову из-за камня и обратился к своим стрелкам:

— Думаю, у них там нет больше патронов. Надо смело идти на штурм и вязать бандитов живьем. А если они станут сбрасывать камни, мы их уложим. Ну, кто пойдет первым?

После того как Мыртаз вылетел из пещеры, охотников не нашлось. Хмель из горячих голов вылетел, джигитам было удобнее лежать за камнями, даже под неожиданно хлынувшим дождем. Биймурзе оставался лишь один выход: снова отправить на штурм стражников. И они, кляня в душе начальника, пошли к пещере, согнувшись в три погибели.

В это время какой-то неосторожный стрелок решил поглядеть, как наступают стражники, и показался грудью из-за камня. Канамат поглядел на него с интересом: шапка с золотыми позументами, усы, как у весеннего кота. После выстрела brave джигит повалился, хватаясь руками за грудь и громко крича. Стражники тут же показали спины и убежали в укрытие.

— Патронов мало. Что будем делать? — спросил друзей Канамат.

— У нас с Семеном есть еще семь патронов. До темноты никого не подпустим к пещере, а ночью попытаемся пробиться в горы.

— Я понимаю Бийнегера, — задумчиво сказал Семен, — но он, как всегда, горячится. У нас есть Бадимат, рисковать ее жизнью нельзя. Карателей много, и патронов они не жалеют. А если Биймурза не дурак, он послал в аул за подкреплением. И мы можем попасть в такую ловушку, из которой не выбраться. Ночью нам надо уйти отсюда и не оставить следов.

— Семен прав. До темноты осталось недолго. А там посмотрим, как выбраться из этой ловушки, а я пока немного позабавлю Биймурзу. — КанаMAT натянул на палку старую черкеску, надел шапку и выставил чучело наружу, укрывшись за скалой. Тут же зашвистели пули, но ни одна из них даже не задела чучело.

— Ну трусые! Видать, стреляют, зажмурив глаза. Я бы даже камнем попал в такую цель.

Но стрелки осмелели, приловчились, и пули стали прошивать черкеску. КанаMAT попросил Бийнегера подать три камня. Осторожно закрепил чучело и отошел в сторону. А потом спохватился:

— Да ведь это черкеска Ибраhима! Где же он сам-то?

В суматохе о нем забыли. Бадимат бросилась искать брата и скоро увидела его: он шел из дальнего темного конца пещеры белый с головы до ног, как мельник после помола.

— Где же ты пропадал? — Бадимат схватила его за руку.

— Я хотел узнать, окружили они нас или нет? И можно ли уйти отсюда? Я добрался до самого дальнего края пещеры, где пришлось ползти, и заметил узкую полоску света. Оказалось, там есть выход. Пока вы тут стреляли, я выбрался наружу. Там большое ущелье, внизу течет ручей. Тропы не нашел: кругом темно, дождь. Если тут дела плохие, мы можем и уйти.

Он увидел свою черкеску, с дырками от пуль, вымокшую от дождя, и загрузил:

— Зачем повесили?

— Чтоб не скучали собаки Биймурзы и постреляли вволю. Гляди, — Канамат качнул чучело, по нему застрочили пули. — Оставим им эту штуку, а то они ничего не найдут в пещере. А тебе я скоро подарю новую черкеску. Не горюй.

Ибрахим пошел впереди, шедшие за ним натыкались в темноте на камни и, как дети, держались за руки. Лишь иногда Семен чиркал зажигалкой...

Выбрались они благополучно. И даже Бийнегер, который был плотнее других, не ободрал кожу на плечах, как сделал это, когда лез на крышу тюрьмы.

Тучи почти касались их голов, еще накрапывал дождь; но после пещеры дышалось легко. Мужчины лаз завалили камнями. Потом спустились в глухое ущелье, заросшее кустарниками, мелколесьем. Нашли звериную тропу и цепочкой двинулись вверх по ручью...

Ущелье из пещеры.

В тот день на бедных улицах ребятишки, как всегда, прыгали возле домов с глиняными крышами, играя в альчики. Или дурачились на завалинках, спихивая один другого, сверкая то голыми коленками, видневшимися сквозь дыры в штанах, то голыми пятками: не у всех были чабыры. Если на дороге показывался человек с ружьем, игра прерывалась, ребятишки разлетались врассыпную и исчезали в домах. Вот на улице появился древний старик с трясущейся бородой: он медленно шел за ослом, груженным двумя латаными мешками, держа за спиной недавно очищенную от коры увесистую палку из боярышника. Старика здорово помотала жизнь. Из разбитых чабыров выглядывал большой палец правой ноги, штаны — в заплатках, из дыр в бешмете торчала вата. Когда осел останавливался возле забора и тянулся мордой к пожухшей траве, старик молча подталкивал его грудью.

Жизнь в ауле шла, как обычно. И вдруг муэдзин выставил голову в одно из отверстий в мечети, прижал ладони к ушам и, качая головой из стороны в сторону, громовым голосом начал вещать о покойнике. Словно вторя ему, неожиданно раскричались ослы.

И стар, и млад стали выходить из домов, толпясь в тесных двориках, а кое-кто выбежал на улицу, спрашивая у соседей, по ком кричит муэдзин?

Тауджан месила тесто и, со следами муки на руках, подошла к женщинам, которые уже

сбились кучкой и громко судачили. Все слушали седоусую мать Токала, с кривым желтым зубом во рту, похожим на клык кабана:

— КанаMAT, чтоб пролилась его кровь, снова накликает несчастье на аул. Узнали, где он скрывается, и пошли его арестовывать. А он выстрелил из пещеры, убил беднягу Мыртаза, и — скрылся.

То, что прикончили сборщика податей и взяточника, совсем не опечалило бедных женщин. Кое-кто из них даже поговаривал, что аллах увидел их страдания и избавил от нехорошего человека. Тауджан бы смолчать, но она не сдержалась и при всех высказала свою радость:

— Вот и наступило отмщенье! Принял аллах мою молитву! Спасибо тем, кто прикончил мерзкого человека! — и, поправив платок на голове, она побежала с хорошей новостью к своей подружке Мёлехан.

Мать Токала так и застыла от изумления. А потом пошла, пошла:

— Тоже мне цаца! Выдает себя за разведенную, а тайком встречается с Джантемиром. Видите, пошла в дом к преступнику Тёмурке и будет там трепать душу бедного Мыртаза. Из-за таких шлюх все несчастья у нас в ауле. Ну, погоди, бесстыдница, я раскрою Кыямату твое нутро! — Она погрозила кулаком; задрав платье, подпернула шаровары и побежала искать своего богатого «родича».

Мутная вода — эти женщины! В душе они были согласны со словами Тауджан. А как услышали, что она гулящая, сразу же под-

хватали сплетню. И почти забыли про Мыр-таза.

— Если она нарушает закон шариата, живя на нашей улице, аллах посылает несчастье и всем ее соседям, — сказала одна из женщин.

Другая ее поддержала:

— И я слыхала от верных людей, что Джантемир выходил от нее перед рассветом. Что делается? Аллах такое не прощает!

А третья и совсем очумела:

— Распороть этой сучке живот ножницами, чтобы не было в нашем квартале гуляющих!

— Да типун вам на язык! — не вытерпела четвертая. — Пусть пропадет эта седоусая ведьма! Вы ее наслушались и болтаете, словно белены объелись! Да откуда ей знать, принимает Тауджан Джантемира или нет? Что она — под окном у них сидит всю ночь? Или ей самой хочется переспать с мужем Тауджан? Так он и не глянет на такую беззубую дрянь, да еще с седыми усами. Тьфу!..

Мать Токала вошла в дом Кыямата и с порога сказала хозяину:

— Пусть твои болезни перейдут ко мне!

Но осеклась. У Кыямата сидел эфенди. Они только что узнали о смерти Мыртаза, о новом побеге арестованных. И им было не до пустых разговоров со старой сплетницей.

Долго молчали мужчины. Затем Кыямат кивнул, разрешая ей говорить. И седоусая не заставила себя ждать:

— Говорила с женщинами о смерти Мыртаза. Так бесстыдница Тауджан сказала, что

рада этой смерти. И побежала к жене Темурки.

Кыямат похвалил седоусую, обращаясь к эфенди:

— Родственница дальняя, а прибежала, потому что осуждает Тауджан. Она чувствует, что ветер дует против нас.

— Это хорошо, — отозвался эфенди. — Родственнику всегда надо помогать. Тем более такому, как Кыямат!

Видя, что ее старание оценивают самые уважаемые в ауле люди, она не забыла попросить:

— Эфенди, пусть и твои болезни перейдут ко мне! Вспомни о бедной вдове, когда будешь раздавать вещи и еду после похорон Мыртаза.

Кыямат поддержал ее просьбу и кликнул жену. Та вошла нехотя: она знала, что муж заставит ее опять чего-нибудь дать этой попрошайке. И пока она шебуршила в кладовке, Кыямат поучал вдову:

— Ты пока никому не говори про Тауджан. Мы с эфенди примем меры сами. А если тебе удастся узнать, о чем идут разговоры в доме Темурки, я тебя в беде не оставляю. Нам очень надо знать, где сам Темурка? Учить тебя, как это сделать, я думаю, не надо. Да ты садись, чего стоишь как столб!

И то, что обошлись с ней уважаемые люди ласково и разрешили сесть рядом с собой, вознесло ее. И она развязала язык: и что Тауджан не раз на дню шушукается с Мёлехан; и что младшая сестра Касыма по утрам и вечерам не отходит от подола жены Темурки.

— А верно ли, что Тауджан встречается с Джантемиром? — словно мимоходом спросил эфенди.

— Встречается, об этом уж многие говорят. И такие, каким можно верить.

Из кладовки вышла жена Кыямата, положила в фартук вдове три узелка и проводила до двери.

— И что ты нашел в этой грязной ведьме? — буркнула Джантемировна, глядя на мужа.

— Это же политика! — покрутил он рукою над головой. — Не бабьи сплетни. Иди! — А когда жена вышла, он задал вопрос эфенди:

— Очень ли строго смотрит шарият на шашни жены с разведенным мужем?

— И не говори!

— И наказать ее можно, чтобы весь аул содрогнулся?

— Можно, можно! Надо только распушить слух.

— Это копеечное дело, эфенди! Надо тебе на очередном намазе сказать о блуднице... А как с ней нужно поступить по шарияту?

— Вымазать лицо сажей, посадить на осла задом наперед и провезти по аулу.

— Отлично! Ты делай свое дело, я — свое. А пока схожу к Каншаубию, он присылал за мной человека...

Стало вечереть, и старики потянулись к мечети, шаркая ногами. Они расселись на ступеньках, ожидая, когда приведут блудницу. Оперлись подбородками в набалдашники

палок и повели мирную беседу о Канамате, смерти Мыртаза, о сене, о скотине, о кошарах, где еще паслись их коровы и овцы.

В мезирте, рядом с мечетью, учились малыши, которые не могли ходить на занятия утром. Эфенди, перед намазом, подвесил за поясной ремень к железному штырю на потолке непослушного ученика. И спохватился, что забыл про него. Быстро вошел в школу, проверил — не держат ли Коран мальчишки на коленях, и снял наказанного со штыря. Хорошо, что вовремя: у того посинело лицо, носом шла кровь. Ноги у мальчишки одеревенели, пришлось его волоком тащить к парте.

Эфенди приказал выучить новую страницу в Коране и вышел на площадь перед мечетью. Там уже стоял черный осел с белой мордой, привязанный кожаной веревкой к столбу, и щипал увядающий подорожник возле забора.

То, что привязали осла в таком месте, где скотине стоять не положено, вызвало большой интерес. На крышах всех соседних с мечетью домов сидели женщины с детьми на руках. Возле осла толпились люди, разговаривая о греховоднице, которую эфенди приказал вывести на осмеяние, на позор.

К Мухаммат-Амину и Кыямату, тяжело дыша, подбежал Токал:

— Не можем войти в дом Тауджан. Она закрыла дверь изнутри и стоит с топором в руках!

Эфенди сказал громко, чтобы слышали все, кто был возле мечети:

— Человек, у которого пупок обрезан по-

мусульмански, обязан исполнить повеление шариата! Сейчас же вернись, разнеси дом вдребезги и приведи грешницу сюда!

Токал убежал, и не было его долго. К мечети подошла мать Токала с ножницами в руках, и длиннолицая, в черном платье, без двух передних зубов, которая когда-то зло-словила о несчастной Файрузе.

Наконец, все пришло в движение, — по улице шла Тауджан в мокром бордовом платье, рядом — Токал и два стражника.

Токал подталкивал грешницу в спину деревянной ручкой от валька для мялки кожи.

С подола ее платья капала вода. Ступня правой ноги кровоточила, на лице — кровавые бусинки, но в глазах уже не было слез. Они лились раньше, и от них виднелись подтеки на лице, вымазанном сажей. Как вкопанная, она остановилась перед эфенди.

Токал бахвалился, и выходило, что он почти герой. И дверь выбил, и хотел схватить Тауджан за косы. А она бросила в него топор, который пролетел над его головой, сбила Токала с ног, побежала к Кубани и прыгнула в воду. И начала тонуть. Кто-то успел доплыть до нее и вытащил из реки.

— Я был очень зол на Тауджан и избил ее вот этой мялкой. У, гадина! — снова замахнулся Токал. Но за руку схватил его Касым:

— Уймись, собака! Плохо тебе поддали по затылку, теперь будет не то! — Касым выхватил у него мялку, бросил ее под ноги и скрылся в толпе.

Токал хотел было кинуться к Касыму, однако одумался: голова еще болела от удара камнем. А новой расправы он побоялся. И спрятался за широкую спину Кыямата.

Что-то хотел сказать Мухаммат-Амин, но Кыямат опередил его. И показал палкой на Тауджан:

— Это грязное существо не должно стоять возле дома аллаха! Делайте, что положено по шарнату, и уведите ее отсюда! — приказал он. А сам, подобрав полы черкески и не выказав на лице никаких чувств, пошел к скамейке, где сидели древние старцы и Каншаубий.

Четверо правоверных мужчин схватили Тауджан за руки. Две старухи подошли к ней с ножницами, отрезали длинные косы и разметали волосы по земле.

— Люди! За что? — печально спросила Тауджан.

Половина собравшихся осудила этот самосуд, громко выражая свое недовольство. Эфенди поднял Коран над головой:

— Эта женщина нарушила законы шариата! Она тайно встречалась с мужем, который разведен с нею без права возобновления брака. В Коране сказано, что нас постигнет несчастье, если мы пожалеем ее! Посадите ее на осла и провезите по аулу, чтобы правоверные могли плевать на нее!

Касым не сдержался и крикнул:

— У нас умерла Файруза. Не лучше ли посадить на осла муллу, который привел в аул не «святого», а жеребца!

Кыямат громко застучал палкой:

— Давайте сюда этого крикуна! Чтоб язык ему укусила змея! Из-за таких поганцев у нас все беды!

Однако никто не выдал Касыма. Народ глухо гудел, не двигаясь с места. Эфенди полистал Коран и молвил:

— Сожалею, что в ауле появились люди, сердца которых отданы шайтану. А вон там,— он показал рукой на дома Темуркана и Тауджан, — шайтан поселился давно, и так одолел людей, из-за них не проходит и дня без беды!.. Не тяните, люди, с расправой над грешницей!

Правоверные старцы, сидевшие возле муллы, задвигались, зашамкали, перебивая друг друга:

— Таких блудниц надо сажать в темницу!

— Из-за нее убывает достаток в ауле!

— Уберите эту бесстыдную дрянь с наших глаз.

Старцы, как по команде, плюнули Тауджан под ноги, вытерли бороды, похожие на венки, и повернулись к Тауджан спиной.

Токал отвязал осла. На него посадили Тауджан задом наперед, связали ноги. Но не успела двинуться печальная, постыдная процессия, как произошло замешательство. Раздвигая толпу, со страшным криком бросился к Тауджан Жантемир — с непокрытой головой и посиневшим лицом. Его сбили с ног и начали связывать. Он валялся на земле, отбиваясь ногами. А сделать ничего не смог. И когда повезли Тауджан, следом за ней стражники повели Жантемира с веревкой на

шее. Одним концом этой веревки были связаны ноги Тауджан под брюхом осла, другим — сдавлена шея ее мужа. Так насильно, позорно соединили их поборники шарната на страх другим...

Беднота, потрясенная этой страшной картиной, безмолвствовала. Надрывалась только мать Токала:

— Смотрите, люди, как шарият наказывает блудницу!

Да плевали в сторону Тауджан жены богатых аульчан: в кашемировых платьях с оборками, в бархатных кафтанах.

Мёлехан шла рядом со своей подругой и горько плакала.

— Хватит мучить бедную женщину! Люди, она не виновата! Как вы допускаете такое издевательство? Ай, КанаMAT, почему нет тебя в такой час? Ты бы защитил Тауджан! Ведь над ней измываются богачи!

Выглянуло солнце, спускаясь к гребню гор. И словно ему стало стыдно, что творятся в ауле такие грязные дела, тут же опять скрылось за горами.

Наказав грешницу, правоверные во главе с Кыяматом отправились в мечеть на вечерний намаз. Токал что-то шепнул Кыямату. Тот, довольно поглаживая усы, ласково похлопал своего «родственника» по плечу и пошел молиться.

За ним потянулся Биймурза и все старцы, застегивая пуговицы на рукавах рубашек, — это должно было означать, что они совершили омовение рук перед намазом. И теперь имеют право общаться с аллахом в молитве...

Намаз окончился, мечеть опустела. Только возле кафедры эфенди, куда спускался на канате «святой» — Абдул-Кадыр, осталась троица: Кыямат, Мухаммат-Амиң и Биймурза.

Какое-то время они сидели молча и нетерпеливо перебирали четки, дожидаясь, когда уйдет муэдзин. Одетый в бешмет с чужого плеча, полученный за омовение покойника, он погасил свечи, почтительно положил ключи от мечети возле эфенди и, молча кивнув, пошел домой.

Как только он переступил порог, Кыямат подсел ближе к старшине и даже хлопнул его по спине.

— Надо лучше стараться, служака! От твоей беготни по улицам толку мало.

Он погладил усы, в хитровой улыбке наморщил толстый волосатый нос, глаза его блестели.

— Не понимаю, в чем дело?

— Я не при должности, и, сам знаешь, годы мои прошли, но кое в чем я и обскакал тебя! — улыбка не сходила с лица Кыямата. Биймурза заерзал на скамейке, эфенди все так же перебирал четками.

Кыямат крепко сжал кулак правой руки:

— Вот здесь он у меня! Если теперь улизнет, отдам голову на отсечение! Сейчас я не доверяю тебе, Биймурза, и утром послал верхового к Федору Ивановичу.

— Да не темни, Кыямат, — сказал старшина. — Уж не поймал ли Канамата?

— Ну, это твое дело гоняться за ним по горам. У меня в руках старая собака Темурка. И я сделаю так, что он больше не напьется воды из Кубани!

И эфенди, и Биймурза стали спрашивать, как удалось Кыямату найти место, где прячется Темуркан.

— Надо иметь десять ушей и столько же глаз. Как говорится, не коли сучковатое поле-но топором через голову, забей колышек, оно и треснет. Я и нашел такой колышек. Люди, которые носят драные шубы, не любят выдавать секреты бедняков. А когда найдешь такого, что не боится ходить по скользкой тропе, приласкаешь его, да объявишь родственником, он для тебя разобьется в лепешку.

Кыямат явно расхвастался. Эфенди и старшина даже переглянулись со значением: мол, какую невидаль придумал, мы и сами знаем это не хуже тебя. А Кыямат уже не мог сдержаться:

— Я так и думал: беглецы не смогли увести Темурку с собой и спрятали его в сарае у такого же голодранца, — у Касыма. Ну, делу время, потехе час! Пора, Биймурза! Доставлю тебе удовольствие: бери старую собаку. Пристав об этом знает.

Втроем они вышли из мечети. И тут к Биймурзе подскочил одноглазый стражник с побитым оспой лицом:

— Где только не искал тебя! От пристава прискакал верховой, привез какую-то важную бумагу.

Кыямат, эфенди и старшина быстрым шагом направились к правлению. Там Биймурза распечатал пакет и стал читать бумагу про себя.

— От кого ты скрываешь письмо Федора Ивановича? — рассердился Кыямат. — Что ж

он доверяет тебе больше, чем мне? Читай вслух, иначе мы с эфенди уйдем!

— Да не от тебя прячусь, — смутился Биймурза. — Боюсь, что услышат посторонние.

В письме пристав приказывал Биймурзе арестовать Темурку и доставить тут же к нему.

Не дочитав письмо до конца, Биймурза загнулся.

— Что-то ты темнишь, старшина! Читай дальше! — Кыямат легонько наступил на ногу Мухаммат-Амину и хитро прищурил левый глаз.

Биймурза тянул время. Он пошарил очки в кармане, но не нашел их. Подтянул ремень, оттянутый вниз револьвером. Хрипло кашлянул и дочитал письмо.

Пристав дальше грозился, если Биймурза упустит старика, снять его и назначить старшиной Кандаура, сына уважаемого Кыямата.

Эфенди и Кыямат улыбнулись, видя, как вытирает старшина пот со лба. А Биймурза, почему-то вспомнив давно умерших мать и отца, подумал о богаче: «Этот старый хрыч говорил, что послал гонца из-за Темурки, а на самом деле отправил на меня донос, чтобы посадить на мое место сына». Однако вслух сказал:

— Десятый год таскаю тяжелую шапку. Устал. Хоть сегодня же передам должность Кандауру и зарезу по такому случаю самого жирного барашка.

Кыямат был польщен вниманием пристава. Но слухавил, покривил душой:

— Нашему парню надо находиться при ко-

шаре, — ему некогда протирать штаны в правлении. А потом: зачем нам нужен старшина вместо тебя? Я об этом и приставу скажу.

Биймурзу все это очень растревожило. Ему словно соли насыпали на открытую рану. И, криво улыбаясь, он уже думал: как задобрить высокое начальство в Белой крепости? Всего надежнее — сейчас же послать человека на кош, спустить с гор несколько баранов — самых упитанных — и отправить их вниз, в крепость. Паршивого Темурку связать по рукам и по ногам, посадить на арбу и отвести к приставу. Говорили мне, что Кыямат отправил ему отличного коня в полной сбруе. А я, дурак, не поверил!

Его мысли прервал подбежавший Токал:

— Мёлахан принесла сейчас еду для Темурки в старый сарай Касыма. Я заглянул и все сам видел, — он раскрыл рот и заморгал холодными глазами под невысоким лбом.

Биймурза, не попрощавшись с друзьями, подобрал полы черкески и с двумя стражниками побежал из правления...

Там, где жил Касым, дома бедняков с глинобитными крышами стояли впритык друг к другу.

Поодаль, за огородом Касыма, стоял сложенный из бревен, но с земляной крышей, ветхий сарай. Он еще не развалился, но, как старец, протянувший руку к земле, наклонился вперед. Всю свою живность — безрогую корову и дряхлого облезлого осла — хозяин давно не загонял сюда, боясь, что их придавит тя-

желой крышей. Даже дети опасались играть тут, а соседи приловчились сбрасывать мусор к двери сарая, почти завалив вход. Касым для отвода глаз еще накидал сверху ворох черных колючек, среди которых только Мёлехан проторила узенькую стежку.

С тех пор как поселился в сарае Темуркан, сюда даже Касым заходил очень редко. Он пробирался сквозь колючки и передавал кукурузный гырджын, принесенный за пазухой. Мёлехан навещала мужа по ночам, чтобы никто ее не видел.

Темуркану вскоре опостылел этот сарай и соломенная постель возле подпорки, что поддерживала крышу. Иногда он возвращал затируху, не притронувшись к ней, и Мёлехан заменяла ее айраном, по бедности разбавленным водою. Ничего другого в доме у нее не бывало.

В темноте Темуркан не видел лица жены, только слышал ее шепот. Да и встречи были столь коротки, что не доставляли радости.

Днем он подымался с соломы и, как олень, попавший в ловушку, подходил к щелям между бревен. Смотрел, как женщины копаются в огороде, и скучал по привычной работе.

Надо же было случится такому: Темуркан однажды не усидел в сарае, выбрался во двор, радуясь солнечному свету. И вдруг увидел Токала, который шел домой, таща откуда-то большой кожаный мешок. И вроде бы зыркнул в его сторону. Темуркану тоже захотелось домой — надо бы починить забор. Но вспомнил про кандалы, горестно вздохнул и вернулся в свое убежище. Улегся на солому, крутясь с бо-

ку на бок. Иногда глядел на подпорку: она сгибалась, еле удерживая осевшую крышу.

Но не это беспокоило Темуркана. Ему стало не по себе, что он попался на глаза Токалу. А было бы еще страшнее, если бы он знал, что этот болтун превратился в предателя.

Несчастный выдался день: словно сговорились они с женой делать глупости. Мёлехан явилась засветло, когда люди ушли в мечеть на намаз. Горько ему было глядеть на старую верную подругу: она заметно постарела, под глазами легли какие-то синие тени.

— Не хвораешь ли ты? — спросил он участливо.

— Нет, все по-старому. Страдаю, отец, по тебе и по нашей девочке. — Мёлехан стояла перед ним, прикусив губы от подступивших слез, похудевшая, скрестив руки на впалой груди. — Ты поел бы. Гляди, как переменялся: остались только кожа да кости.

Темуркан не сводил с нее глаз, страдая вместе с нею, хорошо помня, сколько горя пришлось хлебнуть им за долгие годы его батрацкой жизни. Он не мог даже порадовать себя воспоминанием о чем-то радостном. Родился Ибрахим, мальчик, который, по понятиям горцев, дороже десяти дочерей. Он был на седьмом небе. Но и в тот день не смог преподнести в подарок своей Мёлехан хорошее платье либо черную — в узорах — шерстяную шаль: свободных денег никогда не бывало. Их хватало только на керосин, соль и спички. Иногда — на фунт сахара.

Одежду они шили из материи, вытканной руками Мёлехан, чабыры — из куска сыромят-

ной кожи. Все — сами, сами, как во времена отцов и дедов.

Но его воспоминаниям и разговорам с женой кто-то мешал. Он повернул голову влево: там была большая щель между бревнами. И заметил, как сверкнули чьи-то глаза и — скрылись. Темуркан решил, что обманулся. «Мерещится всякая дрянь, — подумал он. — Не выберусь из этого логова, непременно сойду с ума!»

Но решил проверить. Волоча больную ногу, подошел, долго глядел в щель, но никого не увидел.

— Какие новости в ауле? — спросил он.

— Про Тауджан я тебе рассказывала. Хуже всех Токал, да прольется его кровь! Он быстрее всех собирает новости и передает их Кыямату, эфенди и Биймурзе. Боюсь, он узнает, что ты здесь.

— А что слышно о нашей девочке?

— Слава аллаху, она не попала в руки старшины. Где она с Канаматом, пока не знаю. И Ибрахим с ними, я жду его.

Мёлехан что-то еще хотела сказать мужу. Но послышались шаги. Тотчас же затрещали ворота, и показался Биймурза с револьвером в руке, за ним — стражники с берданками. Мёлехан с диким криком бросилась на шею Темуркану.

Старшина оттащил ее за платье, схватил Темуркана за шиворот и поволок из сарая. Токал, стоявший в стороне, проводил взглядом арестованного и побежал к Кыямату. Темуркан не сомневался теперь, кто разболтал о нем, и крикнул:

— Мать, не забудь о том, кто нас предал!

Мёলেখан услышала слова мужа. Но даже пойти за ним не смогла: у нее подкосились ноги, и она упала без чувств. Соседки Касыма побрызгали на нее водой, помогли подняться и вместе с нею побежали к правлению.

Во дворе уже стояла арба. На ней сидел Темуркан с оковами на руках и на ногах. Биймурза тронул коня, за ним четыре стражника: двое — по бокам арбы, двое — позади.

Мёলেখан бросилась за повозкой, ухватилась за ее задок. Стражник грубо оттолкнул ее, и она упала на пыльную дорогу, захлебываясь слезами. Темуркан обернулся. В последний раз бедная женщина увидела его лицо: бледное, искаженное мукой...

— Слава аллаху, старую собаку заковали и увезли! — обрадованно сказал Кыямат, стоя в кругу богачей. Он погладил усы и бороду и облизал губы.

Женщины, поддерживая Мёলেখан, не таясь слез, повели ее домой. Позади шел Касым. И ему сказала Мёলেখан те слова о Токале, которые услышала от мужа.

— Я все понял! — тихо сказал Касым и скрылся в проулке, где стоял его дом. Там побыл он недолго и сказал сестренке: — Я ухажу в кошару.

— На ночь глядя?

— Ничего, дорогу знаю!

Но он не ушел, а спрятался до темноты в том злополучном сарае, где нашли Темуркана...

Темная ночь пришла в аул так быстро, словно аллах неожиданно закрыл крышку сундука. Замигали звезды по всему небосклону, и люди разбрелись по домам. В богатых до-

мах засветились лампы, а над кострами во дворах работницы стали смолить головы и ноги баранов. Посторопному человеку могло показаться, что аул живет богато: по улицам шел дух паленой шерсти.

В бедных домах зажигали коптилки, чтобы не пронести мимо рта кусок лепешки или ложку с кукурузной затирухой. Потом коптилки гасили и укладывались спать при тусклом свете догоравших дров в очаге.

Бедный, добрый Таулан привез наконец продукты, полученные за батрачество. Сложил их в кладовку, разжег очаг, подвесил над огнем закопченный чайник. Забежала на минутку соседка, увидав искры в трубе его домишка, и сообщила, что увезли арестованного Темуркана.

Это известие опечалило старика: он потерял старого, верного друга, с которым сотни ночей скоротал в кошаре.

— Убили Темурку, ему не вынести эти муки! — горько сказал Таулан. Вспомнил о Хамите, которого зарезал Кандаур. Достал завернутую в тряпку камышовую свирель, которой еще в юные годы поверял свои печали и редкие радости.

Продул дудочку и, поглядывая на язычки пламени в очаге, заиграл.

Он не мог сказать, сам ли сочинил этот грустный мотив или запомнил, как играл ему покойный Хамит. Только был он созвучен его печальным думам. Откуда-то появилась удивительная ловкость в загрубевших пальцах, и они легко, послушно перебегали по дырочкам свирели. И песня лилась тихая, жалостливая, которую хотел бы он услышать, лежа в могиле.

ле. Да, не стало хороших свирельщиков в ауле, и вряд ли кто доставит радость его душе в день похорон. Лишь прокричит муэдзин Мустафа с мечети да прогнусавит заупокойную Мухаммат-Амин. А ведь бедные люди могли бы и всплакнуть по своему товарищу, который всегда хотел им добра. Может, переживет его единственный достойный свирельщик — слепой, что вызывал русалку, когда утонул сын Джуммаковой...

Мёлехан не нашла силы войти в дом, где она осталась круглой сиротой: ни мужа, ни дочери, ни сына. И она обогнула пустой дом, уселась позади него на бревно, уронила голову на колени. Уже не рыдала, лишь иногда всхлипывала. И прислушивалась к мерному журчанию воды в Кубани.

Касым, с хурджином через плечо, вышел на улицу. Положил мешок возле каменного забора неподалеку от дома Токала. Он догадывался, что тот пьет бозу у Кыямата и бахвалится: вот, мол, как я уважаю богатых людей и помогаю им!

Близко к полуночи шел он навеселе и негромко напевал песню о черноокой красавице, которая мечтала выйти замуж за самого храброго джигита. Эту песню много раз пели хором друзья: и Канамат, и Бийнегер, и Батал. Любил и Касым. И Касым не дал допеть песню Токалу. Острый кинжал вошел под левую лопатку предателя. И на ночной улице стало опять тихо...

В аул пришла зима: снежная, но мягкая. Морозы чередовались оттепелями, и тогда

появлялись лужи на дорогах, где любили плескаться дети.

Над всеми домишками бедноты вился дымок с утра до вечера. Печей в них не было, и люди отапливали помещение кострами в очаге, где непрерывно поддерживался огонь. Только в новых домах стали делать небольшие печурки, а вдоль них — деревянные лавки, где в холодные дни отлеживались пожилые люди. Но у всех семьи были большие, подростки спали на полу, на соломе, закрытой овчинами. А накрывались либо одеялами, стеганными на шерсти, либо выделанными бараными и ослиными шкурами.

Как и все южане, люди в ауле зябли даже при небольших морозах и с охотой обогревались работами по дому: кололи дрова, починяли заборы в огороде, таскали сено для скота. А то — шили новые чабыры или помогали хозяйкам молоть кукурузные зерна для затирухи.

Но куда тяжелее было беглецам, которые после побега из пещеры скрывались от Биймурзы и его стражников высоко в горах, почти рядом с двугорбой вершиной Эльбруса, сверху донизу заваленной снегом.

Их временное становище в неглубокой нише под огромным камнем было открыто всем ветрам. У них было лишь немного соломы, чтобы не лежать прямо на мерзлой земле, да всего три овечьих и две козлиных кожи. Спать можно было только вповалку, тесно прижавшись друг к другу и всю ночь поддерживая огонь в костре. Серый камень над входом становился черным от копоти, и Бадимат по утрам смазывала его белой

глиной, чтоб никто не заметил их пристанища.

Вблизи не на чем остановить взгляд — кругом пологая снежная пустыня. Вокруг — ни людей, ни отар овец, ни кустика. Лишь далеко внизу тянулись к Эльбрусу два невысоких горных хребта. Они, покрытые сосновым лесом, под острым углом упирались в подножье великой вершины Кавказа. А между ними, в ущелье, лежал ослепительно белый снег, прорезанный тонкой ниткой незамерзшего ручья.

Ближе к ним, в местах летнего камнепада и зимнего снежного оползня, стояли чахлые березки. Их стволы — до первых ветвей — были укутаны снежной шубой. Голые ветки иногда гнулись от горного ветра, ясно показывая, откуда он дует.

Канамат догадался заготовить дрова, пока горы не закрылись снегом. Все мужчины: сам он, Бийнегер, Семен и Ибрахим целую неделю — в поте лица — таскали на свое взгорье чурбаки, свежие ветки сосны, сухой валежник, корни упавших деревьев и бересту. Запаса дров осталось дней на десять, не больше. И надо было думать о перемене места: ходить по дрова, утопая в снегу по пояс, ни у кого бы не хватило сил.

Но в этом суровом и скучном месте была своя жизнь. На фоне снежного Эльбруса весь день держались в прозрачном голубом воздухе могучие орлы, распластав крылья, как полы бурки.

Они уже привыкли к людам, которые ютились в нише под камнем. И стоило Бадимат выбросить крошки хлеба или внутренности

недавно убитой Канаматом козы — как они слетались и, гневно клекоча, отбивали шицу друг у друга.

Изредка тьякала лисица, когда спускались сумерки. Иногда проносился зайчишка и садился на виду у людей, ища у них защиты от хищных орлов. И убегал, когда орлы улетали далеко и его тропа становилась безопасной.

В самой нише неугасимо горел огонь. Семен обычно сидел у костра, привалившись к каменной стене, и что-то записывал в маленькой книжке. Или рассказывал, как живут люди в России. Бадимат растапливала комья снега для супа и чая. Бийнегер мастерил новые чабыры для Семена, собиравшегося покинуть становище. И когда обувь была готова, внимательно оглядел ее и сказал:

— Все, друг! Теперь осталось положить в чабыры солому, хорошо завязать шнурки. И пройдешь ты семь перевалов, пока встретишься со своими людьми. Чабыры не подведут, даю слово!

Семен оглядел обувь, остался доволен:

— Хороша обувка, Бийнегер! Теперь положим ее около очага, пусть немного подсушится. Сау бол! — Он крепко пожал руку Бийнегера.

Канамат, засучив рукава, подвесил тушу убитого козла и свеживал ее, снимая шкуру и вынимая потроха. И тихонько напевал песню о божестве охоты Апсаты. У него множество диких зверей, и он хорош тем, что уделил для бедных путников одного козла.

Правда, козел был худ: ни капельки жира на его внутренностях, которые Канамат вы-

нул из туши и положил на солому. Но в другой раз Апсаты узнает, что путники голодны, и даст козла жирного, который поможет им согреться в этой мрачной нише под камнем. «Если ты устал от жизни и не видишь нашего горя, так у тебя есть желтоволосые дочери, пусть они напомнят тебе, что нам нужна сытная пища», — напевал Канамат.

Закончив песню, он обратился к Семену:

— Не повезло тебе, друг! Козел тощий и плохо будет согревать тебя в пути. Но, как говорят у вас, на безрыбье и рак — рыба. Дня три-четыре продержишься с его мясом!

Бадимат сказала:

— Ты угнал коров с коша Кыямата и раздал их беднякам. Надо было бы одну из них пригнать сюда. Какой толк от этого худющего козла! — Она перебрала кишки, выбросила их орлам, положила мясо в казан.

Семен, следя за огнем в очаге, ласково сказал ей:

— Милая девочка, нет беды, что нам не досталась корова. Канамат сделал хорошо, что раздал скот беднякам. У них большие семьи, пусть все наедятся хоть один раз.

— Правильно! — Канамат обрадовался, что Семен поддержал его. — Люди, живущие на лесной заимке у «Малого ущелья», и меня, и тебя, и всех нас будут помянуть добром. А это дорого стоит!..

Ибрахима не было восьмой день: он ушел в аул и еще не вернулся. И Бадимат переменяла тему разговора:

— Не случилась ли беда с братом? Что-то нет его так долго? Не попался ли он на глаза Кыямату: от этого злодея только и жди горя!..

Подул свежий ветер с Эльбруса. Возле ниши опять навалило столько снега, что мужчинам пришлось пробивать в нем тропу.

А мясо козла долго варилось в кипящем казане. И возбуждало аппетит. Бийнегер, чтобы скоротать время, сказал Канамату:

— Ты так и не досказал нам, что произошло в тот вечер в «Сосновой руке»? Ты заснул, и мы не стали тебя тревожить. Чем сидеть молча и ждать, когда сварится этот проклятый худой козел, давай — рассказывай!

— Да ничего интересного, — Канамат концом хворостинки что-то рисовал в золе очага. Затем надавил ею на выпиравшие из кипящей воды тощие мослы козлятины.

Канамат не любил говорить о себе. Ему больше нравилось слушать Семена, когда он рассказывал о царе, единоличном правителе всей великой России, о его продажных министрах, о капиталистах, которым рабочие люди продают за бесценок свой труд, о губернаторах, жандармах и полицейских, охраняющих царский трон. О забастовках на заводах и фабриках и о чудовищном расстреле рабочих в Сибири, на золотых Ленских приисках. О партии большевиков, которую создал Ленин. И о грядущих боях рабочего класса, которые неизбежно приведут к такой революции, когда не будет в России царского строя и угнетения человека человеком.

— Цо, цо! — щелкал языком Канамат. И рисовал в своем воображении тот день, ко-

гда беднота аула законно прикончит Кыямата, Биймурзу и стражников. Но он пока не знал, что делать с Мухаммат-Амином. И как-то сказал Семену: — А эфенди мы заставим прикусить язык. Ведь без служения аллаху нельзя построить новую жизнь.

Семен рассмеялся:

— Можно и без аллаха. Только долго это придется растолковывать правоверным!

— Без аллаха? — испуганно спросила Бадимат, не представляя себе, как можно жить без бога, от которого идет людям и добро и зло.

— Да, без аллаха! — сказал Семен. — Когда люди поверят в силу своего разума, для аллаха не останется места на земле!

Но сейчас все ждали, что расскажет КанаMAT о случае в заимке «Сосновая рука»...

— Вы, наверное, помните старика с белой курчавой бородою. Мы отогревались в его коше, когда мимо проезжал Биймурза со своими стражниками. Тот старик оказался добрым человеком: он указал ищейкам ложную дорогу, по которой мы и не собирались уходить. Он нас спас!

Все согласно кивнули: они запомнили этого старого бедняка, потому что прожили у него два дня.

После того как они нашли это пристанище под серым камнем, КанаMAT снова наведился к этому доброму человеку, пригнав ему десятка два баранов из отары Мухаммат-Амина.

— Мне они не нужны, — сказал он стари-

ку. — Оставь себе сколько надо, остальных раздай бедным соседям на кошах.

— Чьи они, добрый джигит? — засуетился добрый старик.

— У нас не спрашивают, откуда взялся подарок, — улыбнулся Канамат. — Считай, что тебе и твоим соседям прислал их аллах!

Старик зарезал барана. Пришли люди из соседних кошар. И все посматривали, — не готово ли мясо в кипящем котле.

В это время послышался снаружи крик «Ойт!». Один из батраков, что сидел ближе к двери, вышел и вскоре привел гостя. Гость был человек средних лет, заросший от висков до шеи черной бородой, в драной черкеске. Он смутился, увидев много людей, молча поклонился и присел на край лежанки, где ему уступили место. Незнакомец жадно принюхивался к запаху, шедшему из котла, и ему подали чашку с айраном: так делают всегда, чтобы гость мог утолить жажду с дороги.

Старик — хозяин коша — обратился к нему с вопросом:

— Какие новости, кунак, в местах, откуда ты явился к нам?

— Бежал из аула, спасаясь от обжор, что сидят в правлении. Приютился с семьей неподалеку, в лощине. Если не ошибаюсь, называется она «поляной, полной колючек». Дети малые, их пятеро, хлеба на них не напасешься. Тайком пробрался в аул, смолот два сита жареной кукурузы. А когда возвращался, ниже вашего коша, в овраге, вышел из-за камня какой-то человек. Уперся мне в грудь

винтовкой, снял с меня пестрый полосатый кожаный хурджин с мукой и — ушел.

Он опечаленно опустил голову. Все расстрожились его рассказом. Хозяин спросил:

— Кто творит тут такие бесчинства? Кто тебя ограбил?

— Откуда я знаю. Бандит, чтоб пролилась его кровь! Мне говорили в ауле, что надо опасаться Канамата: он тут делает налеты. Он, или не он, не ведаю... Однако надо уходить, туман стал подниматься. Да и семья беспокоится, что меня нет так долго.

— Успеешь, — успокоил его хозяин. — Мясо сейчас дойдет, перекусишь с нами и пойдешь к своим «колючкам» — это тут рядом, рукой подать. — Старик подбросил дров в костер, проткнул мясо острой хворостинкой. — Очень жалко, что отняли у тебя хурджин с мукой. Только у Канамата нет привычки обижать бедняков.

— Я говорю со слов других, — отозвался гость. — Мне про Канамата наговорили полный короб: будто он продался сатане, топтал ногами Коран в мечети. И эфенди подтвердил это во время утреннего намаза.

Один из батраков задал гостю вопрос:

— А ты видел ли когда Канамата?

— Не помню, если и видел в ауле. А сейчас, в темноте, разве узнаешь? Я уж и тому рад, что спас ноги!

— Скажи точнее, где тебя ограбили? — Канамаат не мог спокойно усидеть на месте. И другие стали дотошно его расспрашивать, пока не стало ясно, где действовал бандит.

— Вот пристали! — возмущился гость, направляясь к выходу. Старик придержал его за черкеску и сказал парню, наблюдавшему за котлом: — Мясо готово, режь и угощай людей!

Канамат решил во что бы то ни стало вернуть гостю его хурджин. Он попросил хозяйна выйти с ним из коша:

— Не удивляйся, что я ухожу от ужина, хотя и очень хочу есть. Я скоро вернусь. Думаю, ты не забудешь оставить мне кусок барана.

Канамат добрался до оврага, увидел в снегу следы. И направился по ним. И тут из-за большого камня вышел человек и крикнул:

— Стой! Я абрек Канамат! Сейчас же отдай черкеску!

— Канамат не грабит бедняков. Почему ты, бандит, прикрываешься его именем?

— Кончай болтать! Снимай черкеску, и — с глаз долой!

Канамат прыгнул на бандита, как барс. Тот только и смог выдать:

— Пощади!

— Давай все, что награбил!

Бандит вытащил из-под камня полосатый кожаный хурджин, шубу из овчины, две бурки, несколько веревок, сплетенных из кожи. Связав все добро большим узлом, Канамат взвалил ношу на плечи бандита и скомандовал:

— Иди вперед, прямо к кошу. Я покажу людям, какая сволочь орудует в их округе.

Бандит дотащил тяжелую ношу до кошары. Канамат сказал ему:

— А теперь исчезни! И чтоб никто о тебе больше не слышал!..

Надвигался рассвет, и звезды, еще оставшиеся на горизонте, дрожали, готовые погаснуть. Ограбленный гость уже встал и собирал в кучу непогасшие угли, чтобы разжечь костер. Он погрел над огнем отсыревшие чабыры, вытер руки золой и вышел из коша.

Канамат, умирая с голоду, рвал зубами холодное мясо, оставленное для него добрым хозяином в плетеной корзинке.

Снаружи послышался возглас удивления:

— Тобá, тобá, вот так диво! — И с посветлевшим лицом показался гость, будя еще спавших чабанов: — Вот не думал, не гадал, что мой хурджин сам пожалует в кошару. Люди, ведь это чудо!

— Да не бывает чудес! — усмехнулся Канамат. — Я отнял твой мешок у грабителя.

— У Канамата слава большого разбойника. Как ты справился с ним?

— Тебя ограбил какой-то тип, у которого я позабыл спросить имя. А Канамат — это я, и запомни раз навсегда: бедняков я не трогаю. Я свожу счета только с богачами. И мясо, что ты ел сегодня ночью, из отары эфенди, которому ты слепо веришь, как последний дурак!

Гость раскрыл рот от удивления. Потом провел по бороде двумя руками, словно смывая с нее грязь:

— Да продлятся твои годы, добрый человек! — Он обнял Канамата.

В это время добрый хозяин коша раскурил трубку угольком из очага:

— Вот так-то, милый гость! КанаMAT бедняков не обижает. Его спутники — русский парень и наш карачаевец, добиваются справедливости для угнетенных. Запомни это и расскажи людям, которых встретишь! — Он достал один из гырджынов, что сушился на лежанке, подал гостю. — Теперь иди, и передай своей семье низкий поклон от нас...

КанаMAT окончил рассказ.

Вода в казане заметно выкипела, показались белые кости сварившегося мяса дикого козла с прилипшей к ним пеной.

— Казан можно снимать, дорогая моя жена-ушка! Пока я рассказывал, у всех подтянуло животы. Готовьтесь на штурм козла, только не забывайте про Семена: ему надо дать мяса на дорогу!

Все дружно расселись на соломе и, дую на пальцы, принялись обглаживать кости.

— А ты действительно храбрый и добрый джигит! — сказал Семен. — Тот ограбленный гость и беднота, которой ты раздаешь скот, не дадут Кыямату и его друзьям скрыть добрую славу о тебе.

— Не сомневайся, Семен! Я у тебя многому научился и всегда буду идти по указанному тобой пути.

Видно, больше других проголодался Бийнегер. Он тщательно обглодал лопатку козла. Поглядел на нее на свет и нехотя бросил к ногам, на солому.

Существовало поверье: сквозь обглоданную лопатку барана или козла можно было увидеть, что ожидает человека в ближайшем будущем. И КанаMAT спросил, улыбаясь:

— Что ты увидел по пятнам на лопатке?
Бийнегер стшутился:

— Светлую дорогу! Потому что все мясо я подобрал чище любого орла!

Когда покончили с доброй половиной худого дикого козла, Бийнегер собрал кости, вышел наружу. Там он разбросал их по снегу и долго любовался, как вороны, а затем орлы слетались, чтобы унести к скалам неожиданную добычу.

Буран ослабел. В разрывах пепельных облаков показались вершины Эльбруса. Справа синела грива соснового леса. А впереди показалось маленькое черное пятно, которое скоро скрылось в негустом пролеске.

Бийнегер насторожился и встал ближе к камню под нишей, чтобы меньше выделяться на заснеженном пригорке. И глядел: как появился человек из пролеска, как он проваливался выше колен в сугробах, заткнув полы черкески за пояс, и поправлял лямки от тяжелой сумки за плечами. И облегченно вздохнул, когда понял, что это Ибрахим.

Повернувшись ко входу в нишу, Бийнегер сказал громко:

— Между прочим, друзья, Ибрахим идет!
Все выбежали встречать его.

Как и положено по горским обычаям, мальчишка подошел с достоинством и сказал: «Сау бол!» — его надо было раздеть и уложить возле очага: вся одежда на нем промокла от пота и снега.

Он обтрусил ноги перед входом. Бадимат обняла его и стала стаскивать тяжелую котомку, затем одежду. Но Ибрахим остался во влажной рубашке. Ложиться не захотел,

сел возле очага, где распалили большой огонь.

Бадимат первой заметила печаль на лице брата и спросила участливо:

— Чем нас порадуешь, какие новости в ауле?

— Э, какие там новости! — отмахнулся Ибрахим.

— Как живут отец с матерью?

— Живут, ничего нового. Отец все прячется от ищеек Биймурзы. А Токала зарезали ночью.

— Туда ему и дорога! — оживился Канамат и спросил: — Долго тебя не было. Где загулял?

— Три дня прошло, как вышел из аула. Ночь застала в пути. Я побоялся заблудиться и зашел в первый же кош, где светился огонек. Там оказалась Джуммакова с мужем, — у которых сын утонул, Бийнегер вытащил его веревкой из Кубани. Помнишь? — он обратился к Бийнегеру.

Тот кивнул:

— Еще бы!

— Они приняли меня, как родного. И два дня не отпускали.

— Не спросили тебя, куда идешь? — Канамат опасался, что Ибрахим проговорился про их укрытие.

Ибрахим его понял:

— Ты не бойся. Я сказал, что иду наниматься в батраки.

— А что в ауле говорят про нас?

— Кыямат и эфенди узнали, что ты угнал у них скот. Поносят тебя последними словами. Пузан встретил меня на улице и хотел

прижать к забору, попытаться, — где вы? Но я схватил камень и так поглядел на него, что он отступился. Говорят, Биймурза был в нижнем ущелье недалеко от вас. Но сюда не добрался: ты выбрал хорошее место, Канагат!

Наступил вечер. Где-то тьякнула лисица, предвещающая надвигающуюся ночь. Снова поднялся буран и засыпал вход. Стало теплее, и все начали укладываться на ночлег.

Семен спал тревожно: это была последняя ночь с друзьями, ставшими ему родными. Они сначала смотрели на него исподлобья, дичились, а теперь ловят каждое его слово. И понимают прекрасно, кто их враг, кто их друг. «Будет время, я еще вернусь к этим горцам, их язык я теперь понимаю. И это очень большое подспорье в делах партии», — размышлял он, дожидаясь рассвета.

Чуть разбрезжилось, он надел чабыры, сделанные Бийнегером, и стал протапывать стежку в снегу. Оказалось, что и все остальные спали очень чутко. И они вышли наружу вслед за Семеном. Канагат сказал печально:

— Умер.

— Кто? — с тревогой спросил Семен.

— Умер Темуркан, в тюрьме. В Белой крепости.

Семен сжал кулаки:

— Не говорите Бадимат. С ее чутким сердцем тяжело будет жить на свете. А за моего друга Темуркана отомстите его врагам полной мерой.

Бадимат собрала Семену вещи в дорогу: запасную черкеску, носки, полотенце и большой кусок козлиного мяса.

— Только соли нет, — печально сказала она.

— Я принес! — Ибрахим развязал мешок, с которым пришел вчера. — Есть и спички. А сахара не достал.

— Садитесь, угощайте Семена. Все готово. Вы спозаранку надышались чистым воздухом, теперь моя очередь, — Бадимат вышла.

Морозец прижимал крепко. И ветер начал наметать сугробы вокруг. Но солнце выглянуло в туманной дымке, и два горба Эльбруса стали заливаться розовым, затем золотистым светом.

Бадимат радовалась новому дню. И птичьему гомону в сосновом бору. Но что-то ее тревожило. — «Неужто и я печалюсь, что уходит Семен? Еще вчера я видела в нем ненавистного гяура. А сегодня мне тяжело, что он покидает нас!»

Вышел Семен — ну, чистый карачаевец! В шапке и в черкеске, с чабырами на ногах. Только такой русый, каких в ауле никогда не бывало!

— Прощай, милая девочка! — он подошел к Бадимат и протянул ей руку. Она, не помня себя, обняла его и жарко поцеловала. — Ой, Бадимат, этот поцелуй дорого стоит! До новой встречи, родная!

Бадимат концом платка вытирала набравшие слезы. Мужчины поочередно обняли Семена, похлопали его по спине.

— Будьте здоровы, дорогие! — Семен каждому посмотрел в глаза. — Мы встретимся в более счастливые времена. Захотите узнать обо мне, наведайтесь в рудник, спро-

сите там Степана Рудакова, он будет знать, где я.

Семен пошел по снежной целине, оглядываясь и помахивая шапкой. Подошел к пролеску и в последний раз глянул на друзей: все четверо стояли у входа и посылали ему прощальный привет...

Вскоре он углубился в лес. Снежная пыль сыпалась ему за воротник, когда он задевал ветку.

Попалась тропа, протоптанная в снегу отарой овец. По ней он выбрался к дороге и пошел.

— Только вперед, только вперед! — подбадривал себя Семен. — Я выйду к людям, которые давно заждались меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение абрека	3
Чудеса в ауле	70
Закон и шарнат	142
Только вперед!	233

ХАСАН АЛИЕВИЧ
АППАЕВ

ЧЕРНЫЙ СУНДУК
РОМАН

Редактор Б. Романов
Художник А. Григорьев
Художественный редактор В. Покусев
Технический редактор Е. Румянцева
Корректоры И. Николаева, Г. Фролова

Сдано в набор 5/VII-1977 г. Подписано к печати 31/X-1977 г. Формат изд. 70x90^{1/32}.
Бумага тип. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,95. Уч-изд. л. 9,96. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4919. Цена 75 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

Рязанская областная типография
390012, Рязань, Пловая, 69/12

Дорогой читатель!

Просим Вас отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении — направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*